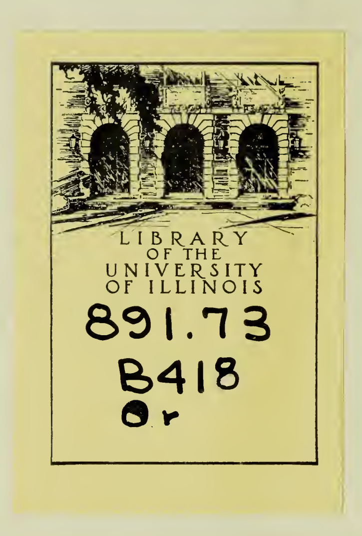

ВАДИМЪ
БѢЛОВЪ

РАЗУМѢЙТЕ ЯЗЫЦЫ

ПЕТРОГРАДЪ
1916

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“.
Эртелевъ, 13

СОДЕРЖАНІЕ.

СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХЪ.

I.

Изъ своей родной деревни Никита Митрохинъ пробирался знойнымъ іюльскимъ днемъ на сборный пунктъ по пыльному мягкому шоссе мимо необозримыхъ колышащихся, какъ желтый океанъ, хлѣбныхъ полей.

Шелъ онъ не одинъ, вмѣстѣ съ нимъ шагали, съ небольшими узелками на рукахъ, а кое-кто и съ парою запасныхъ сапогъ на веревочкѣ за плечами, нѣсколько земляковъ односельчанъ, тоже призванныхъ по мобилизаціи.

Вышли они раннимъ утромъ, когда только всходило солнце и розово-золотые отблески дрожали на выпуклыхъ круглыхъ краяхъ бѣлыхъ легкихъ облаковъ. Утро было прохладное, первыя 10 верстъ прошли незамѣтно, заходили на постоялый дворъ, что

на перекресткѣ въ Голодныхъ-Гатяхъ, попытались спросить водки, лаская себя тайной надеждой, но, получивъ отказъ, напились чаю съ собственнымъ хлѣбомъ и снова, забросивъ на плечи свои узелки и запасныя пары сапогъ, закурили козьи ножки и пошли дальше по вытянувшемуся стрѣлой шоссе, изрѣдка перебрасываясь короткими замѣчаніями.

До города было 30 верстъ, къ полудню сильно припекло, на 15 верстѣ сдѣлали привалъ просто тутъ же у дороги на зеленомъ откосѣ, пожевали хлѣба, посмотрѣли тоскливо вслѣдъ промчавшейся поповской бричкѣ, обдавшей ихъ волной ѣдкой раскаленной бѣлой пыли, и снова продолжали свой путь, пока, уже позднимъ вечеромъ, когда погасъ закатъ и вспыхнули мерцающіе алмазы звѣздъ, не достигли пригорода и постоялаго двора, гдѣ рѣшено было заночевать, чтобы раннимъ утромъ явиться на сборный пунктъ...

Митрохинъ съ земляками расположились около окна вблизи печки, на зеленомъ фонѣ которой, затѣйливой кистью какого-то мѣстнаго живописца, были изображены средневѣковые охотники въ огромныхъ шляпахъ и ботфортахъ.

Едва подали имъ чай, какъ объявился еще одинъ землякъ, кузнецъ Зацѣпа, чело-

вѣкъ исполинскаго роста и соотвѣтствующей силы, съ лицомъ бронзовымъ и опаленнымъ пламенемъ кузнечнаго горна и знойнаго іюльскаго солнца...

— Здорово, братъ Зацѣпа, чай да сахаръ, привѣтствовали кузнеца Митрохины пріятели, садись братъ въ середку, мы потѣснимся, въ тѣснотѣ, говорятъ, да не въ обидѣ...

Зацѣпа неуклюже пробрался между сидѣвшими мужиками и опустился на стулъ, закрывъ шириной своихъ плечъ двухъ охотниковъ въ ботфортахъ и оленя съ человѣческими глазами...

— Куда Зацѣпа?.. небось тоже въ городъ?

Зацѣпа провелъ рукой по лбу и бородѣ и не громкимъ, но очень низкимъ, словно исходящимъ изъ-подъ земли, голосомъ отвѣтилъ:

— Куда-же еще... извѣстное дѣло... мы-то вѣдь что: не говорятъ — не идемъ, а коли скажутъ, такъ мы завсегда... оно конечно...

И словно желая измѣнить тему разговора, Зацѣпа покрутилъ головой и черезъ минуту продолжалъ:

— Дорога-то вотъ дальняя... ишь вѣдь тоже... Ерофѣевы сыновья, тѣ еще намедни вышли къ вечеру, сегодня поди ужъ въ казармахъ ночуютъ... оно тоже ночью и идтить вольготнѣе...

Одинъ изъ Митрохиныхъ пріятелей, маленькій рыжебородый мужиченко, хихикнулъ въ блюдечко и скосивъ глаза на громаднаго Зацѣпу пропищалъ:

— А ты чего жъ? шелъ бы вчера... небось баба не пустила...

Кругомъ засмѣялись. Зацѣпа промолчалъ и даже не выругался, но слова рыжаго мужиченки вдругъ напомнили Митрохину и деревню, оставленную позади, и жену, и сына, и все, о чемъ онъ старался не думать и что ему казалось теперь уже совсѣмъ забытымъ послѣ цѣлаго дня разлуки...

И съ поразительной ясностью увидѣлъ онъ и избу свою, крытую соломой, съ подслѣповатыми окнами, курицъ, бродящихъ передъ ней на дорогѣ и разбѣгавшихся съ кудахтаньемъ передъ каждымъ прохожимъ, и Федосью свою, здоровую, сочную и крѣпкую 30-ти-лѣтнюю бабу въ подоткнутой за поясъ, расписанной зелеными цвѣтами, красной юбкѣ...

А бѣлая какъ ленъ голова сынишки и плутовскіе сѣрые глаза, какъ внезапно ярко, словно ожившіе, встали они въ памяти Митрохина!..

Тяжело было разставаться и теперь не хотѣлось ему вспоминать минуты разлуки, и поспѣшилъ Митрохинъ прислушаться къ пискливому голосу рыжебородаго мужиченка...

— Вотъ-бы что-ли къ примѣру сказать Митрохинъ нашъ... и на что это годенъ онъ теперича... и на службѣ своей винтовки-то онъ не видѣлъ, въ мирное-то время, а какъ-же это его теперь на военный манеръ приспособить, онъ поди до непріятелевъ и не дотерпитъ: со страху да съ непривычки Богу душу отдастъ...

Митрохинъ слушалъ мужиченка молча, не имѣя ничего возразить ему, такъ какъ все, что говорилъ его пріятель, было истинной правдой: Митрохинъ дѣйствительно былъ нестроевымъ, отбывалъ воинскую повинность въ нестроевой ротѣ и имѣлъ самое скудное представленіе о войнѣ и о военномъ искусствѣ вообще.

Три года своей службы въ полку онъ провелъ около обозныхъ лошадей и телѣгъ и оказаться теперь съ винтовкой въ рукахъ въ цѣпи въ виду непріятеля, подъ его пулями — казалось Митрохину не страшнымъ, нѣтъ, но какимъ-то необыкновеннымъ и невозможнымъ.

Казалось ему, что весь походъ, всѣ опасности боя, все это совсѣмъ не для него, не для нестроевого Митрохина, а для тѣхъ другихъ солдатъ, которыхъ признали строевыми, т. е. спеціально созданными для полной опасности боевой жизни.

Спать легли всѣ въ повалку на сѣнѣ, но

Митрохинъ долго не могъ уснуть въ эту ночь... Лежалъ онъ и глядѣлъ вверхъ, въ щель между досками крыши сѣновала, сквозь которую заглядывала свѣтлая полоска луннаго неба.

Богъ его знаетъ, о чемъ онъ думалъ, а только заснулъ Митрохинъ уже очень поздно, когда успокоились всѣ его товарищи, даже Зацѣпа, грузно вертѣвшійся на шелестящемъ сѣнѣ, тяжело вздыхавшій и приговаривавшій:

«Господи помилуй, Пресвятая Богородица, прости прегрѣшенія наши»...

II.

У перекрестка дорогъ, гдѣ узкая проселочная уходила влѣво въ безконечное поле, а широкое шоссе тянулось какъ стрѣла впередъ къ небольшому жидкому лѣску, сквозь деревья котораго синѣла голубая даль, полкъ прошелъ впередъ, а обозамъ и ротнымъ кухнямъ приказано было дожидаться здѣсь ординарца съ приказаніемъ...

Неуклюжія безчисленныя, сѣрыя, тяжело нагруженныя повозки, еще порожнія лазаретныя линейки съ красными крестами на парусиновыхъ бокахъ, двухколесныя ротныя кухни съ тонкими, коптящими трубами, все это прижалось къ одной сторонѣ до-

роги, чтобы пропустить впередъ патронныя двуколки — маленькіе легкіе экипажи, состоящіе всего изъ патроннаго ящика, установленнаго на двухъ колесахъ...

Одна за другой безконечной вереницей тянулись онѣ осторожно пробираясь по краю около канавы, управляемыя искусной рукой вскарабкавшихся на козлы солдатъ, подгонявшихъ длинношерстныхъ маленькихъ лошадокъ, съ трудомъ ступавшихъ по жидкой грязи, разбитой множествомъ ногъ и колесъ дороги.

И вотъ полкъ прошелъ впередъ. Сѣрыя массы людей, колышащійся океанъ поблескивающихъ штыковъ, все постепенно слилось съ полями, съ далью, съ опушкой лѣса и исчезло.

Вдоль шоссе стояли теперь одинокія, какія-то безпомощныя, обозныя повозки и вился тонкій черный дымокъ изъ трубъ кухонь, огонь въ которыхъ развели еще на бивакѣ раннимъ утромъ, когда едва всходило холодное осеннее солнце.

Около кухни третьей роты суетился, поминутно заглядывая въ дверцы и справляясь съ водомѣрнымъ стекломъ, Никита Митрохинъ, теперь кашеваръ или вѣрнѣе помощникъ кашевара третьей роты.

На Митрохинѣ теперь сѣрая куцая шинель со слишкомъ длинными рукавами, гро-

мадные сапоги, облѣпленные жидкой грязью, и фуражка до того смятая, что трудно опредѣлить, съ которой стороны находился когда-то, теперь оторванный, козырекъ...

Вотъ уже третью недѣлю какъ полкъ выгрузился изъ вагоновъ и находится въ походѣ и уже третью недѣлю какъ Митрохинъ, назначенный съ самаго начала въ нестроевую роту, а затѣмъ кашеваромъ, каждое утро возится около своей кухни, колетъ дрова, таскаетъ капусту въ котелъ, а по вечерамъ, когда рота останавливается на бивакѣ, вмѣстѣ со старшимъ кашеваромъ при багровомъ отблескѣ, бросаемомъ догорающими въ открытой топкѣ угольями, чиститъ для слѣдующаго дня картофель и ведетъ безконечные разговоры...

Кухни уже больше двухъ часовъ стояли на дорогѣ въ ожиданіи обѣщаннаго ординарца съ приказаніемъ.

Уже давно проскакали мимо рысью, разбрасывая шапки грязи, казаки, бросившіе по адресу кашеваровъ нѣсколько добродушно-ядовитыхъ словъ, давно начали доноситься издалека, оттуда, изъ-за лѣса, сперва одинокіе, рѣдкіе выстрѣлы, затѣмъ глухіе, твердые удары пушечной пальбы и постепенно все учащаясь и наростая слились въ одну безпрерывную, волнующую и бьющую по нервамъ мелодію боя...

И оставшіеся здѣсь позади кучера, обозные, санитары и разный другой нестроевой людъ, съ волненіемъ и трепетомъ вслушивались въ этотъ гулъ, въ эти отдѣльные выкрики стальныхъ глотокъ и вскарабкивались на свои повозки или крыши линеекъ въ надеждѣ увидѣть хоть что-нибудь, заглянуть хоть краемъ глаза за бордюръ лѣса, скрывавшій отъ ихъ взглядовъ поле сраженія.

— Ну и лупятъ-же... покрутилъ головой старшій кашеваръ, прислушиваясь къ отдаленному грохоту.

— Лупятъ... что и говорить... а кто лупитъ и не разберешь сейчасъ... согласился Митрохинъ, продолжая копошиться около топки, кто-жъ его знаетъ чьи пушки палятъ, можетъ ихъ, можетъ наши, а можетъ ихъ и наши вмѣстѣ...

Оба солдата минуту помолчали.

— Это вѣрно, замѣтилъ старшій кашеваръ, кто кого перепалитъ это самое главное... хожъ-бы раненый какой прошелъ, все-жъ поразспросили-бы...

Но раненые не шли и обозные продолжали томиться въ ожиданіи какихъ-нибудь вѣстей съ поля сраженія...

Митрохинъ, покончивъ съ дровами, которые онъ подбрасывалъ въ топку, распрямилъ свою сѣрую спину, похлопалъ руками

о колѣни и фыркнувъ носомъ опять обратился къ старшему кашевару:

— Василь Тимофеичъ, а Василь Тимофеичъ, а какъ-же мы солдатамъ обѣдъ-то доставлять будемъ, нѣшто-же они сегодня безъ обѣда будутъ? такимъ манеромъ у насъ и щи перепрѣть могутъ...

Въ отвѣтъ ему старшій засмѣялся.

— Чего-жъ братъ, тутъ не въ нашей власти, небось начальство подумаетъ, солдатовъ безъ обѣда не оставитъ...

Митрохинъ успокоился на нѣсколько минутъ, но видимо отвѣтъ старшаго не удовлетворилъ его и какъ только подъѣхала къ кухнямъ какая-то крестьянская телѣга, нагруженная первыми ранеными, и отъ этихъ раненыхъ столпившіеся вокругъ внимательной и любопытной толпой обозные узнали, что полкъ разсыпался въ цѣпи въ двухъ съ половиной верстахъ отсюда и что дорога эта ведетъ прямо къ окопамъ, онъ, выждавъ, когда раненые уѣдутъ и когда старшій кашеваръ отойдетъ въ сторону, подошелъ къ нему какъ-то не то съ опаской, не то со смущеніемъ.

— Я-бъ, Василь Тимофеичъ, спросить васъ хотѣлъ... кто-жъ его знаетъ, можетъ мы здѣся до вечера стоять будемъ, а, между прочимъ, солдаты безъ обѣда... Ежли-бъ вы бы съ Востряковымъ въ одинъ мигъ ко-

телъ со щами на позицію доставили... двѣ версты эка невидаль... особливо для такого случая...

Старшій не засмѣялся, не прикрикнулъ, а посмотрѣлъ на Митрохина словно думая о чемъ-то другомъ, очень важномъ и очень серьезномъ...

— Доставишь, говоришь... котелъ со щами... такъ... а не струсишь?..

Митрохинъ не отвѣтилъ ничего, но вѣроятно по лицу его старшій убѣдился, что кашеваръ не струситъ...

Подвернулась крестьянская фура, отвезшая уже раненыхъ и возвращавшаяся обратно къ цѣпямъ... Кучера остановили, объяснили ему кое-какъ въ чемъ дѣло, и черезъ минуту уже нѣсколько солдатъ тащили на подводу громадный котелъ, полный дымящихся щей...

Когда Митрохинъ съ Востряковымъ вскарабкивались на повозку, старшій крикнулъ имъ:

— Смотрите, черти, живо возвращайтесь... не-то черезъ васъ и мнѣ нагоритъ...

Но голосъ его звучалъ какъ-то непривычно ласково.

Подвода тронулась при общемъ смѣхѣ и пожеланіи...

— Смотри, щей не расплескай...

— Девятую-то угостить не забудь... я тебѣ

тащить помогалъ... кричалъ вслѣдъ одинъ изъ подсоблявшихъ солдатъ...

— Поѣзжайте, поѣзжайте, чего тамъ зря-то балясничать...

— Осторожнѣе, панъ... не вывали... ребятъ не жалко—а вотъ щи пропадутъ...

III.

Когда Митрохинъ слѣзалъ съ фуры около перевязочнаго пункта, откуда дальше предстояло ему съ Востряковымъ тащить котелъ на себѣ, онъ никакъ не думалъ, что поле сраженія, что «война» имѣетъ именно такой видъ...

Поле было открытое, тянулось оно влѣво отъ лѣска и ничего не было на немъ нидно, кромѣ вырытыхъ нашихъ окоповъ, изъ которыхъ торчали головы солдатъ. Непріятеля не было, т. е. конечно онъ былъ, но гдѣ-то такъ далеко, что Митрохинъ не могъ его видѣть, но откуда-то изъ-за гребня сыпались дождемъ пули незримыя, но угадываемыя по свисту и щелканью, съ которымъ онѣ ударялись въ деревья и камни.

Оттуда-же изъ-за гребня ухали орудія и Митрохинъ видѣлъ, какъ внезапно разворачивались въ небѣ бѣлые клубочки шрапнельныхъ разрывовъ, и слышалъ, какъ

шелестѣли послѣдней листвой разсыпающіеся вѣеромъ свинцовые шарики...

Но все не показалось ему вовсе такимъ страшнымъ. Быть можетъ, онъ просто былъ въ эту минуту всецѣло занятъ мыслью о томъ, какъ-бы донести поаккуратнѣе котелъ и не расплескать драгоцѣнныхъ щей... И странно, если въ эту минуту и приходила ему мысль, что пуля можетъ попасть въ кого-нибудь изъ нихъ, то боялся онъ не за себя, а главнымъ образомъ за Вострякова, который упавъ неизбѣжно уронитъ дымящійся котелъ...

Но до окоповъ добрались они оба благополучно...

И пока удивленные и обрадованные солдаты, подползая на четверенькахъ къ котлу, съ шутками и прибаутками черпали изъ него своими манерками щи, Митрохинъ, какъ-то совсѣмъ позабывъ о выполненной имъ задачѣ, лежалъ грудью на холодномъ мокромъ брустверѣ и съ любопытствомъ глядѣлъ впередъ въ широкое сѣрое поле, откуда неслись бѣлые клубки шрапнели и однообразно поющія пули...

И никто не отниметъ отъ Митрохина того, что первымъ замѣтившимъ приближеніе австрійцевъ—былъ именно онъ... Онъ слишкомъ внимательно вглядывался въ поле, заинтересованный всѣмъ совершающимся,

чтобы не замѣтить вдругъ вынырнувшихъ словно изъ-подъ земли на гребнѣ австрійскихъ шапокъ... Черезъ нѣсколько секундъ ихъ замѣтили уже всѣ, щи были забыты, котелъ полуопорожненный оставленъ на днѣ окопа, а солдаты уже прильнули къ брустверу и, зажмуривъ лѣвый глазъ, съ серьезными и сосредоточенными лицами цѣлили черезъ прорѣзь прицѣла, черезъ крошечную стальную мушку, на внезапно появлявшіяся изъ-за гребня головы...

Пальба участилась и превратилась въ одинъ сплошной непрерывающійся бой...

Митрохинъ съ этой минуты закружился въ какомъ-то водоворотѣ незнакомыхъ переживаній, обрывковъ мыслей и острыхъ ощущеній...

Онъ какъ въ туманѣ видѣлъ падавшаго невдалекѣ отъ него офицера, чувствовалъ, какъ навалился на него убитый наповалъ сосѣдній солдатъ, и выхвативъ у него винтовку онъ дѣлалъ что-то, что дѣлали всѣ, результатовъ чего онъ не видѣлъ, но чувствовалъ, что сотня ихъ общихъ маленькихъ усилій сливается въ одну несокрушимую каменную стѣну...

Страху не было!.. нѣтъ!.. не было страху за себя, но было безумно страшно, какъ-бы эти головы высовывающіяся изъ-за гребня не разрушили этой каменной стѣны, не сло-

мили-бы этой живой преграды... И быть может именно охваченный этой боязнью кашеваръ Митрохинъ ошибся, когда ему послышалось, что кто-то крикнулъ «ура»... Но изъ того, что полагается знать «строевому» солдату, онъ твердо помнилъ, онъ «нестроевой», что когда идутъ въ штыки—кричатъ ура...

И забывъ все, кромѣ этого, быть можетъ пригрезивъ только этимъ короткимъ словомъ, онъ выскочилъ одинъ на брустверъ и, взмахнувъ винтовкой, какимъ-то страшнымъ, угрожающимъ и незнакомымъ ему звѣринымъ голосомъ закричалъ «ура»!..

Въ ту-же минуту онъ увидѣлъ свою ошибку, видя, что никто въ атаку еще не бросался и всѣ сидѣли въ окопѣ, но понялъ, что возврата уже нѣтъ, и отбѣжавъ впередъ, все еще размахивая винтовкой, онъ словно споткнулся отъ внезапнаго толчка и упалъ лицомъ внизъ, больно расшибивъ себѣ кисти рукъ.

И лежа лицомъ внизъ, не имѣя силъ подняться, онъ словно въ отвѣтъ на свой одинокій крикъ услышалъ громовое перекатывающееся сплетенное изъ сотенъ здоровыхъ голосовъ «ура», услышалъ вдругъ топотъ сотенъ ногъ бѣгущихъ мимо него, увлеченныхъ имъ въ отчаянную атаку солдатъ...

«Вотъ сейчасъ... сейчасъ поднимусь... догоню... эхъ»... думалъ онъ царапая руками сырую землю, но уже не имѣлъ силъ подняться и никогда не поднялся...

Простая храбрая душа «нестроевого» кашевара Никиты Митрохина понеслась къ голубымъ небесамъ и увѣнчали ее лучи осенняго солнца золотою короной, а на землѣ остался только маленькій холмикъ на опушкѣ лѣса съ воткнутымъ въ него, составленнымъ изъ двухъ обломковъ ящика, крестикомъ, на которомъ заботливая рука фельдфебеля карандашомъ написала:

«Кашеваръ Никита Митрохинъ погибъ смертью храбрыхъ въ бою при деревнѣ N»...

«НЕ ЗАДАЧА».

I.

Пахомовъ и Вавиловъ — изъ разныхъ деревень, одинъ съ юга, а другой съ сѣвера, люди они тоже совсѣмъ разные, и свела ихъ капризная судьба.

Пахомовъ и Вавиловъ попали въ одинъ полкъ, въ одну роту, въ одинъ взводъ и по росту оказались рядомъ стоящими.

Къ тому же Вавиловъ еще въ поѣздѣ потерялъ свой котелокъ и съ этого дня обѣдалъ вмѣстѣ съ Пахомовымъ, а это, конечно, не могло не повліять на, завязавшуюся между ними вскорѣ, тѣсную дружбу.

Въ пути, пока полкъ везли мимо большихъ городовъ, станцій, полустанковъ и опрятныхъ небольшихъ вокзаловъ Полѣсья, Пахомовъ и Вавиловъ сидѣли вмѣстѣ съ другими солдатами рядомъ на полу вагона, вывѣсивъ

наружу, сквозь широко раскрытую дверь, ноги. Спали они вмѣстѣ на верхнихъ нарахъ, утромъ, въ ожиданіи станціи «съ кипяткомъ», молчаливо жевали хлѣбъ, а потомъ, когда поѣздъ останавливался и взводный объявлялъ, что на платформѣ уже скипѣлъ бакъ, они по очереди бѣгали, бренча маленькимъ жестянымъ чайникомъ.

Это бѣганье за кипяткомъ было вообще однимъ изъ немногихъ развлеченій солдатъ, сильно соскучившихся за долгій переѣздъ изъ родного приволжскаго городка къ германской границѣ.

Поѣздъ оживалъ въ одно мгновеніе: изъ широко раскрытыхъ дверей товарныхъ вагоновъ выпрыгивало сразу на полотно нѣсколько десятковъ солдатъ съ котелками, манерками, маленькими чайничками и большими взводными чайниками, обшитыми шинельнымъ сукномъ.

Вся эта ватага, обгоняя другъ друга, неслась къ платформѣ, гдѣ уже дымился котелъ съ кипящей водой, и желѣзнодорожный сторожъ разливалъ ее по чайникамъ первымъ подбѣжавшимъ. Черезъ минуту образовывался безконечный хвостъ, и послѣдніе едва успѣвали взобраться обратно въ свои вагоны, какъ поѣздъ трогался безъ свистковъ, по одному только приказанію коменданта станціи...

Впрочемъ, чаепитіемъ занимались исключительно въ пути, сидя у открытыхъ дверей и любуясь, бѣгущими мимо поѣзда навстрѣчу, пейзажами.

Пахомомъ и Вавиловъ тоже устраивались на своихъ верхнихъ нарахъ около двери и молчаливо прихлебывали изъ эмалированныхъ кружекъ, откусывая бережно, крѣпкими блестящими зубами, маленькіе кусочки сахара.

Наконецъ, наступилъ часъ, когда нужно было разстаться и съ темнымъ теплымъ и уютнымъ вагономъ, съ продолжительными аепитіями и начать новую, еще не знакомую, походную жизнь.

Это было ночью, когда всѣ спали, и поѣздъ катился безмолвный и таинственный мимо сонныхъ полей, черныхъ, какъ будто мертвыхъ, деревень и безконечныхъ лѣсовъ, шумящихъ тихо и монотонно. Гдѣ-то впереди показались черныя постройки, выплылъ на темномъ фонѣ неба зеленый фонарь семафора, потянулись мимо, быстро катившагося, спящаго поѣзда, безконечныя вереницы порожнихъ товарныхъ вагоновъ, откликающихся на стукъ колесъ звонкимъ ночнымъ эхо, промелькнуло паровозное депо, съ застывшими неподвижно черными громадами локомотивовъ, глядящими своими тусклыми

красными глазами, и, наконецъ, поѣздъ, въ одномъ изъ вагоновъ котораго находились Пахомовъ и Вавиловъ, остановился около длинной безлюдной товарной платформы, заваленной какими-то грузами и заставленной пушками, закрытыми чехлами и кажущимися въ ночномъ мракѣ черными, рогатыми, невѣдомыми чудовищами.

Съ этой минуты все пошло какъ-то чрезвычайно быстро и, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое событіе врѣзывалось въ память съ поразительной четкостью и ясностью...

Разбудили громкіе окрики взводныхъ. Люди, быстро проснувшіеся, тотчасъ же сообразили въ чемъ дѣло, послѣзали съ наръ и начали сосредоточенно и молча одѣваться. Въ вагонѣ, гдѣ находились Пахомовъ и Вавиловъ, всего было около тридцати человѣкъ, а потому въ тѣснотѣ люди перепутали винтовки, понадѣвали чужія амуниціи и долго потомъ, уже передъ вагонами, переругивались, оспаривая другъ у друга перепутанную амуницію.

Ночь была холодная и на открытой платформѣ, по которой гулялъ ледяной вѣтеръ, казалось еще холоднѣе.

Посрединѣ мерцалъ одинокій нефтяной факелъ, громко завывая, и жалобный вой этого желтаго пламени, раздуваемаго и раскачиваемаго вѣтромъ изъ стороны въ сто-

рону, ползъ, то повышаясь по полутонамъ вверхъ, то понижаясь и почти затихая на глубокихъ, дрожащихъ басовыхъ нотахъ.

А лица солдатъ, озаренныя кровавыми отблесками стонущаго факела, казались не живыми, не человѣческими, а выкованными изъ какого-то страннаго невѣдомаго металла, средняго между бронзой и золотомъ.

Вскорѣ затѣмъ все всколыхнулось, и вся масса людей, лошадей и повозокъ тронулась и исчезла въ ночномъ мракѣ и сѣрыхъ клубахъ тяжелой дорожной пыли.

II.

Этотъ долгій переходъ, ночевка въ открытомъ полѣ, безъ палатокъ, въ ожиданіи приказанія выступить дальше, эти безконечные марши послѣдующихъ дней, то по пыльнымъ дорогамъ, то прямо черезъ поля, затоптанныя уже тысячами ногъ, все это постепенно вошло въ привычку и перестало казаться новымъ и тяжелымъ. Наоборотъ, ночевки подъ открытымъ небомъ, на поляхъ, пахнущихъ свѣжей землей, и маршировка раннимъ утромъ, когда еще едва розовѣетъ востокъ, когда первыя минуты охватываетъ сырой холодъ ночи, а затѣмъ разогрѣвшееся ходьбой тѣло дѣлается упругимъ и свѣжимъ—это было пріятнѣе и роднѣе душ-

ныхъ казармъ, наполненныхъ людьми, или вагоновъ полутемныхъ и располагающихъ къ лѣни и вялости.

Пахомовъ и Вaвиловъ и во время похода сохранили тѣ же отношенія, и въ поѣздѣ.

Они шли рядомъ, перебрасывались изрѣдка короткими замѣчаніями по поводу потоптанныхъ полей, попорченныхъ мостовъ или чего-нибудь другого, привлекавшаго ихъ вниманіе и занимавшаго ихъ практичные крестьянскіе умы.

До первой стычки съ непріятелемъ пришлось идти дней пять и всѣ уже успѣли свыкнуться съ мыслью, что съ минуты на минуту можетъ начаться тотъ самый «бой», къ которому каждый себя втайнѣ подготовлялъ и который казался такимъ заманчивымъ и одновременно такимъ страшнымъ.

А потому всѣ какъ-то даже не замѣтили, какъ отъ мирнаго похода полкъ перешелъ къ боевому порядку, какъ вспыхнули въ голубомъ небѣ бѣлые клубочки, разрывающихся надъ головами, шрапнелей и какъ откуда-то издалека начали доноситься глухіе тяжелые удары артиллерійской стрѣльбы.

— Это онъ по насъ, — замѣтилъ, задирая кверху голову, фельдфебель, ветеранъ японской войны, которому вѣрили безпрекословно и авторитетъ котораго признавался всѣми.

Первую минуту казалось даже страннымъ, что эти бѣлые клубочки дѣйствительно предназначались для подходившей къ лѣсу колонны, до того рвались они въ сторонѣ и не причиняли никому вреда.

Но удары пушекъ продолжали раздаваться, и вскорѣ наша батарея, шедшая рядомъ съ дивизіей, уѣхала куда-то вправо, а полки разсыпались въ цѣпи и начали уже подвигаться дальше не сплошными колоннами, а цѣпями, перебѣгая отъ кочки къ кочкѣ, отъ рытвины къ рытвинѣ и отъ одной складки мѣстности къ другой.

Пахомовъ и Вавиловъ бѣжали рядомъ теперь уже молча, такъ какъ разговаривать не было времени да и невозможно было, такъ быстро мѣняли они мѣста и такъ гулко гремѣли, заглушая человѣческіе голоса, съ той и съ другой стороны орудія.

Но оба они, вѣроятно, переживали одно и то же чувство, испытываемое каждымъ впервые попадающимъ въ бой: оба они, находясь еще внѣ огня, съ трепетомъ ожидали той минуты, когда первый непріятельскій снарядъ разорвется вблизи ихъ и надъ ухомъ прожужжитъ первая пуля.

Ожидали этого страшнаго мгновенія и боялись его и жаждали одновременно.

Когда же, пробѣжавъ лѣсокъ и выйдя на чистое поле, рота оказалась подъ огнемъ

и первый бризантный снарядъ ударился совсѣмъ близко, раздробивъ въ щепки толстый стволъ дерева и вырывъ въ землѣ глубокую неровную яму, Пахомовъ оглянулся быстро на своего друга, какъ бы ища въ его глазахъ безмолвнаго отвѣта.

Вавиловъ тоже поймалъ взглядъ своего сосѣда, но не сказалъ ничего, не улыбнулся ему, а только хмыкнулъ носомъ, дернулъ головой какъ-то по особенному, словно давая понять Пахомову, что «все это пустяки и онъ ожидалъ именно этого самаго».

Съ этой минуты не было уже времени имъ ни переглядываться, ни переговариваться, перестрѣлка увлекала ихъ, всецѣло завладѣла ихъ вниманіемъ, и оба они скорѣе чувствовали, чѣмъ видѣли, рядомъ съ собой своего сосѣда.

Бой кончился поздно вечеромъ, когда заняли деревню и расположились въ отбитыхъ у австрійцевъ окопахъ.

Здѣсь только оба пріятеля снова сошлись за котелкомъ, но не было уже охоты говорить о пережитомъ днѣ, обмѣниваться впечатлѣніями, былъ насущный вопросъ, это— голодъ, и оба они сперва опустошили свой котелокъ, начисто вылизали ложки и затѣмъ уже, спрятавъ ихъ за голенищу, обмѣнялись нѣсколькими словами...

— Да, братъ ты мой... дѣло...

— Что и говорить... здорово зажаривали...

— Ты видѣлъ, какъ фельдфебеля-то нашего пырнули?—спросилъ Пахомовъ.

— Какъ не видѣть... я къ нему на подмогу и шелъ... да только не поспѣлъ...

Оба промолчали. Пахомовъ протяжно зѣвнулъ и перекрестилъ лобъ.

— Эхъ-ма... теперича бы чайку напиться... совсѣмъ бы другое дѣло было. Солдатъ сладко потянулся.

— Да, это ты справедливо... теперича бы одно намъ—костеръ бы разложили да воды вскипятили—тутъ тебѣ и чай и сахаръ...

— Ротный не приказываетъ, мрачно замѣтилъ Вавиловъ, говоритъ — нельзя огня разводить... а ужъ безъ огня какой-же чай...

— Этакая незадача...

И оба они сидѣли на днѣ окопа не зная за что взяться, хотя и сытые, но чувствовавшіе себя не въ своей тарелкѣ: не было кружки чаю, къ которой такъ привыкли и безъ которой было скучно.

Бѣдѣ помогъ совѣтомъ какой-то бородачъ изъ запасныхъ, лежавшій около, подложивъ подъ голову вещевой мѣшокъ.

Прислушавшись къ разговору двухъ друзей, онъ вставилъ свое слово:

— Чего скулите-то? не полѣнились бы, такъ пожалуй и безъ костра насчетъ чаю словчиться бы сумѣли... тоже... лежатъ да

говорятъ, а нѣтъ того, чтобы людей порасспросить али самимъ округъ себя поглядѣть.

Оба солдата оглянулись на ворчливаго запасного, готовые уже огрызнуться за его непрошенное вмѣшательство.

— А коли ты знаешь, такъ не молчалъ бы, сказалъ да и все тутъ... мы бъ тебя за это чайкомъ попотчевали... замѣтилъ, наконецъ, болѣе практичный и добродушный Вавиловъ.

— Сказъ-то весь короткій, чѣмъ въ окопѣ сидѣть да огонька дожидаться, сбѣгалъ бы на кухню... тамъ кипятку цѣлый бакъ, всего и не выпьешь...

— Да гдѣ кухня-то, ее теперича и не сыщешь?

— Чего тамъ не сыщешь... людей разспросишь—сыщешь... ноги-то небось молодые,—проворчалъ запасный,—вона тамъ у той деревни, гдѣ утромъ обозъ оставили... тамъ и стоитъ... куда ей дѣваться... я самъ видѣлъ.

— Сбѣгать что-ли?.. колебался Вавиловъ, поглядѣвъ на товарища...

Тотъ подалъ плечами.

— Бѣги пожалуй, мнѣ-то что... а только смотри чайникъ мой не потеряй...

— Извѣстное дѣло — бѣги, — поддержалъ и бородачъ, — чайку теперь какъ разъ во-время похлебать...

Вавиловъ собирался не долго, онъ взялъ, отвязанный Пахомовымъ отъ ранца, чайникъ, переспросилъ еще разъ бородача, какъ найти кухню, и, миновавъ сѣть ходовъ сообщенія, зашагалъ по открытому широкому полю.

III.

Было уже совсѣмъ темно, когда Вавиловъ возвращался отъ кухни къ своему окопу, осторожно неся въ рукѣ жестяной чайникъ съ кипяткомъ.

Поле уже одѣлось синей вуалью глубокихъ сумерекъ, слились въ одну полосу отдаленный лѣсъ и кусты и перестали выдѣляться на фонѣ земли трупы людей и лошадей, казавшіеся нѣсколько часовъ назадъ разбросанными по полю темными кочками.

Вавиловъ быстро добѣжалъ и нашелъ кухню, около нея дѣйствительно толпилось много народу, разные обозные санитары и всякій другой людъ, спѣшившій запастись кипяткомъ или еще не получившій горячаго ужина.

Вавилову стоило большихъ трудовъ дождаться очереди и подставить свой чайникъ подъ дымящуюся струю, бѣжавшаго изъ крана, кипятка; справа и слѣва толкали

подъ локти торопившіе товарищи, и Вавиловъ долженъ былъ нѣсколько разъ выругаться, чтобы оттянуть время и дать наполниться чайнику.

Теперь онъ шелъ назадъ по тому же полю, уже совсѣмъ темному и казавшемуся еще шире и еще безграничнѣе.

Дороги онъ хорошо не запомнилъ, но зналъ приблизительно, что надо идти все время обратясь спиной къ лѣсу до деревяннаго креста, возвышавшагося на большомъ пригоркѣ, а затѣмъ повернуть вправо, и не мѣнять направленія до самыхъ ходовъ сообщенія.

Темная ли ночь или масса новыхъ переживаній окончившагося дня, давившихъ его мозгъ, но мысль солдата бѣжала быстрая, перебрасываясь съ предмета на предметъ, съ воспоминанія на воспоминаніе, и онъ не замѣтилъ, какъ ушелъ далеко въ поле и, оставшійся позади него, лѣсъ слился съ черным ночнымъ небосклономъ.

Вавиловъ остановился.

«Вотъ такъ оказія, гдѣ-жъ теперича этотъ самый крестъ? налѣво ли, направо, кто-жъ его знаетъ»...

Одну минуту солдатъ хотѣлъ даже повернуть назадъ, чтобы снова увидѣть лѣсъ, къ которому надо было все время держаться спиной, но потомъ вспомнилъ о кипяткѣ,

который въ такомъ случаѣ совсѣмъ остынетъ...

«Э, чортъ съ нимъ... должно прямо... авось не заблужусь».

И Вавиловъ зашагалъ снова, теперь уже внимательно глядя по сторонамъ и разыскивая пытливымъ взглядомъ тотъ крестъ, который послужилъ бы ему маякомъ.

Шелъ онъ около часа и удивлялся, что въ первый разъ дорога показалась короче, но теперь уже возвращаться назадъ не было никакого смысла, и, постоявъ минуту, Вавиловъ измѣнилъ направленіе вправо.

Наконецъ, когда уже ноги сильно устали и изъ чайника пересталъ валить паръ, Вавиловъ съ радостью замѣтилъ во мракѣ черныя фигуры сидѣвшихъ въ окопахъ солдатъ.

«Ну, слава Богу... облегченно вздохнулъ онъ, ишь ты, куда схоронились, кипятокъ-то поди остылъ совсѣмъ».

Подходя къ окопамъ Вавиловъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на то странное обстоятельство, что теперь солдаты сидѣли лицами не въ ту сторону, какъ раньше.

«Пахомовъ...» — окликнулъ онъ радостно и спрыгнулъ въ окопъ, но въ ту же минуту остановился, онѣмѣвшій отъ неожиданности: при робкомъ свѣтѣ свѣчи, вырывавшемся изъ закрытаго рогожей блиндажа,

Вавиловъ увидѣлъ ясно сидѣвшихъ на землѣ солдатъ въ незнакомой ему формѣ и австрійскихъ кепи.

Трудно сказать, кто былъ болѣе изумленъ, русскій ли солдатъ, попавшій случайно въ непріятельскій окопъ, или австрійцы, увидѣвшіе ночью въ своей траншеѣ, одного, безоружнаго, державшаго въ рукахъ какой-то блестящій предметъ, русскаго солдата...

Но этотъ блестящій предметъ, этотъ жестяной чайникъ, занятый Вавиловымъ у товарища, спасъ положеніе и самую жизнь русскаго солдата.

Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, скорѣй инстинктивно, Вавиловъ поднялъ надъ головой блестящій чайникъ, въ эту короткую секунду успѣлъ замѣтить, какъ вскочившіе австрійцы бросились въ разныя стороны... Онъ услышалъ одно слово понятное ему... «бомба»... и съ размаху бросилъ въ нихъ наполненный кипяткомъ чайникъ.

Вавилову не было времени смотрѣть, что произошло въ окопѣ послѣ того, какъ онъ бросилъ въ него свою «бомбу».

Онъ бѣжалъ, какъ никогда, бѣжалъ, не замѣчая встрѣчавшихся ему препятствій, подгоняемый звучащими позади него выстрѣлами, и уже на бѣгу сообразилъ, что, чтобы попасть къ своимъ, надобно взять

направленіе противоположное непріятельскимъ окопамъ.

Онъ ворвался въ нашу траншею запыхавшійся и нѣсколько минутъ не могъ отдышаться, держась за грудь и глядя на товарищей широко раскрытыми глазами, но первое, что Вавиловъ сказалъ — это была не повѣсть о его чудесномъ спасеніи, а нѣсколько словъ сожалѣнія и извиненія по адресу Пахомова.

— Ты, братъ Пахомовъ, на меня не сердись... чайникъ-то твой я потерялъ... этакая незадача... ахъ ты Господи... и какъ же это теперь будемъ мы съ тобой пить чай?..

Между тѣмъ австрійцы, уже опомнившіеся отъ Вавиловой «бомбы», начинали перестрѣлку.

ВЪ ОГНѢ ЗАЩИТЫ.

Ихъ была одна рота и волею судьбы они были заперты въ покинутой всѣми, горѣвшей нѣсколько разъ и состоявшей теперь всего лишь изъ нѣсколькихъ полуразрушенныхъ строеній, деревнѣ...

Наступленіе велось быстро, отходившаго непріятеля преслѣдовали по пятамъ и къ деревнѣ подошли на разсвѣтѣ.

Когда вдали показались темныя неясныя очертанія полуразрушенной деревни, рота остановилась у края дороги и пропустила мимо себя впередъ взводъ казаковъ, предназначенный для развѣдки.

Мы остановились одни, неподвижно среди молчаливыхъ снѣжныхъ полей и ожидая возвращенія развѣдчиковъ.

Они возвратились скоро, и ротный командиръ сообщилъ намъ, что въ деревнѣ засѣли нѣмцы и что намъ придется во что бы то ни стало выбить ихъ.

Прошло больше получасу, пока мы рѣдкими цѣпями приближались къ деревнѣ съ двухъ сторонъ, а съ двухъ другихъ къ намъ примыкали цѣпи сосѣдней роты, замыкая такимъ образомъ вокругъ засѣвшихъ нѣмцевъ желѣзное кольцо штыковъ и, пока молчаливыхъ, но грозныхъ, черныхъ ружейныхъ дулъ. Гулко прогремѣлъ въ морозномъ воздухѣ первый выстрѣлъ.

И вотъ заговорили вдругъ быстрымъ и частымъ говоромъ пулеметы, защелкали, обгоняя другъ друга, винтовки.

Теперь уже можно было различать стрѣлковъ, засѣвшихъ у полуразрушенной околицы, можно было видѣть, то выглядывающія то прячущіяся, головы въ остроконечныхъ каскахъ, и солдаты наши, защищаясь наскоро насыпанными снѣжными холмиками прикладывались старательно по каждой, вынырнувшей изъ-за бруствера, фигурѣ нѣмца.

Пулеметъ работалъ отчаянно.

Онъ былъ только одинъ,—это мы знали,— такъ какъ давно опредѣлили его мѣстонахожденіе и осыпали крайнюю избу, изъ окна который высовывалось черное зловѣщее дуло, дождемъ пуль.

«Ишь ты, какіе упрямые... жарятъ себѣ да жарятъ, и ничего знать не хотятъ»—покачивали головами солдаты:

Какъ ни упорны были засѣвшіе въ деревнѣ нѣмцы, какъ ни сопротивлялись они давившему ихъ со всѣхъ сторонъ желѣзному кольцу, оно сжималось все туже съ каждой минутой и, наконецъ, сомкнулось совсѣмъ, влилось сотнями штыковъ со всѣхъ концовъ деревни во всѣ ея улицы и закоулки. Нѣмецкая рота почти вся погибла, за исключеніемъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, болѣе трусливыхъ, которыхъ переловили наши солдаты въ огородахъ и въ темныхъ уцѣлѣвшихъ сараяхъ, деревня была занята, ружейная пальба замолкла и только одиноко продолжалъ трещать изъ крайней избы пулеметъ...

— Что за исторія,—воскликнулъ капитанъ,—кто же тамъ засѣлъ... пошлите сейчасъ же человѣкъ двадцать оцѣпить избу и забрать этого храбраго воина. Больно уже онъ увлекся...

Взять избу не представляло особеннаго труда, такъ какъ таинственный стрѣлокъ осыпалъ пулями только пространство впереди окна, сзади же можно было проникнуть черезъ дверь и черезъ окна въ сѣни.

— Теперь, ребята, вали всѣ сразу, не давай ему опомниться, хватай прямо его, собачьяго сына... — наставлялъ вполголоса унтеръ-офицеръ изъ запасныхъ столпившихся у заднихъ дверей солдатъ.

— Главное дѣло — хватай его и тащи... отъ пулемета, значитъ, чтобы онъ палить пересталъ... Ну, теперича готовься... разъ, два, три...

— Ура,—закричали нестройно голоса, и вся толпа, разбившись на одиночныя сѣрыя фигуры, кинулась къ окнамъ и дверямъ избы, карабкаясь на подоконники и скользя съ обмерзшихъ ступеней...

Ворвались во внутрь избы, наполненной пороховымъ дымомъ, кинулись къ окну къ трещавшему пулемету, ожидая столкнуться съ упрямымъ, сильнымъ и опаснымъ противникомъ, но остановились изумленные и недоумѣвающіе передъ фигурой одинокой и жалкой, фигурой старухи нѣмки, прильнувшей плечомъ къ косяку окна и не отрывающей рукъ отъ спускового механизма пулемета.

— Держи ее, тащи проклятую,—крикнулъ кто-то, и человѣка три набросились на старуху, оторвали ее отъ пулемета и потащили изъ избы... Остальные шли безучастно позади—имъ нечего было дѣлать!

— Вотъ такъ баба!.. ай да старуха, боевая шельма, только рехнувшись, видно,—говорилъ тотъ же унтеръ-офицеръ, который наставлялъ солдатъ нѣсколько минутъ тому назадъ, выходя съ ними изъ избы.

— За это, братъ ты мой, и сумасшедшую

не похвалятъ, — замѣтилъ, спускаясь во дворъ, молодой солдатикъ, и, видимо, всѣ остальные были съ нимъ согласны, хотя злобы и ненависти къ этой сумасшедшей старухѣ, посаженной врагами за пулеметъ, ни у кого не было.

Душа простого русскаго солдата была слишкомъ широка и глубока, чтобы всколыхнуться злобой противъ безумной женщины.

БОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ.

I.

„Нѣмецкія щи“.

Скучнѣе всего въ походѣ это то, что обозъ никогда не поспѣваетъ за своими частями... Спеціальный обозъ перваго разряда, въ которомъ находится все наиболѣе необходимое и важное для солдатъ и офицеровъ и при которомъ слѣдуютъ ротныя кухни, даже этотъ обозъ отсталъ отъ насъ, по крайней мѣрѣ, верстъ на 30, и второй день мы уже сидѣли безъ горячей пищи, что называется на «подножномъ корму».

Этотъ «подножный кормъ»—вещь чрезвычайно непріятная; у солдатъ есть черный хлѣбъ, которымъ они питаются, но къ этому, по меньшей мѣрѣ, скромному меню приходится прибавлять все, что только оказывается возможнымъ: если въ лавочкѣ попа-

дающагося на дорогѣ и случайно не разореннаго села оказывается шоколадъ, — беремъ шоколадъ, колбаса — беремъ колбасу, если проходимъ мимо огорода, гдѣ еще не выкопали весь картофель — дѣлаемъ маленькій привалъ, и, накопавъ себѣ нѣсколько мѣрокъ, идемъ далѣе, чтобы вечеромъ на большомъ привалѣ сварить его и ѣсть горячій, обжигая руки и ротъ, конечно безъ масла и даже иногда безъ соли.

А ужъ если попадется гдѣ-нибудь крестьянка, желающая продать пѣтуха или курицу, то это такое рѣдкое счастье, за которое большинство готово заплатить бѣшеныя деньги...

Послѣ долгихъ переходовъ и двухъ маленькихъ стычекъ съ непріятелемъ, мы попали однажды именно на этотъ «подножный кормъ», о которомъ я только что разсказывалъ... Внезапно пошли дожди, глинистая дорога размякла и, вѣроятно, наши перегруженные обозы увязли гдѣ-нибудь на подъемѣ, и мокрыя, лохматыя, усталыя лошаденки тщетно вылѣзали изъ сбруи, стараясь вытащить ихъ на гору... Вокругъ нихъ сбились въ одну сѣрую массу разные обозные, санитары изъ лазаретныхъ линеекъ, какіе-нибудь отставшіе, догоняющіе свои полки, и, вцѣпившись руками въ колеса, облипшія жидкой сѣрой грязью, силились помочь выйти на болѣе твердую дорогу, но напрасно. Тяжелыя

повозки, нагруженныя фуры увязали до ступицъ колесъ въ глинѣ и приходилось начинать длинную канитель перепряганія лошадей и вытаскиванія каждой по очереди.

Такъ или иначе, но обозъ отсталъ, а съ нимъ и кухни,—слѣдовательно, мы остались безъ горячихъ щей и безъ кипятку.

Роптать, никто не роптал... объ этомъ не могло быть и рѣчи, да это и совсѣмъ не въ характерѣ русскаго солдата, всѣ понимали причину и только досадовали или, болѣе добродушные, посмѣивались надъ обозными, которые теперь гдѣ-нибудь позади стоятъ на одномъ мѣстѣ и не знаютъ «куда дѣвать всю массу наваренныхъ щей»... Мы шли своей дорогой по сѣрому шоссе, по полямъ уже почернѣвшимъ и сквозь лѣса, шумящіе оголенными черными вѣтвями.

Когда можно было разводить костры, — варили картофель или свеклу, кипятили кипятокъ для чая и только иногда съ грустью вспоминали о безвременно погибшихъ щахъ и отставшихъ кухняхъ...

Вѣсть, которую намъ принесли развѣдчики, обрадовала насъ и изумила несказанно: прискакавшіе казаки разсказали, что въ трехъ съ половиной верстахъ отсюда они видѣли германскій обозъ, тоже увязнувшій въ грязи, обозъ прикрываемый всего полуротой, да взводомъ прусскихъ кирасиръ.

— Видно, тоже грязь хлебаютъ... — смѣялись солдаты.—На выручку къ нимъ пойти что-ли... Мы подсобимъ, отчего же... особливо подводы съ хлѣбушкой, али съ чѣмъ другимъ...

Но уже было рѣшено!.. отдѣлилась рота и пошла налѣво въ лѣсъ «добывать обѣдъ»...

Мы пробирались по мокрому, уже увядшему мху, среди поломанныхъ голыхъ черныхъ сучьевъ черезъ пни и кочки, вдали отъ дороги, и три съ половиной версты шли то лѣсомъ, то полемъ, еще изрытымъ, рвавшимися здѣсь нѣсколько дней тому назадъ, снарядами...

Притаились на опушкѣ... отсюда ползли гуськомъ, одинъ за другимъ, осторожно выглядывая изъ канавы на дорогу, гдѣ вдали чернѣла вереница нагруженныхъ повозокъ и фуръ, загородившихъ все шоссе...

Канава была, къ счастью, глубокая, и мы подобрались по обѣ стороны дороги почти къ самому непріятельскому обозу, мы могли даже сосчитать сколько у нихъ повозокъ, сколько человѣкъ составляетъ прикрытіе и сразу по командѣ ротнаго командира, съ крикомъ «ура», бросились со всѣхъ сторонъ на солдатъ въ остроконечныхъ каскахъ, прикрытыхъ защитными чехлами, занятыхъ хлопотами около неподвижныхъ возовъ... Покончили съ ними быстро, обошлось даже

безъ убитыхъ... Они сдавались сами охотно, утомленные и обозленные распутицей и необходимостью надрываться вмѣстѣ съ лошадьми, впрягаясь въ обозныя фуры...

У нихъ отобрали оружіе, согнали всѣхъ въ одну кучу, а наши солдатики уже разсыпались вдоль вереницы повозокъ и слышались ихъ возгласы:

— Ишь, черти. Картофельный супъ варятъ, вали всѣ сюда, ребята... Вотъ намъ супъ-то Богъ послалъ... Подходи, молодцы, за нѣмецкимъ хлебовомъ.

Теперь въ нашемъ распоряженіи были цѣлыя восемь кухонь съ полными котлами картофельнаго супа... солдаты набирали манерки и котелки, разсаживались тутъ же на краю дороги и обѣдали быстро, наскоро, смѣняя товарищей, сторожившихъ тѣмъ временемъ забранныхъ въ плѣнъ нѣмцевъ... Въ отрядъ уже послали донесеніе о взятіи въ плѣнъ обоза... Пришло намъ приказаніе двигаться вмѣстѣ съ забранными повозками и кухнями по направленію къ нашимъ, но сколько ни бились солдаты, плѣнные нѣмцы и измученныя лошади, проѣхавъ нѣсколько саженей, обозъ увязъ окончательно и безнадежно...

Въ этотъ день мнѣ пришлось наблюдать странность, которая можетъ имѣть мѣсто только на войнѣ, въ исключительныхъ усло-

віяхъ походной жизни: увязнувшій обозъ остался стоять на своемъ мѣстѣ, а нашъ отрядъ, смѣняясь по-ротно, отправлялъ людей за три съ половиной километра къ дымящимъ кухнямъ за нѣмецкимъ картофельнымъ супомъ...

Солдаты шли охотно со смѣхомъ и шутками; согрѣлись желудки, заиграла кровь и развязались языки...

И послѣ, когда мы уже прошли далѣе, оставивъ позади себя завязнувшія нѣмецкія повозки и опустошенные котлы нѣмецкихъ кухонь, солдаты часто вспоминали «нѣмецкія щи» и даже прибавили въ честь ихъ одинъ куплетъ къ своей любимой пѣснѣ:

«Какъ Вильгельмъ ротозѣй
«Намъ прислалъ въ подарокъ щей»...

II.

Коза.

Послѣ двухъ недѣль усиленныхъ маршей, послѣ нѣсколькихъ жаркихъ стычекъ, уже успѣвшихъ закалить нервы и пріучить людей къ постояннымъ невзгодамъ и опасностямъ, наступило временное затишье, затянувшееся противъ ожиданія на довольно долгій срокъ...

Наши окопы тянулись по склону горы, а противъ нихъ шагахъ въ ста не болѣе засѣли въ параллельныхъ нашимъ траншеяхъ нѣмецкіе солдаты...

Обѣ стороны словно утомились многодневными переходами, распутицей, постояннымъ недоѣданіемъ и недосыпаніемъ и теперь, несмотря на явную враждебность отношеній, какъ будто-бы отдыхали по какому-то безмолвному, обоюдному соглашенію...

Вечеромъ на днѣ окоповъ развели небольшіе костры, положили на скрещенные штыки толстыя палки, и въ навѣшенныхъ на нихъ манеркахъ скоро закипѣлъ наскобленный ножомъ плиточный чай.

Солдаты уже знали, когда нѣмцы обѣдаютъ, когда ужинаютъ. Нѣмцы, вѣроятно, въ свою очередь тоже постигли расписаніе солдатскаго дня, и обѣ стороны, въ ста шагахъ одна отъ другой, жили сегодня мирной, почти товарищеской жизнью, готовые завтра, по первому приказанію, броситься другъ на друга и сцѣпиться въ отчаянной смертельной борьбѣ...

Въ это утро куроносый, рыжеватый весельчакъ Ряпушкинъ, высунувшись черезъ брустверъ, сообщилъ товарищамъ необыкновенное извѣстіе:

— Глянь-ка, ребята, что это бѣжитъ тамъ?.. Коза кажется... ей Богу, коза... глянь-ка, ре-

бята, ишь—какъ отжариваетъ, и откуда это она только взялась?..

Всѣ живо заинтересовались сообщеніемъ Ряпушкина, и нѣсколько головъ высунулось въ поле. Между нашими и нѣмецкими окопами, дѣйствительно, бѣжала коза... Приблизительно на серединѣ, между флангами она остановилась, изумленно оглянулась по сторонамъ и заблеяла призывнымъ жалобнымъ голосомъ... Ея появленіе было замѣчено тотчасъ же, какъ въ нашихъ, такъ и въ непріятельскихъ окопахъ.

Надъ нѣмецкимъ брустверомъ высунулось тоже нѣсколько головъ и нѣсколько рукъ потянулись съ корками хлѣба... Но коза стояла въ какомъ-то оцѣпенѣніи, не видя протянутыхъ ей подачекъ...

— Глянь-ка, ребята, — не унимался Ряпушкинъ, — нѣмцы-то козу хотятъ у насъ украсть, хлѣбомъ приманиваютъ... Это никакъ невозможно, коза, братцы, русская, она должна понимать, гдѣ русскій солдатъ и гдѣ нѣмецъ—и, быстро спустившись на дно окопа, онъ черезъ минуту возвратился, неся въ рукахъ кусокъ капустнаго кочна, только что вырытаго на сосѣднемъ полѣ...

— Вотъ, братцы, это закуска—такъ закуска, обязательно козѣ по вкусу придется...

Всѣ съ любопытствомъ окружили Ряпушкина... Коза, дѣйствительно, увидя подбро-

шенный ей кусокъ кочня, отвернулась отъ нѣмецкаго хлѣба, и вскорѣ, подбирая куски капусты, бросаемые солдатами, дошла до самаго нашего окопа. Тогда Ряпушкинъ стащилъ ее за ноги внизъ, быстро надоилъ манерки двѣ козьяго молока и, давъ на прощаніе козѣ сухарь, отпустилъ ее, подъ громкій смѣхъ товарищей, обратно въ поле...

На слѣдующее утро коза возвратилась опять, на этотъ разъ ее успѣли перехватить нѣмцы и тоже въ свою очередь послѣ выпустили въ поле...

— Ишь нѣмецкій чортъ, тоже до молока охочь... покачивалъ головой Ряпушкинъ и на слѣдующій день уже заранѣе началъ стеречь козу, чтобы первымъ предложить ей кочанъ капусты...

Эта забава продолжалась нѣсколько дней. Но вотъ однажды наши солдаты, такъ добродушно дѣлившіеся «своей козой» съ нѣмцами, были очень обезпокоены не видя ея въ обычный часъ...

— Да неужто нѣмцы козу зарѣзали?—говорилъ Ряпушкинъ.—Вотъ вѣдь черти, мы съ ними по-любовному,—по-хорошему, а они, значитъ, нашу же козу да и на жаркое... этого, братцы, нельзя имъ простить, это намъ обида большая, можетъ коза-то еще жива, отбить бы ее?..

— Чего же не отбить... отбить можно,

если разрѣшеніе выйдетъ,—согласился бородатый взводный...

Разрѣшенья не вышло, но поручикъ, къ которому обратились солдаты, засмѣялся и махнулъ рукой; ему самому надоѣло это бездѣйствіе, и онъ зналъ, что солдаты все равно ухитрятся, если захотятъ, предпринять какую-нибудь рискованную экспедицію.

На слѣдующее утро Ряпушкинъ пытался вступить съ нѣмцами въ переговоры: онъ кричалъ имъ, требовалъ отдать его козу, ругалъ нѣмцевъ, какъ только умѣлъ, но тѣ, ничего не понимавшіе, глядѣли недоумѣвая и только смѣялись надъ неистовствовавшимъ солдатомъ...

А тутъ кстати на флангѣ разгорѣлась перестрѣлка. Ряпушкинъ не вытерпѣлъ, схватился за винтовку и выпустилъ нѣсколько пуль въ глазѣвшихъ на него черезъ брустверъ нѣмцевъ, оттуда въ свою очередь отвѣтили, но не долго длилась эта перестрѣлка: засидѣвшіеся солдаты бросились «на ура», перебѣжали подъ огнемъ сто шаговъ, отдѣлявшихъ ихъ отъ нѣмцевъ, и ворвались въ ихъ окопы стремительнымъ и неудержимымъ потокомъ...

Нѣмцы отступили, они уходили по темному полю вдаль разсѣянными массами, Рслѣдъ имъ ухала наша артиллерія, посы-

лая сѣрыя облака рвущейся шрапнели, а пѣхота уже располагалась въ занятыхъ нѣмецкихъ окопахъ...

Солдаты были искренно обрадованы этому горячему, хотя и короткому, дѣлу, рады были всѣ окончившимся днямъ бездѣйствія, и ко всему этому прибавилась еще одна наивная радость, когда легко раненый въ руку Ряпушкинъ притащилъ за рога найденную имъ въ одномъ изъ закоулковъ нѣмецкихъ окоповъ ихъ старую знакомую, козу.

А вечеромъ, сидя у костра, пили въ прикуску сваренный въ котелкахъ чай, Ряпушкинъ держалъ на колѣняхъ голову козы, кормилъ ее капустными листьями и приговаривалъ:

— Не успѣли изъ тебя, родимая, нѣмцы котлетъ понадѣлать.. отбили тебя, болѣзную... извѣстное дѣло — русская ты коза.. ни какая-нибудь...

«ЛАНДШТУРМЪ».

I.

Тяжелѣе всего было конечно уйти изъ дому, оторваться отъ привычнаго спокойнаго теченья жизни, правда часто дарившей мелкія непріятности, вродѣ ссоръ съ товарищами, неожиданныхъ вызововъ къ доскѣ и т. п., но все же именно теперь казавшейся безоблачной и прекрасной.

Но выйдя изъ дому и пробираясь по темной сторонѣ освѣщенной луною улицы, Петя сумѣлъ погасить въ себѣ это чувство и старался даже не оглядываться, чтобы не увидѣть знакомаго фасада, знакомыхъ оконъ, теперь темныхъ и глядящихъ какъ незрячіе глаза слѣпого человѣка.

У поворота за уголъ Петѣ было особенно трудно удержаться, чтобы не скосить глаза назадъ, и онъ прибавилъ шагу, обогнулъ пустынные дома и зашагалъ быстро по на-

правленію къ вокзалу, на площади около котораго даже въ этотъ поздній часъ кипѣла жизнь, раздавались голоса и суетились безчисленныя темныя фигуры людей, лица которыхъ разсмотрѣть было невозможно.

Вся большая площадь передъ вокзаломъ сплошь была заставлена какими-то повозками, и по краямъ ея, а также около лошадей и линеекъ, сидѣли, лежали и стояли группами солдаты, переговариваясь о чемъ-то или дремля, подложивъ подъ голову вещевой мѣшокъ или скатанную шинель.

И эти люди были вездѣ: и на платформахъ, и внутри пустого тускло освѣщеннаго вокзала, и на путяхъ около безконечныхъ верницъ раскрытыхъ вагоновъ, вагоновъ приготовленныхъ для солдатъ, и платформъ, на которыя уже грузили безконечныя повозки, линейки и двуколки.

И здѣсь, въ этой суетѣ, Петя впервые почувствовалъ, что совсѣмъ не такъ легко попасть «туда», куда поѣдутъ всѣ эти люди, почувствовалъ себя лишнимъ и ненужнымъ среди массы повозокъ, запрудившихъ площадь, и этихъ людей, сидящихъ и лежащихъ въ ночномъ мракѣ.

Часть ихъ, толпившаяся на платформахъ, уже залѣзла въ товарные вагоны, и Петя, стоя около и съ завистью глядя, какъ они

устраивались уютно въ своихъ теплушкахъ съ горечью думалъ, что фельдфебель съ сѣдыми усами не крикнетъ ему, какъ онъ только что крикнулъ неуклюжему куцому солдату, долго старавшемуся вскарабкаться въ высокій вагонъ:

— Ну, чего застрялъ, полѣзай что ли... тоже баринъ... откормили васъ, чертей... ногъ задрать не можете...

«Ахъ, если бы меня, подумалъ Петя, если бы меня...» И онъ тотчасъ же представилъ себѣ, какъ легко и просто вскарабкался бы въ темную широкую дверь, кишащей уже солдатами, теплушки.

Но никто не обращалъ на Петю вниманія. Онъ переходилъ отъ одной группы солдатъ къ другой и уже съ ужасомъ начиналъ думать, что обманулъ его мельниковъ сынъ, разсказывая, какъ просто его товарищи пристроились къ воинскому и уѣхали на войну.

«Неужели же придется вернуться домой»? подумалъ онъ одну минуту и тотчасъ же отогналъ отъ себя эту страшную мысль... «нѣтъ, нѣтъ, домой — никогда!..»

И тотчасъ же встали въ памяти картины послѣднихъ дней и ожили всѣ тѣ обстоятельства, которыя побудили Петю принять это неожиданное смѣлое рѣшеніе...

Еще не прошло и пяти дней, какъ при-

шло извѣстіе, что Петинъ братъ, только что выпущенный изъ училища офицеръ, погибъ въ бою съ «австрійскимъ ландштурмомъ»... Такъ именно и говорило письмо полкового командира и въ этотъ же день вечеромъ, лежа въ постели и не имѣя силъ заснуть, Петя самъ себѣ далъ слово отомстить этому коварному «австрійскому ландштурму» за смерть брата и мамины слезы.

Бѣдный Петя, онъ никогда не былъ особенно силенъ въ нѣмецкомъ языкѣ, а такое диковинное слово какъ «ландштурмъ» вовсе никогда не встрѣчалось ни въ грамматикѣ, ни въ нѣмецкихъ переводахъ.

Богъ его знаетъ, кто былъ этотъ самый «ландштурмъ», но въ воображеніи Пети онъ сложился въ фигуру какого-то хитраго, жестокаго и опаснаго врага, истреблявшаго преимущественно самыхъ молодыхъ и самыхъ славныхъ русскихъ офицеровъ...

И утромъ еще Петя видѣлъ въ газетѣ сообщенія, что «австрійскій ландштурмъ замѣченъ къ югу отъ города Л.». Теперь его рѣшеніе созрѣло окончательно, разъ даже газеты указывали, гдѣ именно нужно было искать врага.

И Петя бѣжалъ, выбравшись ночью изъ дома, бѣжалъ какъ былъ, набросивъ только на плечи свою матросскую курточку съ

нарядным воротникомъ и захвативъ изъ разбитой копилки восемь рублей денегъ.

«Деньги всегда пригодятся, рѣшилъ онъ, высыпая мелочь въ карманъ, ну а ружье тамъ дадутъ... въ крайнемъ случаѣ отниму у какого-нибудь австрійца!..»

Между тѣмъ наполненный солдатами поѣздъ уже свистнулъ и медленно поползъ вдоль платформы. Петя слѣдилъ за пробѣгавшими мимо него вагонами, наполненными людьми, висѣвшими навалясь грудью на перекладины широкихъ дверей, а позади него, изъ-за загородки платформы, гудѣла толпа бабъ и мужиковъ, махавшихъ платками и шапками, а какой-то визгливый женскій голосъ завывалъ, обрываясь и снова возвращаясь къ оборванной высокой нотѣ.

II.

«Надо забраться въ вагонъ раньше, рѣшилъ Петя пропустивъ поѣздъ, а то такъ никогда не попадешь... пойти развѣ посмотрѣть»?

Въ сторонѣ отъ платформы стояла, съ прицѣпленнымъ уже паровозомъ, пыхтѣвшимъ въ темнотѣ, длинная вереница пустыхъ товарныхъ вагоновъ съ раскрытыми широкими дверями.

Внизу, около самыхъ колесъ локомотива, около поблескивающихъ тускло стальныхъ рычаговъ и поршней, копошился какой-то человѣкъ съ масленкой, и Петя, обойдя его, долго шелъ вдоль пустого поѣзда, боязливо оглядываясь и не рѣшаясь, на которомъ изъ вагоновъ остановить свой выборъ.

Оставалось всего восемь или десять теплушекъ до конца, обращеннаго въ открытое поле, уже начинавшее свѣтлѣть, какъ поѣздъ вдругъ дернулся и лязгнувъ буферами и цѣпями продвинулся впередъ на нѣсколько шаговъ. Петя тотчасъ же подумалъ, что онъ сейчасъ уйдетъ совсѣмъ, и, поборовъ свои колебанія, ухватившись за холодныя желѣзныя ручки вагона, съ трудомъ забрался внутрь теплой, темной теплушки.

Онъ спрятался въ самый уголъ, на какія-то, наскоро построенныя, нары и сидѣлъ тамъ тяжело дыша, прислушиваясь къ тихому рокоту колесъ, позвякиванію буферовъ и, доносившимся снаружи, звукамъ рожка ночного стрѣлочника.

Въ теплушкѣ было душно, пахло соломой, свѣжимъ деревомъ и немного навозомъ. У Пети закружилась голова и вскорѣ онъ задремалъ въ своемъ темномъ углу, прислонясь головой къ некрашеному косяку верхней нары.

Проснулся Петя отъ чьего-то прикосновенія и первое что увидѣлъ — это десятка два добродушныхъ, смѣющихся солдатскихъ лицъ, склонившихся надъ нимъ.

Поѣздъ уже шелъ... Мальчикъ понялъ это мгновенно по быстрому неумолкающему ропоту колесъ и по отчетливымъ выстукиваніямъ рельсовыхъ стыковъ.

«Ну, слава Богу!.. значитъ—ѣду» мелькнуло въ его головѣ.

— Ты какъ же это, малецъ, къ намъ забрелъ? спрашивалъ между тѣмъ одинъ изъ столпившихся вокругъ него солдатъ, краснорожый малый съ выбитымъ переднимъ зубомъ.

— Нѣтъ, ты намъ разскажи, братецъ, какъ же это ты у теплушку-то попалъ, допрашивалъ другой, али на войну захотѣлось? молодой ты еще парнишка, дома бы сидѣлъ, а то маменька-то пойди теперича убивается...

— Никакъ—господскій? произнесъ кто-то въ толпѣ.

— А ты что не видишь... пальта на немъ и все такое, извѣстное дѣло—господскій.

Солдаты толпились около Пети, разспрашивали его, но ни одинъ не дѣлалъ попытки отговорить мальчика, ни одинъ не угрожалъ доложить начальству, которое его высадитъ, и Петя чувствовалъ себя здѣсь, среди этихъ молодцовъ въ сѣрыхъ шинеляхъ съ ихъ

простыми добродушными и веселыми лицами, такъ же уютно и хорошо, какъ дома.

Когда черезъ семь дней полкъ высадился и фельдфебель донесъ командиру о приставшемъ мальчикѣ, проѣхавшемъ вмѣстѣ съ эшелономъ весь путь, полковникъ позвалъ Петю и пробовалъ убѣдить его отказаться отъ принятаго рѣщенія. Но вѣроятно въ глазахъ мальчика онъ прочелъ рѣшимость непоколебимую, рѣшимость взрослаго человѣка и, послѣ недолгихъ увѣщаній, махнулъ рукой.

Петя остался при полку и вмѣстѣ съ головнымъ отрядомъ выступилъ въ походъ.

III.

Въ это утро, теплое августовское, казачьи разъѣзды донесли, что непріятель нащупанъ въ двухъ верстахъ, и отъ головного отряда были высланы два взвода для развѣдки и опредѣленія силъ противника. Петя увязался съ ними, упросилъ поручика, съ которымъ успѣлъ подружиться, и старался теперь поспѣть за солдатами шагая быстро, дѣлая два шага въ одинъ — солдатскій.

Мимо зеленаго лѣса прошли всѣ вмѣстѣ, но тутъ первый взводъ тронулся прямо, а торой повернулъ налѣво и пошелъ вдоль

опушки къ открытому полю съ торчавшими на немъ здѣсь и тамъ стогами неубраннаго сѣна.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ узкая проселочная дорога уходила въ глубокій оврагъ, извиваясь на зеленомъ фонѣ пыльной лентой, поручикъ оставилъ одно отдѣленіе въ видѣ заставы, а съ другимъ, захвативъ съ собою Петю, тронулся подъ высокимъ обрывомъ придорожнаго ската.

— Ты, Петя, впередъ не лѣзь, останавливалъ онъ нѣсколько разъ забѣгавшаго впередъ мальчика, во-первыхъ это безполезно, а во-вторыхъ ты можешь подвести и насъ. Иди смирненько и не волнуйся...

Петя вскинулъ глаза на офицера и только улыбнулся.

— А что, здѣсь не «ландштурмъ-ли австрійскій?» вырвался вдругъ у него давно таившійся вопросъ.

Офицеръ пожалъ плечами:

— Кажется—ландштурмъ... отвѣтилъ онъ небрежно...

— А вотъ онъ наконецъ, этотъ «ландштурмъ»!.. ну ужъ теперь—подожди,—Петя злобно сжалъ кулаки.

Въ эту минуту откуда-то издалека съ поля грянуло нѣсколько выстрѣловъ, поручикъ махнулъ рукой, и всѣ, понявъ его движеніе, мгновенно остановились...

Начали переговариваться шопотомъ:

— Это справа... это не оттуда, обходъ что-ли?..

— Какой тамъ обходъ, можетъ это наша застава...

— Чего нашей-то заставѣ стрѣлять, они себѣ зря шуму поднимать не станутъ... тоже — съ головами.

Офицеръ прервалъ ихъ.

— Тише вы!.. ну-ка Фадѣевъ вылѣзи на откосъ... погляди что тамъ такое.

Фадѣевъ, здоровенный широкоскулый солдатъ, неспѣша снялъ скатку, вещевой мѣшокъ и, подхвативъ винтовку, поползъ вверхъ по откосу.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, доложивъ, что ничего не видно и что надо взобраться на березку, тогда еще кое-что разберешь...

Березка росла на краю обрыва и офицеръ съ перваго взгляда понялъ, что ея тонкій стройный стволъ не выдержитъ тяжести взрослаго человѣка. И словно догадался объ этомъ же Петя. Онъ подбѣжалъ къ поручику:

— Позвольте мнѣ!.. я легкій...

Поручикъ одну минуту только смотрѣлъ на него, какъ бы стараясь прочесть въ глазахъ мальчика увѣренность въ возможности выполнить возложенное порученіе, и

потомъ быстро и коротко произнесъ одно слово: «живо»...

Петя уже карабкался по тонкому стволу, цѣпляясь руками и ногами и протискиваясь сквозь зеленую листву, царапая себѣ лицо и руки. Внизу онъ видѣлъ столпившихся въ ложбинѣ солдатъ и поручика, ловившихъ каждое его слово, и, напрягая зрѣніе, онъ началъ различать въ широкомъ полѣ подползающія цѣпи синихъ австрійскихъ солдатъ.

— А, вотъ онъ австрійскій ландштурмъ, да и не одинъ еще, а много, — подумалъ онъ Сердце забилось сильно и отчетливо.

Перевѣсившись внизъ Петя уже кричалъ:

— Смотрите-ка, налѣво ландштурмъ!.. и прямо ландштурмъ, а тамъ много, много и пушки!..

Издалека защелкали выстрѣлы и нѣсколько пуль просвистало и зашелестѣло въ листвѣ...

— А вотъ за рѣчкой, тамъ въ красныхъ штанахъ, кавалерія... а прямо — все ландштурмы!..

Австрійская пуля щелкнула въ бѣлый стволъ березы...

— Слѣзай, крикнулъ снизу офицеръ, довольно... слѣзай живо!..

Но Петя медлилъ...

— Сейчасъ слѣзу!.. и вонъ тамъ направо...

Руки мальчика разжались и, какъ-то не-

лѣпо кувыркаясь съ одной вѣтки на другую, онъ упалъ на землю.

Сердце остановилось и крови даже почти не вытекло изъ прострѣленной головы.

Солдаты стояли нѣсколько минутъ вокругъ, словно недоумѣвая, потомъ сняли шапки, перекрестились и офицеръ скомандовалъ идти дальше. Всѣ тронулись впередъ, отсталъ только одинъ красноролій съ выбитымъ зубомъ. Онъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ, стряхнулъ съ него прилипшія хлѣбныя крошки и накрылъ Петино мертвое лицо, чтобъ не садились на него назойливыя мухи.

ВЪ СТАЛЬНОЙ ПАУТИНѢ.

Вокругъ крѣпости постепенно замкнулось желѣзное кольцо осаждающихъ и всѣ, оказавшіеся внутри его, съ этого дня были отрѣзаны отъ внѣшняго міра, а находившіеся внѣ его должны были въ свою очередь забыть объ осажденныхъ.

Городъ и крѣпость не измѣнили своего внѣшняго вида, но словно застыли такими, какими они были въ тотъ день, когда отъ нихъ прорвался послѣдній поѣздъ, когда отъ нихъ вывезли послѣднія письма, послѣдніе привѣты внѣшнему міру.

Кольцо замкнулось. Вокругъ города выросли со сказочной быстротой высокія черныя насыпи укрѣпленій, скрывающихъ за собой невидимыя орудія, безграничныя поля вокругъ изрѣзали глубокія линіи окоповъ, а передъ ними выросли, словно сотканныя какими-то невидимыми стальными паутинами, колючія проволочныя паутины... И

было ясно каждому, что изъ города и въ городъ уже нельзя прорваться и что углубляющіяся съ каждымъ днемъ траншеи и стальные пауки, неустанно плетущіе свою страшную паутину, гасятъ послѣднюю надежду, отнимаютъ послѣдню возможность выйти опять въ открытое поле и заставляютъ гарнизонъ крѣпости готовиться къ неизбѣжной мучительной и неумолимой развязкѣ.

По вечерамъ собирались пить чай въ большой просторной землянкѣ баталіоннаго командира... Дни были спокойнѣе ночей, такъ какъ въ продолженіе ихъ городъ и крѣпость словно дремали, притаившись и ожидая раннихъ зимнихъ сумерекъ.

Послѣ чаю часто выходили на сосѣднее укрѣпленіе и артиллерійскій капитанъ, указывая на далекія фабричныя трубы города, кажущіяся на фонѣ багроваго заката устремленными въ небо грозящими черными пальцами, говорилъ:

— Вотъ третьяго дня, когда они ночью пробовали подойти, мы обстрѣливали вонъ ту группу домовъ, изъ-за которыхъ они выползали... Между прочимъ, одинъ снарядъ попалъ за тотъ сѣрый заборъ и устроилъ пожаръ... вѣроятно, у нихъ тамъ было что-нибудь сложено очень горючее, потому что костеръ вспыхнулъ моментально и надо

было видѣть, какъ бѣжали оттуда черезъ бушующее пламя пытавшіеся прорваться обратно солдаты. Ну, мы имъ тогда вслѣдъ хорошо всыпали!..

Послѣ капитана кто-нибудь спѣшилъ разсказать, въ свою очередь, боевой эпизодъ изъ недавняго прошлаго, за вторымъ слѣдовалъ третій, — и расходились уже тогда, когда темнѣлъ западъ и поспѣшно гасло багровое зарево закатившагося солнца.

Расходились по своимъ окопамъ, гдѣ чернѣли прильнувшіе къ землѣ такіе же тихіе и безликіе, какъ окружающая ночь— солдаты.

На батареѣ тоже все примолкло...

У пушекъ сгрудившіеся въ одну черную массу сидѣли «номера», слышались отдѣльныя фразы негромкой солдатской бесѣды и пахло удушливо и сладко махоркой.

Офицеры присѣли у бруствера.

Теперь капитанъ уже не говорилъ, всецѣло поглощенный созерцаніемъ темноты, и сидѣвшіе около него, повернувшіе тоже головы по направленію къ городу, младшіе офицеры не смѣли нарушить царившей тишины.

«Ихъ» ждали, «ихъ» готовились встрѣтить, спеціально для нихъ нарыли волчьихъ ямъ и напутали колючей проволоки, прямо навстрѣчу имъ глядѣли сотни холодныхъ

черныхъ стволовъ ружей и напрасно бы старались «они» подкрасться незамѣченными и безшумными...

Когда одинокій и показавшійся едва слышнымъ ружейный выстрѣлъ прорвалъ тишину ночи, капитанъ всталъ и произнесъ:

— Начинается...

И хотя это слово могли слышать только офицеры, сидѣвшіе около него, но вдругъ, словно по сигналу, темныя группы людей около орудій зашевелились, примолкли голоса и все насторожилось.

Въ эту же минуту во мракѣ, гдѣ-то на одномъ изъ городскихъ укрѣпленій, вспыхнула ослѣпительно яркая бѣлая точка и серебряный, прозрачный, все расширяющійся лучъ ея, метнувшись въ сторону, уперся вдругъ прямо въ черный брустверъ одного изъ нашихъ укрѣпленій.

Въ ту же минуту, одинъ за другимъ прозвучали шесть орудійныхъ выстрѣловъ—и проснулась ночь: загудѣло въ воздухѣ звенящее желѣзо и взметнулись, обнажая подъ тонкимъ слоемъ снѣга черную землю, стальные осколки разорвавшихся непріятельскихъ гранатъ...

Отвѣтъ былъ уже данъ. Не спѣша, твердо и отчетливо прозвучали потомъ еще шесть выстрѣловъ и вспышки пламени отъ разрывовъ взметнулись уже гдѣ-то тамъ, на

окраинѣ города, а, быть можетъ, даже и въ немъ самомъ.

Дробь ружейной стрѣльбы и пулеметовъ тонула въ грохотѣ, ревѣ и лязгѣ разговаривающихъ орудій, и въ темнотѣ повисло теперь уже не одно электрическое солнце, а цѣлыхъ четыре, и четыре прозрачныя, ослѣпляющія полосы, какъ щупальцы исполинскаго спрута, шарили въ темнотѣ, цѣпляясь за бруствера нашихъ укрѣпленій и ползая вдоль темныхъ полосъ стрѣлковыхъ окоповъ...

Справа и слѣва отъ насъ стояло по орудію, около нихъ, совершенно не обращая вниманія на все совершающееся, суетились «номера», а бомбардиръ и наводчикъ, прильнувшій къ прицѣлу, даже не отрывались ни на одно мгновеніе, а только какъ-то подпрыгивали вмѣстѣ съ орудіемъ, когда послѣднее послѣ выстрѣла отбрасывалось отдачей назадъ.

Но вотъ, наконецъ, показались и австрійцы. Подъ прикрытіемъ своихъ батарей, стрѣлявшихъ по цѣпямъ, освѣщаемымъ прожекторами, они подвигались впередъ сомкнутымъ строемъ, сливаясь въ одну массу, въ одно тысячеголовое чудовище, ощетинившееся сталью холодныхъ штыковъ, молчаливое и притаившееся.

Въ эту ночь, какъ и въ предыдущія, у

нихъ была одна цѣль, одно стремленіе прорвать кольцо осаждающихъ — и они шли впередъ съ отчаяніемъ людей, знавшихъ, что позади ихъ не ждетъ ничего хорошаго.

Они даже ходили въ атаку... Они бросились къ передовымъ окопамъ, миновали ихъ, и, уже ободренные первой ничтожной удачей, разсчитывали также быстро овладѣть вторыми, но тутъ-то и сказалась работа стальныхъ пауковъ, день ото дня сплетавшихъ свои паутины.

Большинство прожекторовъ въ крѣпости уже погасло, частью подбитые, частью опасающіеся быть поврежденными, и только два послѣдніе луча, словно послѣдніе щупальцы спрута, которому отрубили всѣ остальные, метались въ паническомъ ужасѣ, перескакивая съ одного предмета на другой, скользя вдоль окоповъ, и не задерживаясь уже на черныхъ рельефахъ нашихъ укрѣпленій.

И поле затихло только тогда, когда погибли всѣ тѣ, которые не могли возвратиться назадъ или сдаться въ плѣнъ... Ночь наступила лишь, когда погасло послѣднее, зажженное врагами, электрическое солнце и бѣлый ослѣпляющій лучъ его спрятался за черный покровъ ночи.

Мимо батареи вели уже плѣнныхъ одной толпой, напоминавшей стадо... Впереди мель-

кали едва замѣтные робкіе огоньки санитаровъ, бѣлые лучи нашихъ прожекторовъ еще нѣсколько времени ползали по окраинѣ города, выхватывая изъ темноты черные прямые углы зданій и высокія трубы фабрикъ, а внизу, ниже, на черной поверхности окутаннаго мракомъ поля, уже кто-то копошился, кто-то стучалъ лопатами и слышались сдержанные человѣческіе голоса... Быть можетъ, это уже снова рыли траншеи и невидимые пауки плели свою страшную колючую, стальную паутину!

ЦѢНОЮ ЖИЗНИ...

Насъ вызвали неожиданно, какъ разъ въ то время, когда, послѣ 35-ти верстнаго перехода, полкъ остановился на бивакѣ и люди только что успѣли пообѣдать.

Солдатъ, пришедщій за нами, на вопросы, посыпавшіеся на него, не могъ, конечно, отвѣтить ровно ничего, только простоялъ нѣсколько минутъ, тараща на насъ глаза, затѣмъ, дождавшись паузы, пробормоталъ: «не могу знать... дозвольте идтить?» и, щелкнувъ каблуками, повернулся изъ палатки...

Дѣлать было нечего, пришлось натягивать на себя теплыя куртки, шинели, обматываться башлыками и выползать изъ низкихъ холодныхъ и сырыхъ палатокъ.

Въ полѣ было хотя и холоднѣе, но пока мы быстрымъ шагомъ достигли штаба — успѣли разогрѣться... Штабъ располагался въ верстѣ съ небольшимъ позади бивака

и въ $2^1/_2$ верстахъ отъ протекавшей на западѣ широкой и спокойной рѣки.

Генералъ вышелъ къ намъ въ разстегнутомъ кителѣ, подъ которымъ виднѣлась толстая сѣрая фуфайка, держа въ рукахъ какой-то клочокъ бумаги, и, окинувъ насъ проницательнымъ взглядомъ, заговорилъ негромкимъ, отрывистымъ и густымъ голосомъ:

— Вамъ, господа, предстоитъ порученіе, о важности котораго говорить не приходится... Въ 2—3 верстахъ отъ насъ, немного ниже по теченію расположенъ желѣзнодорожный мостъ. Вамъ, вѣроятно, извѣстно... Необходимо сегодня-же взорвать этотъ мостъ... Мостъ зорко охраняется — это само собой разумѣется. Надѣюсь на вашу находчивость, ловкость и сообразительность... много людей съ собой не берите... отправляйтесь, когда стемнѣетъ...

Генералъ помолчалъ минуту, затѣмъ поглядѣлъ на небо и добавилъ:

— Ночь будетъ навѣрно безлунная... Тѣмъ лучше... Съ Богомъ!.. Сейчасъ пришлю проводника.

Когда мы вышли со двора избы, гдѣ располагался штабъ, на дорогу, начинало уже смеркаться, день угасалъ медленно, почти незамѣтно, отдѣльные предметы сливались въ черныя неясныя пятна и бивачные ко-

стры зардѣли въ сумеркахъ, какъ желто-красные дымящіе факелы.

До бивака шли обдумывая планъ выполненія новаго порученія, обсуждая вопросы—кого изъ людей выгоднѣе взять съ собой и какой дорогой идти къ рѣкѣ, о которой мы знали только по наслышкѣ и которой сами еще не видѣли.

Въ разрѣшеніи перваго вопроса намъ помогъ фельдфебель, выбравъ четырехъ сообразительныхъ солдатъ изъ запасныхъ, а второй вопросъ разрѣшился самъ собой, когда пришелъ присланный генераломъ проводникъ-казакъ.

И едва убѣдились мы, что ночь вступила окончательно въ свои права, что только надъ бивакомъ дрожало блѣдное красноватое зарево пылавшихъ костровъ, а повсюду кругомъ царилъ глубокій мракъ, и небо, затянутое тучами, не пропускало ни одного серебрянаго луча, мы вышли изъ бивака и, небольшой группой, пошли прямо поперекъ поля, вслѣдъ за шагавшимъ впереди, чубастымъ, проводникомъ-казакомъ.

Поле было открытое, по нему безпрепятственно гулялъ холодный осенній, почти зимній вѣтеръ, почва уже промерзла, сдѣлалась твердая, какая-то корявая, и трудно было шагать намъ, прошедшимъ за этотъ день уже 35 верстъ.

Шли молча. Курить, разговаривать было нельзя — это могло привлечь вниманіе непріятеля, который оставилъ свои кордоны охранять мостъ...

И, наконецъ, послѣ часу осторожнаго и необыкновенно медленнаго движенія впередъ, казакъ остановился, сдѣлалъ намъ жестъ молчанія и указалъ рукой куда-то впередъ. Въ первую минуту трудно было разглядѣть что-нибудь, но послѣ мы съ трудомъ различили темную полосу, оказавшуюся прибрежнымъ кустарникомъ, за которымъ бѣжала широкая мелководная рѣка.

Особенно мелководна была она въ это время года.

Когда мы подошли ближе, мы услышали сперва шумъ воды, бѣгущей по руслу, усыпанному мелкими и крупными, продолговатыми, овальными и круглыми, какъ лепешки, камнями, дно было неровное, нѣсколько приподнятое посрединѣ, и эта приподнятость какъ бы раздѣлила теченіе рѣки на два, образовавъ посрединѣ островъ въ полторы сажени шириной, а длиной въ нѣсколько верстъ.

Приведя насъ къ прибрежнымъ кустарникамъ, казакъ указалъ на эту полосу суши, возвышавшуюся посреди рѣки и тянувшуюся вдоль ея теченія, и объяснилъ, что именно ею и можно было бы воспользо-

ваться для успѣшнаго выполненія нашего плана.

Мы осторожно спустились къ водѣ, неся съ собой все необходимое для закладыванія подрывного патрона.

Чтобы перейти полосу воды, саженей пять шириною, пришлось потратить минутъ 15: теченіе здѣсь было быстрое, да къ тому же и дно, состоявшее изъ скользкихъ круглыхъ голышей, было неудобно, ноги скользили и подворачивались. Холодная вода промочила обувь и когда мы вышли на островокъ, намъ пришлось нѣсколько минутъ прыгать на одномъ мѣстѣ и мы слышали, какъ изъ сапогъ бѣжали холодныя струи...

Но надо было двигаться впередъ и, забывъ о ледяномъ вѣтрѣ, о застывшихъ ногахъ, о мокрой обуви и платьѣ, мы тронулись вчетверомъ, т. е. капитанъ С., проводникъ-казакъ, одинъ солдатикъ и я, оставивъ остальныхъ трехъ нашихъ спутниковъ въ тылу на случай внезапнаго нападенія.

Воздушныя очертанія громаднаго желѣзнаго моста какъ-то незамѣтно, постепенно выплыли изъ темноты и только, когда мы могли различить ясно громадные устои, сложенные изъ исполинскихъ каменныхъ кубовъ, и висящія въ воздухѣ фермы, словно

сотканныя изъ стального чернаго кружева, мы приняли мѣры предосторожности и поползли дальше гуськомъ, цѣпляясь руками за холодные влажные и шуршащіе голыши.

— Здѣсь, ваше благородіе, на лѣвомъ берегу у нихъ постъ выставленъ, а на правомъ, значитъ, кордонъ... такъ что надобно пройти, чтобъ онъ не видѣлъ, а не то у него чигналъ съ веревкой имѣется: онъ, значитъ, за веревку дернетъ—тамъ всѣ и переполошатся.

Казакъ ползъ впереди и говорилъ шопотомъ, но мы различали каждое его слово, несмотря на шумъ воды, бѣгущей совсѣмъ около насъ, и гулъ лѣса, чернѣвшаго на правомъ берегу.

Мы были уже такъ близки къ мосту, что онъ казался намъ висящимъ надъ нашими головами, а его средній устой, покоившійся основаніемъ на нашемъ островкѣ, стѣной огромнаго восьми-этажнаго дома. И едва только мы убѣдились, что теперь можно начать работу, что подъ мостомъ нѣтъ ни постовъ, ни патрулей, нашъ солдатикъ досталъ необходимые инструменты, и мы всѣ дружно принялись за буравленіе скважинъ въ каменныхъ кубахъ, поросшихъ лишаями и какимъ-то мелкимъ мохомъ. Дѣло шло успѣшно.

Пока солдатъ сверлилъ скважину, и мы

съ капитаномъ С. помогали ему, казакъ ходилъ вокругъ и зорко всматривался въ темноту, не мелькнетъ ли гдѣ темный силуэтъ патрульнаго, или не появится ли на мосту фигура австрійскаго часового.

Наконецъ, скважина была готова, за ней вторая и третья. Одна за другой исчезали въ черныхъ выдолбленныхъ щеляхъ маленькія пироксилиновыя шашки, капитанъ уже копошился около электрическихъ проводовъ, разматывая катушку и соединяя ихъ концы съ заложенными патронами... Все шло какъ нельзя лучше и, можетъ быть, наше предпріятіе окончилось бы вполнѣ успѣшно, если бы внезапно вѣтеръ не разогналъ тучъ и не выплылъ бы изъ нихъ блѣдный серебряный дискъ луны.

Замѣтили ли австрійскіе часовые на лѣвомъ берегу наши копошившіяся подъ мостомъ фигуры, или уже услыхали наши тихіе голоса и лязганіе инструментовъ, но только вдругъ, какъ разъ въ ту минуту, когда капитанъ присоединилъ къ патрону свою послѣднюю проволоку, наблюдавшій казакъ подбѣжалъ къ намъ и, прижавшись спиной къ устою, оттягивая насъ за руки подъ мостъ, указалъ пальцемъ куда-то наверхъ, и въ ту же минуту блеснулъ огонекъ и прозвучалъ одинокій ружейный выстрѣлъ... насъ замѣтили!

Но дѣло было уже сдѣлано, оставалось только пустить токъ, чтобы весь мостъ рухнулъ, обратился въ груду обломковъ камней и стали, оставалось только сдѣлать одно движеніе—пальцемъ нажать электрическую кнопку, а тутъ, какъ разъ наверху, поднялась настоящая тревога.

Вѣроятно, австрійскій часовой «дернулъ за веревку и поднялъ переполохъ», какъ говорилъ нашъ казакъ, по крайней мѣрѣ, вслѣдъ за его выстрѣломъ, съ праваго берега тотчасъ же начали вспыхивать огоньки, и пули защелкали вокругъ насъ, о круглые гладкіе камешки островка...

Оставаться подъ мостомъ было невозможно, надо было бѣжать,—мы это понимали...

— Бѣгите къ нашимъ!.. закричалъ капитанъ.—Я взрываю мостъ!..

— Капитанъ! Погодите минуту,—пытался я его остановить,—мы размотаемъ проволоку. Но онъ или не слыхалъ моихъ словъ, или понималъ, что это будетъ трата времени, способная погубить все дѣло.

Мы едва отбѣжали сотню шаговъ, какъ вдругъ завѣса ночи разорвалась на̀двое, взметнулся вихрь пламени и дыма, и съ оглушающимъ грохотомъ и лязгомъ посыпались въ рѣку осколки камней и изогнутыя, изуродованныя клочья стального кружева, разбитыхъ взрывомъ, фермъ...

Это длилось всего нѣсколько секундъ, но когда померкло зарево и умолкли раскаты взрыва, тишина показалась еще глубже и еще значительнѣе...

Съ того и съ другого берега прозвучало, намъ вслѣдъ, еще нѣсколько выстрѣловъ, но такъ же безрезультатно; мы были далеко, мы поспѣшно возвращались назадъ, оставивъ у устоя взорваннаго моста нашего храбраго капитана, въ своей могилѣ изъ камня и желѣза, вокругъ которой теперь сновали темные силуэты переполошившихся австрійцевъ.

МЕЧЪ СУДЬБЫ.

I.

Около двухъ часовъ ночи поѣздъ остановился передъ закрытымъ семафоромъ.

На темномъ фонѣ безлуннаго неба алѣлъ одиноко красный предостерегающій фонарь.

Отъ паровоза впередъ бѣжали какія-то темныя человѣческія фигуры, спускались внизъ по насыпи и снова вскарабкивались по желѣзнымъ скобкамъ въ темную, едва освѣщенную тусклымъ масляны́мъ фонаремъ, будку локомотива.

Путь былъ занятъ. Далеко впереди, тамъ, гдѣ свѣтлѣло бѣлое зарево городскихъ электрическихъ фонарей, виднѣлся далекій, озаренный мертвеннымъ свѣтомъ мерцающихъ стеклянныхъ шаровъ, фасадъ вокзала, слѣва отъ него тянулись безконечныя вереницы темныхъ вагоновъ, какія-то нагруженныя платформы, закрытыя брезентами,

и рогатыя, неуклюжія подъ своими чехлами, пушки, выстроившіяся безконечной цѣпью на товарной платформѣ.

Поѣздъ, тихій, объятый крѣпкимъ сномъ, замеръ, молчаливый и ожидающій, въ 300—400 шагахъ отъ станціи.

«Повезутъ дальше, или не повезутъ?» — вотъ вопросъ, который задавалъ себѣ каждый изъ насъ. Мы уже привыкли за восемь дней путешествія по желѣзнымъ дорогамъ, что поѣздъ нашъ, безконечно длинный, составленный изъ четырехъ десятковъ товарныхъ вагоновъ, наполненныхъ солдатами, съ однимъ, словно случайно попавшимъ въ середину—класснымъ, подходилъ къ вокзаламъ и, получивъ отъ коменданта въ красной фуражкѣ новое назначеніе, продолжалъ ползти въ невѣдомую даль.

Насъ много разъ передавали съ одной дороги на другую, мѣняли паровозы, мѣнялся кондукторскій составъ, а поѣздъ, заключавшій въ себѣ цѣлый батальонъ съ обозами и лошадьми, все продолжалъ стремиться къ невѣдомой цѣли.

Въ офицерскомъ вагонѣ проснулись всѣ. Подходили къ окнамъ, старались разглядѣть что-нибудь въ ночной мглѣ, окутавшей неподвижные вагоны, спрашивали другъ друга и наконецъ, раздраженные и обезпокоенные долгой остановкой, начали одѣ-

ваться медленно, неохотно, поеживаясь отъ ночного холода, проникавшаго черезъ поминутно раскрываемыя двери вагона.

На насыпи было тихо и пустынно.

Издалека доносился гулъ города, уже затихающій, ночной, около паровознаго депо, вѣроятно, покрикивалъ маневрирующій паровозъ и лязгали буферами сцѣпляемые товарные вагоны, а нашъ поѣздъ все стоялъ передъ бѣлой колонной семафора съ краснымъ предостерегающимъ огнемъ на вершинѣ ея.

Послѣ двухъ-трехъ часовъ стоянки въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ станціи, поѣздъ наконецъ тронулся впередъ такъ же неожиданно, какъ и остановился. Но, даже подъѣхавъ къ платформѣ, мы все еще не знали, конецъ ли это нашего путешествія, или только случайная получасовая остановка.

Въ буфетной залѣ было шумно и душно. За длинными столами, покрытыми залитой и запачканной скатертью, между традиціонными вокзальными канделябрами и пальмами, сидѣли офицеры въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ, или простыхъ грубыхъ гимнастеркахъ съ защитными погонами, чиновники, военные врачи съ бѣлыми повязками на рукавахъ и пожилой священникъ, длиннобородый, въ сѣромъ подрясникѣ, съ орденской ленточкой въ петлицѣ.

За стаканами чаю и кофе спорили, шумѣли и перекликались, кружась неизмѣнно вокругъ одной темы, вокругъ одного общаго интереса. «Война, война и война»,—вотъ то, что̀ занимало всѣ умы, о чемъ въ эту минуту говорили и думали всѣ, отъ длиннобородаго священника съ орденской ленточкой до послѣдняго сѣраго невзрачнаго и незамѣтнаго рядового, вылѣзавшаго изъ высокаго, наполненнаго людьми, товарнаго вагона, на полотно съ жестянымъ чайникомъ за кипяткомъ.

И тутъ-то наконецъ намъ сказали то завѣтное слово, котораго мы ждали цѣлыхъ восемь дней: батальонный командиръ, рыжеватый подполковникъ въ золотомъ пенснэ, коротко произнесъ:

— Пріѣхали...

Забыто было все: и стаканы горячаго чаю и завязавшаяся бесѣда съ новыми знакомыми, всѣ гурьбой вышли изъ залы на платформу, гдѣ гулялъ холодный ночной вѣтеръ, и направились къ своему поѣзду, передвинувшемуся уже къ товарной станціи.

II.

Въ темнотѣ на желѣзнодорожныхъ платформахъ копошились солдаты, смѣшавшіеся въ одну многоголовую массу... Выгружали обозъ...

Лошадей уже вывели, во мракѣ слышалось ихъ ржаніе, пофыркиваніе и громкое жеваніе, покрикивали, вѣроятно, конюхи, но ни людей ни коней не было видно—ночь была осенняя и непроглядная.

Кой-гдѣ мерцали тусклые масляные фонари, и вспыхивали бѣлыми, ослѣпительно яркими огоньками карманные электрическіе фонарики офицеровъ. Тяжело навьюченныя повозки, линейки и фуры, закрытыя брезентами, казались черными массами, черными задремавшими животными сказочной величины, взобравшимися на высокія платформы, и, чтобы спустить ихъ на землю, нужно было дать имъ скатиться по настланнымъ наклонно помостамъ, но въ то же время требовались страшныя усилія, чтобы удержать ихъ тяжесть отъ быстраго и разрушительнаго паденія.

Солдаты засидѣлись за восемъ дней путешествія. Они охотно принялись теперь за дѣло, кишѣли вокругъ повозокъ и вагоновъ, перекликаясь, неизбѣжно переругиваясь, и одну за другой спускали тяжелыя

обозныя телѣги съ высокихъ платформъ на землю.

Со стороны было только страшно смотрѣть на нихъ, но какъ безумно тяжела была ихъ работа, я понялъ лишь тогда, когда скатилась послѣдняя повозка и прочь отъ нея пошли десятка два низкорослыхъ коренастыхъ солдатъ, отирая рукавами сѣрыхъ шинелей струившійся со лба потъ.

Полкъ уже строился...

Въ синевѣ близкаго разсвѣта, подъ сѣнью высокихъ деревьевъ, сходившихся надъ головами темнымъ сводомъ, собирались и выстраивались въ длинные ряды одинаковые люди, въ одинаковыхъ шинеляхъ, съ мѣшками на боку и съ навьюченными на спину какими-то кульками, свертками и котелками. Лица ихъ, при свѣтѣ одинокаго, пылающаго во мракѣ багровымъ пламенемъ, нефтяного факела, который гудѣлъ, то затихая, то снова повышая звукъ по полутонамъ, и бросалъ мѣдно-красные отблески на всѣ предметы,—казались изваянными изъ бронзы, безстрашными и безумно рѣшительными.

Позади, куда не достигалъ свѣтъ факела, въ темной тѣни деревьевъ собирался обозъ. Запряженныя лошади хлюпали копытами по жидкой грязи, что-то скрипѣло, кто-то выкрикивалъ отрывистые и короткіе возгласы.

И наконецъ все тронулось... По дорогѣ, обсаженной деревьями, мимо какихъ-то станцiонныхъ построекъ, мимо паровознаго депо, перейдя рельсовый путь, потянулись безконечные ряды уходящихъ людей, ряды, ощетинившiеся сталью качающихся штыковъ, потянулись подъ тусклое побрякиванiе котелковъ и манерокъ, подъ тихiй говоръ и шлепанье тяжелыхъ солдатскихъ сапогъ.

Куда шли?—Богъ вѣдалъ... Одинъ Богъ и кто-то, кто вѣрной рукой направлялъ каждое движенiе этой тысячеголовой неудержимой толпы вооруженныхъ людей. Но не все ли было равно? Когда мы ѣхали, мы не знали, куда насъ везутъ, но теперь, когда, миновавъ городъ, мы вышли въ открытое поле, мы уже знали больше: мы знали, что идемъ навстрѣчу врагу, идемъ въ бой, т. е. идемъ къ тому, что намъ казалось дотолѣ такимъ заманчивымъ, страшнымъ и таинственнымъ!..

— Теперь каждый день можно ждать боя,—сказалъ мнѣ подпоручикъ пулеметной роты, фамилiи котораго я еще не зналъ, но котораго всѣ называли просто Сергѣемъ Петровичемъ.

— Говорятъ,—продолжалъ Сергѣй Петровичъ:—они засѣли верстахъ въ тридцати отсюда, сидятъ уже двѣ недѣли, вѣроятно, успѣли окопаться, опутаться проволокой и настроить разныхъ фугасовъ.

— Теперь поди-ка выживи ихъ оттуда, нашей артиллеріи много работы предстоитъ, вчера Иванъ Михайловичъ и то хвастался...

— Что̀ же онъ хвастался?—спросилъ я.

— Да какъ же, говоритъ, «мы въ первую голову работать будемъ, мы, говоритъ, пушками деревню пораскатаемъ, подпалимъ со всѣхъ сторонъ, спесь съ австрійцевъ payсобьемъ, а послѣ ужъ вы—пѣхота—на готовое заканчивать дѣло придете...»

Глаза Сергѣя Петровича загорѣлись молодымъ пылкимъ задоромъ.

— Всѣмъ работы хватитъ,—продолжалъ онъ, снова догоняя меня.—Вы знаете, я ужасно мечтаю о боѣ, это, вѣроятно, изумительныя, неизъяснимо-прекрасныя ощущенія... Вы понимаете, какъ рѣдко бываетъ, что человѣку приходится быть лицомъ къ лицу со смертью, съ судьбой, съ Богомъ, притомъ, замѣтьте, сбросивъ съ себя совершенно маску условностей, или тамъ чего другого... Дѣлай, что̀ хочешь, что̀ находишь болѣе полезнымъ для себя и для родины, и отвѣчай за это только передъ однимъ Богомъ... Промахнешся—пропалъ, поступишь умно, толково и находчиво—тутъ тебѣ и слава, и почетъ, и исполненный долгъ... Вотъ какъ я понимаю бой... Это вамъ не ученье, не маневры, это—поэзія, понимаете,

это что-то такое, такое, что я даже словъ не найду вамъ выразить!..

Подпоручикъ даже захлебнулся отъ восторга.

Я зналъ, что Сергѣй Петровичъ всего полтора мѣсяца, какъ сошелъ съ юнкерской скамьи, и не удивлялся его пылу, но все же такое поэтизированіе того, что̀ большинство привыкло считать ужасомъ и величайшимъ несчастьемъ, — мнѣ понравилось, я посмотрѣлъ на подпоручика и позавидовалъ его сверкающимъ глазамъ, его раскраснѣвшемуся лицу, его счастливой пламенной натурѣ.

Между тѣмъ разсвѣло. Солнце всходило красное, золотя облака; стало совсѣмъ свѣтло, и, спускаясь съ пригорка, идя рядомъ съ Сергѣемъ Петровичемъ, мы видѣли далеко передъ собой вытянувшуюся вдоль дороги темную ленту двигающагося полка, а позади себя вереницы пулеметовъ, артиллеріи и обозныхъ повозокъ.

Воздухъ былъ свѣжъ, упругъ и ясенъ... Откуда-то издалека плылъ навстрѣчу алому солнцу, навстрѣчу его золотымъ лучамъ, черный изящный силуэтъ стальной птицы, и заглушенный разстояніемъ гулъ ея мотора едва доносился до насъ.

III.

Уже пережили боевую недѣлю. Со среды столкнулись съ непріятелемъ и не выходили изъ соприкосновенія до слѣдующаго четверга. Пережили первыя минуты невольной малодушной робости, порождаемой непривычнымъ визгомъ пуль, лязгомъ и грохотомъ рвущейся шрапнели, пережили минуты исключительнаго энтузіазма и восторга, бросаясь въ штыки на дрогнувшія непріятельскія цѣпи, забывая о личной опасности, забывая самого себя и сливаясь съ этими сѣрыми бѣгущими вокругъ людьми въ одну желѣзную непреодолимую массу, готовую разрушить все и вся, испепелить, опрокинуть и уничтожить всѣ препятствія.

Послѣ боевъ, на занятыхъ позиціяхъ, въ окопахъ, еще заваленныхъ австрійскими трупами, развороченныхъ нашими снарядами и засыпанныхъ ихъ осколками, мы засыпали тяжелымъ сномъ страшно усталыхъ людей, совершившихъ за день большую и отвѣтственную работу.

А утромъ, вставая, пробуждаемые не барабаномъ, не рожкомъ, а свѣжестью предразсвѣтнаго вѣтерка, мы готовились начать новый трудовой день и приступили къ дѣлу спокойно и хладнокровно, хотя никто изъ

насъ не могъ поручиться, что увидитъ разсвѣтъ слѣдующаго дня.

Сергѣя Петровича я не видѣлъ уже почти недѣлю, одинъ разъ онъ промелькнулъ мимо меня въ пылу сраженья, верхомъ на отнятой у какого-то австрійца лошади, въ своей сѣрой шинели, застегнутой на всѣ пуговицы и подпоясанной солдатскимъ ремнемъ. Черезъ плечо у него болталась кривая турецкая шашка, фуражка его, смявшаяся и скомкавшаяся отъ дождей, сидѣла лихо на затылкѣ, онъ крикнулъ мнѣ что-то, чего я не разслышалъ, и промчался мимо, а позади него, стуча колесами, съ гикомъ и посвистомъ пронеслись на новую позицію три пулемета.

Въ четвергъ мы продвинулись впередъ километровъ на восемь.

Послѣ цѣлаго дня боя было, правда, тяжело идти еще впередъ вслѣдъ за отступавшими австрійцами по скверной, испорченной дождями и артиллеріей, дорогѣ, но сознаніе того, что вотъ уже семь дней, какъ нашъ врагъ уступаетъ намъ пядь за пядью свою землю, отступаетъ, бросая все: и раненыхъ, и пушки, и обозы,—придавало намъ новыя силы, и мы шли, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ грязи, безъ ропота и почти безъ отсталыхъ.

Въ эту ночь должны были остановиться

въ какомъ-то селѣ, а пока перестраивались и выходили на шоссе, разбираясь поротно и вытягиваясь поперекъ полей сѣрой однотонной лентой.

По сторонамъ дороги, слѣва отъ которой находился пунктъ Краснаго Креста, проходило много раненыхъ; шли они съ другихъ участковъ поля, одни, придерживая здоровыми руками пораненныя, другіе—опираясь на винтовки, или на плечи санитаровъ, и вотъ тутъ, на краю дороги, около расположенія пулеметной роты, уже взявшей на передки и приготовившейся къ походу, я увидѣлъ Сергѣя Петровича за страннымъ, непонятнымъ съ перваго взгляда, занятіемъ.

Онъ сидѣлъ, спустивъ ноги въ канаву, и, какъ-то низко наклонивъ голову на грудь, тщательно копошился въ чемъ-то, чего я не могъ видѣть... Около него стояли двое солдатъ и смотрѣли на него не то недоумѣвающе, не то просительно. Я заинтересовался, свернулъ съ дороги, подошелъ къ нему и окликнулъ:

— Сергѣй Петровичъ, что это вы дѣлаете?..

Онъ оглянулся не сразу, какъ человѣкъ, увлеченный какимъ-то сложнымъ и интереснымъ занятіемъ, и поднялъ голову, только когда я коснулся его плеча и повторилъ свой вопросъ.

— Да вотъ, знаете, свиньи!.. работу за-

дали; теперь ихъ и не повытаскаешь...— отвѣтилъ онъ досадливо.

— Да кого, Господи?

— Кого, кого?!. Смотрите сами... чортъ ихъ знаетъ... угораздило тоже!..

Голосъ Сергѣя Петровича звучалъ недовольствомъ и почти злобой.

Я наклонился... Первую минуту я не могъ понять, не могъ, такъ сказать, переварить увидѣннаго мною: лѣвая рука Сергѣя Петровича была обнажена до локтя, и на бѣломъ фонѣ кожи виднѣлись двѣ дырочки съ серебряный гривенникъ величиной, немного припухшія и сочившіяся кровью. Изъ этихъ-то двухъ ранъ подпоручикъ старался пальцами правой руки выковырять засѣвшія въ нихъ шрапнельныя пули. Оба солдата, стоявшіе невдалекѣ, смотрѣли на него почтительно и не смѣли вмѣшаться, а юноша, даже не стиснувъ отъ боли зубовъ, не дрогнувъ бровью, продолжалъ свое занятіе.

— Послушайте, — не поднимая головы, окликнулъ онъ меня:—нѣтъ ли у васъ перочиннаго ножика?.. Такъ ничего не выходитъ...

— Да вы съ ума сошли, Сергѣй Петровичъ! — всплеснулъ я руками. — Что вы дѣлаете!.. Побойтесь Бога!.. Вѣдь это, можетъ быть, и героизмъ, но оставьте это, ради Бога оставьте!..

Сергѣй Петровичъ поднялъ на меня удивленный взглядъ, и вдругъ лицо его расплылось въ широкую добродушную улыбку.

— Вы, другъ мой, придаете этому пустяку слишкомъ большое значеніе... Ну, прилетѣла шрапнель, разорвалась, два шарика попали подпоручику въ руку, по счастью, не повредили костей, — вонъ ихъ даже видно,—а вы вдругъ ахи да охи... Конечно, это непріятно, но вѣдь зато какое громадное наслажденіе получилъ я за эти семь сутокъ пестрыхъ и незабвенныхъ переживаній... И я ничуть не измѣнилъ своего мнѣнія о войнѣ и о боѣ въ частности, какъ о чемъ-то такомъ невыразимо-поэтичномъ и чарующемъ, чего мнѣ никогда не приходилось испытать... И, попробовавъ, получивъ эти двѣ ничтожныя царапины, я увѣренъ, что теперь дастъ мнѣ возможность еще долго, до самаго конца войны, жить этой прекрасной, увлекательной жизнью; вѣдь, помните, Иванъ Михайловичъ какъ-то говорилъ еще въ дорогѣ, что—«кто въ началѣ войны бываетъ легко раненъ, того ужъ потомъ ни за что непріятельская пуля не убьетъ», а вѣдь онъ — ветеранъ, всю манчжурскую войну провоевалъ...

И подпоручикъ улыбнулся мнѣ своей ясной молодой улыбкой.

— Ступайте, если не можете видѣть моей

операціи... Вечеркомъ къ вамъ на бивакѣ зайду...

И мы разстались до вечера.

IV.

Но вечеромъ мы не свидѣлись, и намъ больше не суждено увидѣться въ этомъ мірѣ...

Когда въ занятой деревнѣ мы вмѣстѣ съ полковымъ врачомъ располагались въ грязной полутемной избѣ, отведенной намъ для ночлега, меня отыскалъ солдатъ-пулеметчикъ.

— Такъ что, ваше благородіе, позвольте доложить, отъ ихъ благородія подпоручика И.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я, нетерпѣливо поглядывая на доктора, который доставалъ изъ походнаго погребца холодную курицу.—Скоро они придутъ?

— Такъ что они прійти никакъ не могутъ, ваше благородіе...

— Отчего?

— Да они, ваше благородіе... померли... такъ что...

Я подумалъ, что ослышался, докторъ тоже оставилъ свою курицу.

— Какъ умеръ? Что̀ ты говоришь?.. — вскрикнули мы оба въ одинъ голосъ.— Когда? Отчего?

Солдатъ стоялъ, глядя на насъ жалостнымъ взглядомъ и моргая глазами.

— Такъ что, какъ пришли мы у деревню... такъ они, его благородіе, значитъ, подпоручикъ Сергѣй Петровичъ-то поспѣшили... никого не спросясь... шасть къ колодцу-то, зачерпнули водицы да и испили, имъ кричатъ—«не пейте, ваше благородіе, не пейте», а они только смѣются... Колодецъ-то, ваше благородіе, австрійскія собаки, уходя, опоганили, отравы набросали... ну они, ихъ благородіе, и полчаса не прожили... померли, значитъ...

Мы стояли безмолвные... Солдатъ, искренно огорченный принесеннымъ имъ извѣстіемъ, докторъ—недоумѣвающій и я—потрясенный до глубины души волею судьбы, такъ неожиданно, такъ лукаво и такъ рѣзко опустившей свой мечъ на голову веселаго, храбраго и юнаго подпоручика!

ГАРМОНИСТЪ КРИВЦОВЪ.

У каждаго человѣка бываютъ свои привязанности, свои странности, отъ которыхъ люди не отступаютъ даже въ необычайной, исключительной обстановкѣ похода и боевъ, и такой слабостью, если хотите, даже пристрастіемъ, была для солдата нашей роты Емельяна Кривцова его гармошка и тѣ незатѣйливыя и немногія пѣсни, которыя онъ умѣлъ на ней разыгрывать.

Когда полкъ собирался въ походъ, сперва въ ротѣ передъ уходомъ, покидая эти длинныя залы казармы, я обратилъ вниманіе на Кривцова, который прицѣплялъ къ своему вещевому мѣшку, покрытый чехломъ, смастереннымъ изъ какихъ-то тряпокъ, небольшой четырехугольный предметъ.

На мой вопросъ: что это такое и какимъ багажомъ рискуетъ обременять себя въ походѣ солдатъ—Кривцовъ отвѣтилъ мнѣ, по привычкѣ весело скаля зубы.

— Это, ваше благородіе, гармошка моя, нельзя-жъ ее, сердешную, теперича бросить, все одно—пропадетъ, а можетъ, тамъ, на бивакѣ, али при какомъ случаѣ, ребята вздумаютъ повеселиться—вотъ она и пригодится...

И послѣ, на вокзалѣ, передъ самымъ отходомъ поѣзда, я видѣлъ Кривцова, котораго никто не провожалъ, у котораго въ городѣ не было ни родныхъ, ни близкихъ, висящимъ на перекладинѣ товарнаго вагона и разыгрывавшимъ на своей гармоникѣ какую-то веселую, и уже прожужжавшую намъ уши еще въ казармахъ, польку...

Передъ самымъ уходомъ поѣзда заигралъ оркестръ, онъ заглушилъ надрывавшуюся гармошку, но даже сквозь ревъ мѣдныхъ трубъ, удары турецкаго барабана и все нарастающее рокотанье вагонныхъ колесъ, мнѣ казалось, я слышалъ веселую польку Кривцова, которой онъ какъ бы посылалъ привѣтъ, скрывавшемуся за синеватыми холмами, городу.

Эти 8 дней тянулись безконечно долго и, вѣроятно, казались еще тоскливѣе и медлительнѣе потому, что никто изъ насъ не зналъ конечной точки нашего путешествія и даже не могъ подозрѣвать, на какой фронтъ насъ отправляютъ; на австрійскій или на германскій. Все это держалось въ строжайшей тайнѣ.

Впрочемъ, солдаты наши относились къ неизвѣстности довольно хладнокровно: они уже обжились въ своихъ теплушкахъ, привыкли бѣгать на станціяхъ въ перегонки за кипяткомъ и весь долгій путь частью валялись на нарахъ, частью сидя у широкой вагонной двери, свѣсивъ ноги наружу, пѣли хоромъ или поодиночкѣ безконечныя родныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какія-то незнакомыя заунывныя пѣсни.

Въ офицерскомъ вагонѣ, одолѣваемые скукой восьмидневнаго пути, безконечно спорили, безконечно пили чай и на каждой станціи выбѣгали въ надеждѣ добиться отъ коменданта въ красной фуражкѣ хоть какихъ-нибудь болѣе или менѣе положительныхъ свѣдѣній.

И вотъ, наконепъ, путешествіе кончилось...

Внезапная ночная остановка около товарныхъ платформъ большого города, безконечная выгрузка обозовъ, затѣмъ утомительные марши днемъ по раскаленнымъ, пыльнымъ и тяжелымъ дорогамъ, вечеромъ или раннимъ утромъ мимо, дышащихъ прохладой, полей и пышныхъ еще лѣсовъ, ночевки подъ открытымъ небомъ, — все это слилось въ одну пеструю ленту новыхъ, непривычныхъ и потому необыкновенно привлекательныхъ переживаній, и вотъ, въ

одно теплое ясное августовское утро, мы почувствовали себя на томъ рубежѣ, который отдѣляетъ походную жизнь, обыкновенный походъ, отъ того, что принято понимать подъ словомъ «война» вообще, а въ частности—«бой».

Этотъ день показался, вѣроятно, всѣмъ намъ необыкновенно короткимъ, но онъ полонъ былъ такой массой переживаній, острыхъ и исключительныхъ, такой массой новыхъ впечатлѣній, что, казалось бы, для нихъ понадобилась цѣлая недѣля... За этотъ день мы успѣли выдержать на себѣ убійственный огонь многочисленной австрійской артиллеріи, успѣли дважды перемѣнить позиціи, то подвигаясь впередъ, то нѣсколько отходя назадъ, и, наконецъ, уже къ вечеру, въ составѣ батальона, два раза ходили въ штыки противъ синихъ, едва различаемыхъ на травѣ, цѣпей австрійцевъ.

Весь этотъ день, находясь все время среди солдатъ своей роты и не отлучаясь отъ нихъ ни на одну минуту, я какъ-то почти не запечатлѣлъ въ своей памяти поступковъ, словъ и дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, всѣ они слились для меня въ одно громадное сѣрое могучее и страшно твердое цѣлое, способное безъ конца сопротивляться и безъ конца давать отпоръ напиравшему многочисленному противнику.

И только, когда уже подъ вечеръ мы пошли снова въ атаку, въ отчаянную атаку, цѣлью которой было непремѣнно овладѣть австрійской деревушкой, изъ сѣрой массы бѣгущихъ вокругъ меня солдатъ мнѣ бросился въ глаза и отчетливо запечатлѣлся въ памяти низкорослый запыхавшійся Емельянъ Кривцовъ, бѣжавшій, широко раскрывъ ротъ, держа на перевѣсъ винтовку. На боку его все такъ же моталась завернутая въ тряпку гармошка, и это показалось мнѣ такимъ смѣшнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ наивно-трогательнымъ...

Черезъ два дня мы встрѣтились въ госпиталѣ...

Кривцовъ былъ раненъ въ руку съ раздробленіемъ кости, онъ бодрился, не хотѣлъ ложиться и все бродилъ по палатѣ. Вечеромъ я былъ очень удивленъ, услышавъ изъ угла робкое безсвязное пиликаніе... Это Кривцовъ, сидя на корточкахъ и зажавъ между колѣнями свою гармонику, здоровой рукой пытался извлекать изъ нея звуки... Лицо его при этомъ было сосредоточенно и, казалось, онъ священнодѣйствовалъ... Въ тотъ-же вечеръ докторъ разсказалъ мнѣ подробно всю исторію.

Когда мы шли въ атаку, т. е. приблизительно тогда, когда я видѣлъ Кривцова послѣдній разъ, онъ благополучно добѣ-

жалъ до австрійскихъ окоповъ, поработалъ, какъ слѣдуетъ, штыкомъ и прикладомъ — по его собственному выраженію, «на совѣсть», и, принявъ участіе въ преслѣдованіи выбитаго непріятеля, возвращался уже къ занятымъ траншеямъ, какъ вдругъ обнаружилъ исчезновеніе своей гармошки...

Шли люди въ разбродъ, такъ, какъ обыкновенно возвращаются послѣ атаки или преслѣдованія непріятеля, и, когда Кривцовъ остановился, оглядываясь, не валяется ли гдѣ-нибудь поблизости его любимица и неизмѣнная спутница, никто не обратилъ на него вниманія, только двое или трое идущихъ вблизи товарищей крикнули.

— Эй, Кривцовъ, не отставай, братъ, какъ разъ попадешь австрійцамъ на жаркое!..

И пошли дальше, а Кривцовъ такъ и остался въ полѣ, оглядываясь по всѣмъ сторонамъ и ругая непріятеля, по винѣ котораго пропала его гармошка...

— Никакъ невозможно было, ваше благородіе, ее оставить, — говорилъ онъ послѣ доктору, сами изволите знать, гармонь аглицкая, шесть съ полтиной плачено, къ тому-жъ и привезъ я ее не на то, чтобъ австріяку на потѣху отдать...

Я, конечно, пошелъ назадъ маленько, думаю—лежитъ она гдѣ-нибудь тутъ-же, сердешная, куда ей дѣться, понятное дѣло —

какъ бѣжалъ, такъ бичевка, значитъ, оборвалась, ну гармошка и сорвалась... иду и гляжу по всѣмъ сторонамъ, а наши, почитай, уже за версту впередъ ушли...

Какъ я, значитъ, думалъ, такъ оно и оказалось: лежитъ она это, сердешная, цѣлешенька и словно меня поджидаетъ... подобралъ я ее, гармошку-то, и, значитъ, ай-да въ обратный путь; только не тутъ-то было,— слышу позади пальба, это, значитъ, австріяки-то меня примѣтили, ну и давай палить... да вѣдь какъ палили-то: почитай, человѣкъ двадцат въ меня одного цѣлились!..

Ну я опять ее на веревочку, на спину закинулъ и назадъ, значитъ, поспѣваю, совсѣмъ было уже ушелъ, только вдругъ въ руку меня дернетъ, ажно я три раза округъ себя обернулся.

Больно-то, конечно, было, а только думаю, надобно до своихъ добраться, такъ и прибѣгъ...

Но замѣчательнѣе всего оказалось то, что Кривцовъ, получившій опасную рану въ руку, вовсе не явился жертвой своей сентиментальности по отношенію къ шестирублевой гармоніи, нѣтъ!.. совсѣмъ наоборотъ: — «гармошка» спасла своего хозяина отъ двухъ безусловно очень тяжелыхъ ранъ: когда уже въ госпиталѣ онъ бережно

осматривалъ свою любимицу, Емельянъ увидѣлъ въ черномъ лакированномъ краѣ гармоніи двѣ зловѣщія дырочки... австрійскія пули застряли въ толстой доскѣ.

И не будь съ Кривцовымъ въ походѣ его гармошки, Богъ знаетъ, пришлось ли бы мнѣ его еще когда-нибудь увидѣть и услышать его пиликаніе изъ темнаго угла обширной лазаретной палаты...

«МАРОДЕРЪ».

I.

Когда рядовой Ивановъ очнулся, была уже глубокая ночь, безмолвная какъ камень и темная какъ лѣсная чаща.

Исчезло все! И озаренное вспышками разрывовъ поле, усѣянное бѣгущими или уже неподвижно лежащими на землѣ человѣческими фигурами, лица товарищей и неумолкающій грохотъ и лязгъ орудійной стрѣльбы, но мозгъ сохранилъ еще отзвуки боя и, сознавая одновременно, что кругомъ царитъ уже мертвая тишина, Иванову первую минуту казалось, что гдѣ-то кипитъ такой же ожесточенный и непрерывавшійся бой.

Эта темнота, спустившаяся на землю послѣ яркаго солнечнаго дня, промелькнувшаго незамѣтно, не пугала, не тяготила, наоборотъ, она успокаивала напрягавшіеся весь день нервы, и казалось, хотѣлось вѣрить,

что кругомъ нѣтъ ничего, чтобы напоминало вчерашній день, а есть только этотъ мракъ, глубокій и необъятный.

Когда Ивановъ попробовалъ пошевелиться, онъ ожидалъ почувствовать тотчасъ же боль отъ полученной раны, но къ своему удивленію свободно и безболѣзненно могъ пошевелить руками и согнуть ноги...

«Что за притча?—подумалъ онъ,—куда же это я раненъ?» и Ивановъ, сдѣлавъ усиліе, приподнялся съ земли.

«Да неужто же не раненъ?» невольно промелькнуло въ головѣ солдата, когда сидя на землѣ онъ ощупалъ себя со всѣхъ сторонъ и не находилъ нигдѣ крови, не ощущалъ нигдѣ боли, «какъ же это тогда попалъ-то я сюда?»

Но ночь глухая и безмолвная не давала отвѣта...

Ивановъ посидѣлъ нѣсколько минутъ прислушиваясь и надѣясь поймать какой-нибудь случайный звукъ и только, когда откуда-то донесся до него полузаглушенный человѣческій стонъ, онъ поднялся на ноги и, чувствуя въ головѣ все прежній шумъ и тяжесть, походкой пьянаго человѣка, пошелъ наугадъ по направленію, откуда, какъ ему казалось, прозвучалъ человѣческій голосъ.

II.

Пришлось Иванову идти долго, покачиваясь изъ стороны въ сторону, спотыкаясь о какіе-то разбросанные по полю предметы и останавливаясь въ надеждѣ уловить еще разъ тихій стонъ своего неизвѣстнаго товарища по несчастью.

Иногда онъ уже терялъ надежду отыскать въ этомъ ночномъ океанѣ затеряннаго человѣка, готовъ былъ уже сдаться, опуститься на землю и покорно ожидать первыхъ лучей солнца, но тотчасъ же являлась мысль о томъ, какъ невыразимо тяжело будетъ лежать еще много часовъ совершенно одинокому, быть можетъ среди непріятеля, и не сдѣлать послѣдней попытки отыскать этого стонущаго человѣка.

Послѣ цѣлаго часа скитанія по полю Ивановъ случайно наткнулся на лежавшаго солдата и въ первую минуту не столько обрадовался, сколько испугался этой встрѣчи.

Но когда лежавшій вдругъ отчетливо, хотя и едва слышно, спросилъ его: «кто здѣсь?», спросилъ по-русски, Ивановъ тотчасъ же успокоился, опустился на колѣни передъ лежащимъ и старался разглядѣть въ темнотѣ его лицо.

— Я это... нешто не видишь!.. я!.. ахъ ты Господи!.. свой... русскій!..

И раненый, тоже вѣроятно успокоенный, на минуту примолкъ.

— Ты-то, братъ, чего, продолжалъ спрашивать Ивановъ, ты-то чего?.. я говорю, какъ ты сюда попалъ?

Но раненый не спѣшилъ съ отвѣтомъ и солдату пришлось нѣсколько разъ повторить свой вопросъ.

— Въ атаку ходили!.. я говорю, мы въ атаку ходили, произнесъ онъ, наконецъ, едва слышно... наши-то поди теперича Богъ знаетъ какъ далеко ушли, а я вотъ остался... ишь вѣдь тоже!.. почему это, скажи ты мнѣ, братецъ, санитары наши нейдутъ? вдругъ обратился онъ къ Иванову съ вопросомъ.

Но въ эту минуту почему-то самъ Ивановъ вовсе не думалъ о томъ, что есть какіе-то санитары, что они могутъ придти и подобрать раненаго, а ему указать то направленіе, по которому долженъ онъ былъ идти, чтобы найти своихъ, Иванову казалось, что онъ предоставленъ теперь, подобно этому лежавшему на землѣ раненому, самому себѣ и потому онъ махнувъ рукой отвѣтилъ:

— А кто-жъ ихъ знаетъ!.. можетъ они и совсѣмъ не придутъ... ты, братъ, особенно и не жди, мало-ли тутъ народу... каждаго

не подберешь, и если всѣхъ по очереди, такъ можетъ быть до тебя очередь завтра вечеромъ дойдетъ, такъ-то, братъ, нечего намъ съ тобой санитаровъ дожидаться, надобно самимъ шкуру свою спасать... ты куда раненъ-то?..

— Я-то, проскрипѣлъ изъ темноты раненый... я-то, кажись въ голову, ужъ больно тяжко, просто мочи моей нѣтъ!

Ивановъ пошарилъ вокругъ себя, нашелъ на боку болтающуюся фляжку и, отстегнувъ ее, протянулъ раненому.

— На, братъ, хлебни, авось полегчаетъ, а тамъ попробуемъ и трогаться, а то какъ разъ къ нѣмцу на жаркое попадемъ.

Ивановъ слышалъ, какъ въ темнотѣ раненый громко тянулъ холодный чай изъ его фляжки, затѣмъ минуту длилось молчаніе и, наконецъ, лежавшій произнесъ:

— Ну вотъ... теперича какъ будто полегче... попробовать встать, что ли?.. подсоби-ка, землячокъ!..

Ивановъ въ темнотѣ нашелъ локоть уже сидѣвшаго раненаго, ухватился за него, и черезъ минуту солдатъ стоялъ на ногахъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ-бы отыскивая нужное равновѣсіе.

Наконецъ, они тронулись оба, поддерживая другъ друга, ступая осторожно въ темнотѣ и раскачиваясь изъ стороны въ сто-

рону, какъ люди обезсилѣвшіе и потерявшіе много крови.

И темнота поля проглотила ихъ, шагавшихъ наугадъ и не знавшихъ даже, по вѣрному ли направленію они идутъ.

III.

Здѣсь когда-то былъ городъ, а теперь остались только груды камней, развалины домовъ, церквей и каменныхъ оградъ, взорванныя пироксилиномъ и разрушенныя огнемъ орудій.

Этотъ городъ въ теченіе послѣднихъ дней переходилъ безчисленное число разъ изъ рукъ въ руки, и ни Ивановъ, ни его спутникъ не могли даже предположить, кѣмъ онъ былъ занятъ въ эту ночь.

Они приблизились къ его развалинамъ, къ его окраинѣ, превращенной въ пепелъ, на разсвѣтѣ, когда едва начало сѣрѣть небо и надъ полемъ потянулся тонкій бѣлый туманъ.

Надъ землей здѣсь и тамъ торчали только уцѣлѣвшія трубы, а дома, на окраинѣ преимущественно деревянные, сгорѣли до тла и сравнялись съ землей.

Оба солдата шли по этой печальной улицѣ не обмѣниваясь ни словомъ, но увѣренные уже въ томъ, что городъ не находится въ

рукахъ нѣмцевъ — слишкомъ было въ немъ тихо...

Это утро развалины не принадлежали никому: нѣмцы были выбиты, а русскіе тоже покинули городъ или вѣрнѣе то, что отъ него осталось, такъ какъ защищать эти груды кирпича и извести цѣной человѣческихъ жизней конечно не стоило...

Оба солдата остановились около крайняго высокаго каменнаго дома, когда-то бывшаго фабричнымъ корпусомъ, а теперь зіявшаго черными отверстіями своихъ выбитыхъ оконъ и полуразрушенныхъ стѣнъ.

— Кажись нѣтъ никого, сказалъ Ивановъ глядя вдоль пустынной улицы, изрытой гранатами и заваленной горами камня и мусора, лошадиными трупами и какими-то поломанными повозками.

Его спутникъ молчалъ. Теперь при свѣтѣ блѣднаго зарождающагося утра Ивановъ разсмотрѣлъ его лицо, обрамленное вьющеюся рыжеватой бородой, и голову, наскоро забинтованную индивидуальнымъ бинтомъ.

— Вѣрно наши дальше прошли... снова заговорилъ Ивановъ и присѣлъ на поваленный на бокъ зарядный ящикъ съ отломанными колесами, указывая своему спутнику мѣсто рядомъ съ собой.

— Посидимъ здѣсь маленечко, можетъ что

и надумаемъ, а тамъ глядишь и солнышко взойдетъ, все-жъ повеселѣе будетъ...

Раненый солдатъ молча согласился кивкомъ головы и охотно взялъ, предложенный ему Ивановымъ, кусокъ хлѣба.

Они сидѣли молча ожидая солнца среди развалинъ покинутаго города, не зная куда имъ идти и въ которой сторонѣ искать своихъ, до тѣхъ поръ пока Ивановъ внезапно не замѣтилъ, отдѣлившагося отъ стѣны, человѣческаго силуэта.

IV.

— Никакъ идетъ кто-то!.. забезпокоился Ивановъ и соскочилъ съ ящика, надобно посмотрѣть, можетъ свой...

Раненый тоже сползъ съ сидѣнія и они оба пошли навстрѣчу, подвигавшемуся неувѣренной походкой вдоль стѣнъ, солдату. .

Но уже шагахъ въ пятидесяти отъ неизвѣстнаго человѣка Ивановъ различилъ на его головѣ остроконечную нѣмецкую каску и въ первую минуту отъ неожиданности даже остановился:

— Ахъ, ты, Господи!.. никакъ нѣмецъ!..

— Нѣмецъ и есть... вотъ такъ оказья!.. подтвердилъ раненый...

— Оказья не оказья, а насъ-то, братъ, двое, нешто мы его въ плѣнъ не заберемъ... мо-

жетъ онъ знаетъ, гдѣ наши-то схоронились...

— Это вѣрно, согласился раненый... заберемъ нѣмца. Кажись онъ и раненый?..

Дѣйствительно, нѣмецкій солдатъ шелъ какой-то странной походкой, покачиваясь изъ стороны въ сторону, опустивъ голову...

Можно было подумать, что этотъ человѣкъ или легко раненъ, но потерялъ много крови, или обремененъ какой-то тяжелой ношей, съ которой онъ идетъ уже давно и которую никакъ не можетъ съ себя сбросить.

Когда къ нему приблизились русскіе солдаты, онъ не закричалъ, не бросился на нихъ, не побѣжалъ прочь, а также молчаливо и покорно продолжалъ идти къ нимъ навстрѣчу, припадая на ногу при каждомъ шагѣ и глядя внизъ.

Ивановъ крикнулъ ему что-то, побѣжалъ первый навстрѣчу, схватилъ его за плечо и приготовился уже нанести отвѣтный ударъ, если нѣмецъ нападетъ на него, но тотъ покорно остановился, только весь какъ-то вдругъ словно обмягъ, опустился на руки подошедшему Иванову.

— Ишь, братъ ты мой, говорилъ между тѣмъ тотъ, поддерживая нѣмца, ты, братъ, кажется тоже не въ исправности... куда тебя задѣло-то, сердечный, а? хоть бы сказалъ,— все самому полегче было бы.

Но нѣмецъ не говорилъ ни слова, онъ шелъ теперь покорно, не отрывая глазъ отъ земли, продолжая шататься и покачиваться, опираясь на руки русскихъ солдатъ.

Они вывели его изъ города и съ первыми лучами солнца очутились на широкомъ шоссе, уходившемъ вправо и сильно изрытымъ глубокими колеями, видимо недавно проѣзжавшей здѣсь, артиллеріи.

Постояли, подумали нѣсколько минутъ и рѣшили пойти вправо, то есть по тому направленію, откуда вчера наступали наши. Ивановъ справедливо разсудилъ, что если даже наши войска и ушли впередъ, то тамъ на ихъ старыхъ позиціяхъ остался тылъ, остались обозы и лазареты.

Идти было теперь очень тяжело, потому что нѣмецъ слабѣлъ съ каждой минутой и едва волочилъ ноги, а солдаты, будучи увѣренными, что онъ раненъ, не хотѣли бросить его на произволъ судьбы.

— Кто-жъ его знаетъ, говорилъ Ивановъ въ минуту привала, отирая со лба крупныя капли пота, кто-жъ его знаетъ, куда онъ раненъ, а только вѣрно здорово его задѣло... посмотрѣть бы можно, да не дается окаянный...

Дѣйствительно, нѣмецъ былъ смиренъ лишь до тѣхъ поръ, пока къ нему не прикасались, но едва солдаты наши сдѣлали попытку разстегнуть его мундиръ, чтобы

перевязать его, какъ нѣмецъ вдругъ злобно заворчалъ и отбиваясь заговорилъ что-то быстро, неразборчиво и непонятное нашимъ солдатамъ.

— Не трошь его, не трошь, Ивановъ!.. посовѣтовалъ раненый, брось, все одно ничего отъ него не добьешся, тамъ докторъ пусть разбираетъ, тоже!—словно золотомъ начиненъ, пренебрежительно бросилъ онъ по адресу плѣннаго.

И всѣ трое тронулись дальше, зашагали по тяжелой дорогѣ поддерживая другъ друга и часто останавливаясь, чтобы перевести духъ и взглянуть повнимательнѣе вдаль: не треплется ли гдѣ-нибудь по вѣтру бѣлое полотнище, украшенное краснымъ крестомъ.

V.

Въ дивизіонномъ лазаретѣ было не много работы, такъ какъ прежнихъ раненыхъ уже увезли, а новыхъ еще не доставляли.

Въ большой избѣ, стоявшей около дороги, было просторно и полутемно отъ оконъ, на половину завѣшенныхъ.

Въ перевязочной было пусто, такъ какъ оба врача и сестры собрались въ сосѣдней «пріемной» за столомъ, куда притащилъ одинъ изъ санитаровъ кипящій, давно не чищенный, самоваръ.

Пили чай и ѣли на спѣхъ, ожидая каждую минуту услышать стукъ колесъ подъѣзжающихъ фуръ и голосъ санитара, вызывающій для пріема раненыхъ.

Въ это время къ избѣ подошелъ Ивановъ, ведя вмѣстѣ со своимъ товарищемъ подъ руки обезсилѣвшаго нѣмца.

Они и сами очень утомились. Подойдя къ большой избѣ, надъ которой развѣвался бѣлый флагъ, они опустились на ступени крыльца, не сводя однако глазъ со своего плѣнника, который совсѣмъ обезсилѣлъ и тяжело дышалъ.

— Ничего, братъ Карлуша, похлопалъ ему по плечу подбадривающій Ивановъ, но нѣмецъ, вѣроятно боясь, что тотъ сдѣлаетъ снова попытку разстегнуть его мундиръ, весь затрясся и началъ поспѣшно отодвигаться въ сторону.

— Ну, ладно, ладно... не трону... не пужайся... успокоилъ его Ивановъ и пошелъ внутрь лазарета, чтобы кого-нибудь вызвать.

Нѣмецъ покорно вошелъ въ перевязочную, окруженный вышедшими навстрѣчу санитарами и сестрами, и опустился на скамейку, не отвѣчая на вопросы и относясь къ своей участи, повидимому, вполнѣ безразлично.

— «Такъ, что зашли мы, значитъ, съ пріятелемъ въ городъ, докладывалъ между тѣмъ Ивановъ доктору, кивнувъ головой

въ сторону своего товарища, которому уже перевязывали голову, зашли, значитъ, и видимъ никого это нѣтъ, а безобразіе натворено, не дай Господи!.. все значитъ поломано, поразграблено, а людей-то и не видно ни нашихъ, ни ихнихъ.

Мы съ пріятелемъ присѣли маленько отдохнуть, мнѣ-то ничего, только шумъ какой-то въ головѣ, а вотъ онъ-то, я вижу, совсѣмъ сплоховалъ.

Сидимъ это мы, сидимъ, и вдругъ идетъ это намъ навстрѣчу вотъ этотъ самый нѣмецъ, идетъ и словно насъ не видитъ, изъ стороны въ сторону покачивается, да къ землѣ пригибается, словно куръ на себѣ тащитъ.

Мы думали, онъ на насъ накинется или тамъ что-либо другое, потому мы безъ винтовокъ, а при емъ штыкъ этотъ ножичкомъ... такъ ужъ мы и приготовились, чтобы въ случаѣ чего ему не потрафить, а онъ, нѣмецъ-то это самъ, что твой теленокъ на насъ и претъ.

Ну мы естественно забрали его и вотъ доставили.

Раненый онъ вѣрно здорово, потому пытался я разстегнуть его да посмотрѣть, а онъ не дается, больно ему что ли, кто его знаетъ, а только чуть за мундиръ возьмешься—такъ и огрызается».

Докторъ слушалъ и одновременно перевязывалъ сверкающимъ бѣлымъ бинтомъ уже обмытую голову раненаго русскаго. Въ эту минуту онъ покончилъ съ перевязкой, завязалъ послѣднiй узелъ и обратился къ Иванову, замѣтивъ:

— Ну, вотъ этотъ и готовъ, теперь посмотримъ твоего нѣмца, что съ нимъ такое... санитаръ, снимай съ него мундиръ.

И тутъ повторилась та же сцена, что и раньше, когда Ивановъ пытался разстегнуть пуговицы нѣмца: послѣднiй весь затрясся, попятился назадъ и заговорилъ вдругъ что-то быстро, захлебываясь отъ поспѣшности.

Когда же санитары сдѣлали болѣе энергичную попытку стащить съ упиравшагося нѣмца его куртку, послѣднiй вдругъ закричалъ отчаяннымъ яростнымъ голосомъ животнаго, у котораго отнимаютъ его дѣтенышей или разоряютъ жилище, и закатился вдругъ безконечнымъ порывомъ безумнаго смѣха.

— Ага!.. держите его, братцы!.. это сумасшедшiй... онъ нисколько не раненъ, держите его крѣпче... и двое санитаровъ, что было силы, вцѣпились, въ отчаянно отбивавшагося и хохотавшаго нѣмца.

Сила одолѣла. Плѣннаго связали несмотря на его сопротивленiе и начали стаскивать

съ него куртку, которая оказалась необыкновенно тяжелой. Заинтересованный докторъ приказалъ осмотрѣть карманы, и, къ изумленію всѣхъ собравшихся, несмотря на протестъ сумасшедшаго плѣннаго, санитаръ началъ доставать изъ нихъ самые неожиданные предметы.

Здѣсь было все что угодно: вмѣстѣ съ мелкими золотыми и серебряными вещами обломки камня и кирпича, вмѣстѣ съ русскими и нѣмецкими монетами гвозди и вырванныя дверныя ручки, какія-то коробочки съ грамофонными иголками, мельхіоровыя ложки и всевозможные предметы, набранные видимо гдѣ попало, уже безъ желанія обогатиться, а просто изъ жажды—грабить.

Нѣмецъ оказался сплошь начиненнымъ всевозможнымъ хламомъ, среди котораго попадались очень цѣнныя бездѣлушки, онъ со страданіемъ въ глазахъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ санитары доставали изъ кармана и изъ-за подкладки его одежды всѣ эти сокровища и, выбрасывая за окно безчисленное множество мелкихъ камней, кусковъ кирпича и дерева, откладывали въ сторону все, что могло имѣть хоть какую-либо цѣнность.

— Вотъ, братъ, каковъ твой раненый... сказалъ докторъ обращаясь къ рядовому Иванову, не раненый онъ, а сумасшедшій,

видишь на чемъ помѣшался—на грабежѣ... до того дограбилъ, что умъ потерялъ...

Ивановъ и его товарищъ стояли тутъ же около молчаливые и видимо подавленные только что происшедшей сценой, они смотрѣли на своего плѣнника и глаза ихъ какъ будто говорили:

«Эхъ, братецъ, знали бы мы, кто ты таковъ, мы-бъ тебя столько верстъ подъ руки не тащили бы... мы-то думали раненый, а на дѣлѣ ты мародеръ и больше ничего!».

„КОМУ ЧТО СУЖДЕНО“...

I.

Послѣ восьмидневнаго движенія къ неизвѣстной цѣли, послѣ безконечныхъ стоянокъ у товарныхъ платформъ большихъ станцій и около полустанковъ, затерянныхъ въ глубокомъ просторѣ полей, нашъ поѣздъ достигъ, наконецъ, большого бѣлаго вокзала, озареннаго серебряными шарами электрическихъ фонарей, и мы поняли, что наше путешествіе окончено.

На платформѣ передъ окнами вагона уже прохаживались двое: это былъ батальонный командиръ въ зеленомъ дождевомъ пальто, подпоясанномъ походнымъ снаряженіемъ, и рыжеусый капитанъ, догнавшій насъ уже на полпути, фамилію котораго многіе еще не знали. Онъ былъ изъ запасныхъ и, дѣлая уже вторую войну—манчжурскую кампанію капитанъ отъ перваго до

послѣдняго дня провелъ на передовыхъ позиціяхъ—заслужилъ кучу наградъ и не получилъ ни одной царапины.

Мы всѣ это знали и конечно съ разспросами о войнѣ, о бояхъ и о предстоящихъ опасностяхъ чаще всего обращались именно къ нему.

Теперь онъ шагалъ рядомъ съ батальоннымъ командиромъ по длинной платформѣ въ своемъ сѣро-зеленомъ дождевомъ пальто съ привязаннымъ за плечами мѣшкомъ вродѣ тѣхъ, что носятъ швейцарскіе туристы поднимаясь въ горы.

Мѣшокъ прихватывался къ плечамъ двумя ремнями и нѣсколько отвисалъ внизъ, почему капитанъ время отъ времени сутулилъ спину, чтобы поднять его на прежнее мѣсто.

— И вы напрасно смѣетесь, г-нъ полковникъ, говорилъ онъ своимъ ровнымъ негромкимъ голосомъ, эти мѣшки дѣйствительно примѣняются только туристами, да разными тамъ тирольцами, но это ровно ничего не значитъ, вы послѣ увидите, какъ удобно имѣть всегда свое хозяйство за плечами. У васъ-то вотъ въ батальонной двуколкѣ будетъ полевой багажъ, представьте приходимъ на бивакъ, захотѣли бы чаю напиться или что-нибудь тамъ еще, а двуколка ваша въ десяти верстахъ позади

изъ грязи вылѣзти не можетъ... вотъ вамъ и чай и закуска... а я сейчасъ же сбросилъ съ плечъ мѣшокъ и готово дѣло... замѣчательное удобство...

— Ну, ужъ зато тоже мало удовольствія, возразилъ батальонный, постоянно за плечами такую торбу таскать, это вы сейчасъ поете, а вотъ погодите, мы за сегодняшній день верстъ сорокъ прошагаемъ, тогда другое дѣло будетъ...

Въ эту минуту въ другомъ концѣ платформы затрубилъ горнъ и полкъ началъ поспѣшно строиться въ походную колонну, нѣсколько минутъ выравнивался, потомъ всколыхнулся всей черной тысячеголовой массой и тронулся, поблескивая тусклой сталью наклоненныхъ штыковъ, по пыльной бѣлой ночной дорогѣ.

II.

Передъ боемъ роты расходились на околицѣ большой деревни и здѣсь около остановившейся вереницы безконечныхъ обозовъ лазаретныхъ линеекъ и двуколокъ собралось нѣсколько человѣкъ офицеровъ.

— Ну, свидимся ли вечеромъ, Богъ знаетъ, говорилъ задумчиво какой-то прапорщикъ.

— Ихъ, говорятъ, корпуса два? спросилъ кто-то.

Капитанъ оглянулся на спрашивающаго и пожалъ плечами:

— А вамъ-то не все ли равно, два ихъ корпуса или три? для каждаго изъ насъ одной пули достаточно, одного такого, знаете, малюсенькаго металлическаго кусочка, а ужъ кому не суждено—такъ тому хоть три корпуса, хоть четыре... все равно—цѣлъ будетъ... вотъ вѣдь я же въ манчжурскую войну уцѣлѣлъ?... а между тѣмъ за бруствера не прятался...

Прапорщикъ стоявшій въ сторонѣ не успѣлъ отвѣтить, какъ кто-то окликнулъ офицеровъ и всѣ поспѣшили въ свои роты.

Проходя мимо меня, прапорщикъ покачалъ головой, улыбнулся и замѣтилъ:

— Счастливецъ этотъ капитанъ, чортъ его возьми, его и пули не берутъ, ходитъ себѣ со своимъ мѣшкомъ и горя не знаетъ...

III.

День пролетѣлъ незамѣтно въ пылу стычки, новыхъ неожиданныхъ и острыхъ впечатлѣній. Уже смеркалось, когда наша рота, значительно порѣдѣвшая, отходила во вторую линію къ той самой деревнѣ, въ которой мы были этимъ утромъ.

Въ деревнѣ теперь развернулся перевязочный пунктъ, и на улицахъ сновали са-

нитары съ красными крестами на рукавахъ, сестры и доктора, а по сторонамъ у заборовъ, свѣся ноги въ канавахъ, сидѣли легко раненые, дожидавшіеся эвакуаціи, раскуривая цыгарки и не громко бесѣдуя.

Около одной изъ избъ я встрѣтилъ капитана. Онъ спускался съ крыльца такой же, какъ всегда, хладнокровный и спокойный въ своемъ сѣро-зеленоватомъ дождевомъ пальто. И странно, первое, что бросилось въ глаза, это отсутствіе за спиной его того самаго оригинальнаго мѣшка, которымъ онъ хвасталъ батальонному.

— Капитанъ, что съ вами?... гдѣ же вы потеряли вашъ мѣшокъ? воскликнулъ я.

— Этакая знаете глупая исторія, просто досадно.

— Да что такое?

— Да можете себѣ представить, продолжалъ онъ, разорвалась сзади меня граната и осколкомъ прямо въ мѣшокъ... Ну, естественно весь мой багажъ пошелъ къ чорту... то есть, такая досада... вѣдь это въ первомъ же бою...

— Ну, а спина-то какъ же? перебилъ я его...

— Да что спина, махнулъ рукой капитанъ, спина конечно ушиблена, синячище во какой, да это чортъ съ нимъ, но вѣдь вы подумайте, въ клочья всю мою торбу

разорвало, ни одной цѣлой вещи нѣтъ. Одно слово—не везетъ!..

Капитанъ махнулъ рукой и мы разстались. Я нѣсколько минутъ глядѣлъ ему вслѣдъ, думая о томъ, что бы было теперь съ этимъ хладнокровнымъ человѣкомъ, если бы за его спиной не висѣлъ его мѣшокъ, о потерѣ котораго онъ такъ сожалѣлъ.

IV.

Въ теченіе цѣлой недѣли намъ не удавалось встрѣчаться и бесѣдовать между собой: бои шли безпрерывно и только черезъ восемь дней отвели насъ всѣхъ во вторую линію на отдыхъ.

Остановились въ большомъ селѣ, расположились недурно и начали подводить итоги потерямъ.

— А вы знаете, окрикнулъ меня у входа въ избу, гдѣ располагалась полковая канцелярія, знакомый прапорщикъ, вы знаете—вѣдь нашъ капитанъ умеръ...

— Да что вы, не можетъ быть!.. не повѣрилъ я, когда-же его убили?

— Какое—убили, въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ... вы представьте себѣ, нашъ добродушнѣйшій капитанъ отравился, выпивъ воды изъ зараженнаго колодца... не правда-ли, какая дикая смерть?

— Да... и особенно для него отвѣтилъ я и отошелъ въ сторону.

Мнѣ ясно вспомнился рыжеусый капитанъ, котораго «не брали пули» въ манчжурской кампаніи, вспомнился его разорванный попавшимъ въ спину осколкомъ гранаты мѣшокъ и философскія его разсужденія передъ боемъ о томъ, «что кому суждено»...

Нелѣпой, загадочной и ужасной показалась мнѣ тогда судьба отравившагося капитана!

РУЗЯ.

I.

Позднимъ вечеромъ, послѣ долгаго дня передвиженій по шоссе, уже оттаявшему и покрытому теперь бурой грязью размякшаго и растоптаннаго снѣга, подошли къ деревнѣ, на околицѣ которой расположился громадный таборъ обозовъ.

Справа и слѣва отъ дороги стояла бивакомъ пѣхота и видны были только безчисленныя сѣрыя палатки и копошившіяся, рельефно выдѣляющіяся на снѣгу, фигуры солдатъ.

Не доѣзжая деревни, еще около обозныхъ коновязей, эскадронный командиръ подозвалъ какого-то кашевара или хлѣбопека, возившагося около бадьи, которую онъ пытался отмыть грязнымъ комкомъ снѣга, и спросилъ, занята ли деревня и тамъ ли находится штабъ дивизіи.

Кашеваръ или хлѣбопекъ оторвался на минуту отъ своего занятія, распрямилъ усталую спину и, поглядѣвъ на ротмистра утомленнымъ взглядомъ, отвѣтилъ:

— А то какъ же, ваше высокоблагородіе, конечно занята, тамъ и штабъ... сейчасъ за сараемъ направо какъ свернете, такъ по тропочкѣ и поѣдете... у самую деревню приведетъ...

Эскадронъ проѣхалъ дальше, хлюпая по лужамъ подковами коней, и, миновавъ сарай, свернулъ на дорогу, уходившую въ деревню.

Деревня была переполнена войсками.

Жители ее покинули давно въ страхѣ передъ наступавшимъ непріятелемъ, и теперь всѣ избы, всѣ сараи были заняты войсками и даже прямо на улицѣ и во дворахъ виднѣлись, наскоро разставленныя, палатки, ружья, составленныя въ козла, и разнообразныя повозки, оглобли которыхъ торчали вверхъ, такъ какъ коней уже давно распрягли.

Пришлось искать квартиру для эскадрона гдѣ-нибудь внѣ этой деревни, превратившейся въ сплошной бивакъ.

Къ востоку верстахъ въ двухъ темнѣло какое-то зданіе, окруженное деревьями, и въ штабѣ ротмистру указали на него, какъ на единственный свободный фольваркъ, гдѣ эскадронъ могъ бы расположиться на ночь.

Пришлось проѣхать еще прямо по полю, пробираясь между черными обнажившимися кочками топкаго болота, и когда эскадронъ приблизился къ фольварку, было уже почти совсѣмъ темно и въ синеватыхъ сумеркахъ, быстро сгущавшихся, постройки и деревья сливались вмѣстѣ и трудно было различить, гдѣ была ограда и гдѣ находились ворота, сквозь которыя можно было проникнуть внутрь двора.

Первымъ сошелъ съ коня ротмистръ и былъ очень удивленъ, увидя на крыльцѣ какую-то темную фигуру, вышедшую навстрѣчу.

Очевидно, фольваркъ не былъ покинутъ. Его обитатели пренебрегли опасностью, не обратили вниманія на поспѣшное бѣгство крестьянъ изъ сосѣдней деревни и остались въ одинокомъ большомъ домѣ, окруженномъ деревьями, казавшимися издалека маленькимъ островкомъ среди безграничной открытой степи.

— Я садовникъ, панъ офицеръ, заговорилъ подошедшій къ ротмистру человѣкъ, не дожидая его вопроса, если вамъ угодно съ вашимъ войскомъ остановиться здѣсь, я сейчасъ пойду и доложу барынѣ... вы подождете одну минуту?..

Ротмистръ остался на крыльцѣ въ ожиданіи и въ эту минуту къ нему подошелъ успѣвшій тоже спѣшиться корнетъ Лаговъ.

— Ну, батюшка, тутъ дѣло обстоитъ не такъ просто, какъ мы думали: какая-то храбрая барыня не побоялась нѣмцевъ и осталась въ фольваркѣ... своего рода исторія... Ротмистръ покрутилъ головой.

— Барыня? переспросилъ Лаговъ... это совсѣмъ не кстати...

— Кто знаетъ, можетъ быть мы застанемъ очаровательную хозяйку и проведемъ недурно вечеръ семейнымъ кружкомъ...

Но корнетъ этому не вѣрилъ:

— Оставьте, ротмистръ, я убѣжденъ, что если она рискнула остаться здѣсь, то врядъ ли эта особа даже бальзаковскаго возраста, вы вѣдь знаете, дамы этихъ лѣтъ мнятъ себя особенно привлекательными... Вы увидите, мы застанемъ здѣсь почтенную старушку въ наколкѣ, не покинувшую своего дома только потому, что она не выѣзжала отсюда лѣтъ сорокъ, если не больше, и никакіе нѣмцы не заставятъ ее вылѣзти изъ своего дѣдовскаго кресла...

Въ эту минуту на крыльцѣ показался опять тотъ же садовникъ, спѣшившій заявить ротмистру о полной готовности его барыни принять въ своемъ домѣ русскаго офицера и предлагавшій ему свои услуги по расквартированію эскадрона.

Пока ротмистръ располагалъ людей съ помощью садовника въ сараяхъ, банѣ и дру-

гихъ службахъ фольварка, Лаговъ бродилъ по двору, останавливаясь взглядомъ не безъ любопытства то на одномъ, то на другомъ предметѣ.

Дворъ былъ довольно большой, очень чистый и даже средина его, гдѣ вырытъ былъ колодецъ, была вымощена асфальтомъ, съ прорѣзанными въ немъ сточными желобками для воды.

Всѣ службы выходили фасадами внутрь двора, стѣны же, обращенныя въ поле, были сложены изъ дикаго камня и возвышались надъ уровнемъ крыши невысокимъ бордюромъ, прорѣзаннымъ узкими, равномѣрно расположенными одна рядомъ съ другой, щелями.

Лаговъ поглядѣлъ на эти странныя постройки и подумалъ о томъ, что гдѣ-то, не то на чертежахъ, не то въ рисункахъ— онъ самъ хорошо не помнилъ, гдѣ онъ видѣлъ точно такія же стѣны съ прорѣзанными въ нихъ узкими отверстіями.

Обойдя весь дворъ кругомъ, Лаговъ убѣдился, что повсюду стѣны снабжены этими удивительными прорѣзями и даже ими украшенъ былъ карнизъ барскаго дома.

— Странная архитектура... но гдѣ я видѣлъ такія штуки... чортъ ихъ знаетъ!.. Въ эту минуту Лагова окрикнулъ ротмистръ и онъ поспѣшилъ вслѣдъ за нимъ въ домъ

а впереди бѣжалъ все тотъ же садовникъ, поспѣшно отворяя двери.

— Ну вотъ сейчасъ увидимъ и хозяйку, сказалъ ротмистръ Лагову, когда, пройдя вслѣдъ за садовникомъ въ переднюю, украшенную, развѣшанными по стѣнамъ, оленьими рогами и высокой массивной вѣшалкой, стоявшей въ углу, какъ неподвижной фигурой часового, они вошли въ гостиную, убранную съ богатой скромностью начала прошлаго столѣтія.

Лаговъ не успѣлъ еще разсмотрѣть темныя картины, висѣвшія по стѣнамъ въ овальныхъ потускнѣвшихъ золотыхъ рамахъ, ротмистръ не имѣлъ еще времени присѣсть на подушку облюбованнаго имъ кресла, какъ дверь скрипнула и изъ-за темной портьеры появилась тонкая женская фигура.

Услыша голосъ вошедшей, приглашавшей офицеровъ въ столовую, ротмистръ и Лаговъ повернули головы къ двери и оба въ одно мгновеніе позабыли о темныхъ картинахъ въ потускнѣвшихъ рамахъ и манящей мягкости подушекъ креселъ.

Корнетъ Лаговъ, какъ болѣе юный, даже нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно, прикованный невыразимой прелестью женскаго лица, обрисовавшагося на темномъ фонѣ тяжелой портьеры.

Такой яркой, бьющей и горячей была кра-

сота вошедшей женщины, что корнетъ въ первую минуту даже не замѣтилъ ея кружевного передника и не подумалъ о томъ, что она была только горничной и что настоящая хозяйка ждала ихъ тамъ въ столовой.

Увлекаемый ротмистромъ, замѣтившимъ впечатлѣніе, произведенное вошедшей на Лагова, корнетъ, съ трудомъ оторвавъ взглядъ отъ этого удивительнаго лица, прошелъ вслѣдъ за нимъ въ столовую, гдѣ ихъ уже ожидала за обѣденнымъ столомъ хозяйка.

Лаговъ оказался довольно мѣткимъ предсказателемъ: дѣйствительно, въ глубокомъ кожаномъ креслѣ на колесахъ, сидѣла, съ колѣнями закрытыми клѣтчатымъ пледомъ, сухая костлявая старуха въ наколкѣ, изъподъ которой спадали закрученные колбасками серебряные локоны. Лицо ея было совсѣмъ желтое, изрѣзанное глубокими, какъ ручейки промытые дождевой водой въ высокихъ песчаныхъ склонахъ, морщинами, а глазъ, спрятанныхъ въ глубокихъ впадинахъ и обведенныхъ темной тѣнью, офицеры не могли видѣть, такъ какъ они были прикрыты дымчатыми очками въ черепаховой оправѣ.

По лицамъ офицеровъ трудно было предположить, чтобы они были довольны новымъ знакомствомъ, и видимо хозяйка, проница-

тельная и умная старуха, поняла это по ихъ тону сухому и холодному, которымъ они произнесли первыя слова, и по ихъ строго поджатымъ губамъ.

И, сообразивъ что-то, старуха усмѣхнулась какъ-то про себя и молча указала сухой желтой рукой офицерамъ на стулья, предлагая сѣсть.

Обѣдъ сперва былъ скученъ и Лаговъ развлекался только тѣмъ, что слѣдилъ за каждымъ движеніемъ красавицы горничной, служившей у стола. Но постепенно и очень умѣло старуха завязала съ ротмистромъ оживленную бесѣду, видимо стараясь загладить первое непріятное впечатлѣніе.

Въ этой бесѣдѣ, касавшейся всего, чего угодно, и поминутно перебрасывавшейся съ одной темы на другую, она сумѣла показать себя чрезвычайно радушной, умной и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не отсталой женщиной. Она такъ ловко вплела въ нить ихъ разговора нѣсколько комическихъ случаевъ, переданныхъ ею съ живымъ и острымъ юморомъ, такъ горячо защищала свои взгляды и оспаривала ротмистра, что къ концу обѣда офицеры уже простили ей и ея старость, и дѣдовское кресло, и желтое лицо, изрѣзанное морщинами.

II.

Послѣ кофе офицеры откланялись. Хозяйка ихъ не задерживала, она съ улыбкой сказала, что къ сожалѣнію ея возрастъ принуждаетъ ее ложиться спать рано, да къ тому же господамъ офицерамъ не повредитъ выспаться хорошо въ эту ночь.

Ея кресло укатила какая-то приживалка въ черномъ платьѣ, съ заплаканнымъ почему-то лицомъ, и уѣзжая старуха еще разъ улыбнулась имъ, приказавъ Рузѣ проводить гостей въ ихъ комнату.

Офицеры пошли по темному длинному коридору вслѣдъ за горничной, словно спѣшившей подъ восхищенными взглядами Лагова.

— Ну, и старуха!..—говорилъ корнетъ наклоняясь къ уху ротмистра, — вѣдь какая занимательная. Ей лѣтъ восемьдесятъ поди, а вѣдь какъ все знаетъ, всѣмъ интересуется, обо всемъ поговорить умѣетъ... Я сперва думалъ, придется со скуки сдохнуть сегодня, а вотъ подите какая говорливая...

— Голосъ только очень ужъ противный у нея, — замѣтилъ ротмистръ, — не то она охрипла, не то горло у нея болитъ, а занимательная старушенція, что и говорить...

— Ну, голосъ — это что, заступился Лаговъ, вы, батюшка, проживите восемьдесятъ

лѣтъ, такъ и не такимъ голосомъ заговорите... помните, какъ она про свою поѣздку на Ривьеру разсказывала... тутъ, батюшка, бурная жизнь прожита... это вамъ не фунтъ изюма.

Рузя остановилась въ эту минуту и отворила какую-то дверь, пропуская впередъ офицеровъ.

Ротмистръ вошелъ первымъ, а Лаговъ на одну минуту задержался и глаза его встрѣтились на одно мгновеніе съ глазами дѣвушки.

Она не могла не замѣтить въ теченіе обѣда того исключительнаго, восхищеннаго вниманія, съ которымъ наблюдалъ корнетъ за каждымъ ея движеніемъ, она не могла не почувствовать того изумленія и удовольствія, которое испыталъ онъ увидя ее здѣсь, рядомъ съ ея умирающей и безобразной госпожей, но теперь этотъ взглядъ молодого офицера, взглядъ ясный и откровенно влюбленный, взглядъ просящій — подтвердилъ ей все.

Она опустила глаза и синеватая тѣнь ея длинныхъ рѣсницъ упала темнымъ облакомъ на нѣжныя щеки.

Ротмистръ уже располагался. Кровати были прекрасныя, ночь предстояло хорошо выспаться и онъ спѣшилъ добраться до чистыхъ простынь, до мягкой постели, до теплаго одѣяла.

— Слушайте, Лаговъ, произнесъ онъ садясь въ кресло и потягиваясь, вы бы оказали божескую милость, сходили бы посмотрѣть, какъ тамъ у нашихъ молодцовъ, да въ порядкѣ ли посты, а я бы пока что сапоги снялъ да распоясался...

Лагову самому хотѣлось спать, но волновала его мысль о красавицѣ Рузѣ, только что отвѣтившей ему стыдливымъ взмахомъ рѣсницъ, въ которомъ Лаговъ не видѣлъ для себя ничего неблагопріятнаго. Онъ натянулъ шинель, отыскалъ фуражку и, пожелавъ ротмистру спокойной ночи, сказалъ, что исполнитъ все и немного прогуляется на сонъ грядущій.

— Гуляйте, гуляйте, откликнулся ротмистръ, съ трудомъ стаскивая сапогъ... только смотрите не тово... съ этой-то, какъ ее... Рузей или Бузей!..

Корнетъ одѣлъ фуражку и вышелъ на дворъ, уже одѣтый сумракомъ ночи холодной и ясной.

Солдаты уже давно спали.

Со всѣхъ концовъ двора, изъ всѣхъ закоулковъ, изъ амбаровъ, сараевъ и конюшенъ несся громкій храпъ усталыхъ людей, свистъ и сонное ворчаніе. Отчетливо и мѣрно жевали въ темнотѣ у коновязей невидимыя лошади и чуть поскрипывалъ, махаясь изъ стороны въ сторону по вѣтру, ржавый желѣзный флюгеръ на вершинѣ колодца.

Мокрый снѣгъ, растаявшій и превратившійся въ грязь, хлюпалъ подъ ногами холодный вѣтерокъ пробѣгалъ по двору и домъ глядѣлъ своими черными окнами словно слѣпой незрячими глазами.

Около чернаго крыльца Лаговъ остановился, ему показалось, что кто-то подходитъ къ двери изнутри, и дѣйствительно черезъ минуту она тихо скрипнула и по ступенямъ быстро спустилась на дворъ женщина, въ которой корнетъ тотчасъ же узналъ Рузю.

— Вы куда, Рузя?—окрикнулъ онъ горничную.

Та словно испугалась, одну минуту замерла на мѣстѣ, какъ пойманный воръ, но потомъ вдругъ улыбнулась дѣланной фальшивой улыбкой и, указавъ на находящійся у нея въ рукахъ кувшинъ, отвѣтила:

— А я за водой до колодца.

Было темно и, вѣроятно, чтобы разглядѣть лицо офицера, Рузя придвинулась къ нему совсѣмъ близко, и Лаговъ вдругъ увидѣлъ изумительно правильный и прекрасный рисунокъ ея губъ и очертаніе короткаго прямого носа.

— А вы что здѣсь дѣлаете, панъ офицеръ?—спросила она и улыбнулась. Лаговъ отвѣтилъ не сразу, потому что въ горлѣ вдругъ стало какъ-то сухо и въ груди загорѣлась знакомая острая жажда.

— Я по службѣ... наконецъ отвѣтилъ онъ и казалось Рузя удивилась...

— По службѣ?—переспросила она... а я думала, что всѣ уже спятъ. Она стояла совсѣмъ близко отъ Лагова и онъ видѣлъ ясно кромѣ ея лица твердый стволъ ея красивой шеи, переходящій въ прикрытыя тонкой косынкой плечи.

— Какъ вы легко одѣты, Рузя... произнесъ Лаговъ съ трудомъ выговаривая слова — его что-то душило, сладкое и мучительное.

— Дайте я схожу вамъ за водой, смотрите, у васъ совсѣмъ тонкія туфли, давайте кувшинъ, я сейчасъ же вернусь... Рузя!..

Онъ поймалъ ея лѣвую руку выше кисти и не выпуская старался схватить и правую, въ которой она держала кувшинъ, но дѣвушка почему-то отчаянно отбивалась, пряча руку за спину и поспѣшно шепча:

— Не надо... зачѣмъ же... не надо... я сію минуту... зачѣмъ безпокоиться... пустите!.. я же вамъ говорю, пустите!..

Но отбиваясь Рузя коснулась его грудью и теперь уже корнетъ не могъ выпустить ее, онъ крѣпко держалъ ея лѣвую руку и правой старался отнять спрятанный за спиной кувшинъ... Лицо ея было совсѣмъ близко и одновременно Лаговъ губами коснулся ея губъ, а рукой ощутилъ гладкій скользкій край эмалированнаго кувшина.

Но невыразимо сладкое ощущеніе поцѣлуя было вдругъ погашено страннымъ новымъ и неожиданнымъ: рука корнета случайно попала внутрь посудины и онъ почувствовалъ, что она не пустая, а насыпана до краевъ какимъ-то мелкимъ, похожимъ на муку порошкомъ.

— Рузя!.. дайте кувшинъ... оторвался онъ отъ ея губъ... дайте кувшинъ, что у васъ тамъ?.. но теперь уже красавица не отпускала его, она сама обвивала рукой его шею и шептала:

— Оставь!.. я же тебѣ говорю... оставь, ну что такое—кувшинъ... брось его... ну хочешь, я приду къ тебѣ ночью? хочешь?.. И, переломивъ себя, оттолкнулъ ее прочь Лаговъ, вырвалъ изъ рукъ Рузи кувшинъ и высыпалъ на землю все его содержимое. Это былъ бѣлый порошокъ. Корнетъ понялъ мгновенно, что это была отрава, приготовленная для колодца, изъ котораго завтра утромъ долженъ былъ пить весь эскадронъ... И въ то же мгновеніе взглядъ его остановился на зубчатыхъ стѣнахъ сараевъ и онъ вспомнилъ, гдѣ именно видѣлъ подобныя узкія прорѣзи въ каменныхъ стѣнахъ и какъ онѣ называются...

— Бойницы!.. конечно бойницы!.. цѣлая крѣпость... нѣмецкая крѣпость на русской землѣ!.. отравители колодцевъ!.. ага, вотъ

она старуха со страннымъ голосомъ... и, бросивъ на землю кувшинъ, продолжая держать цѣпко сжатыми пальцами за руку отбивающуюся Рузю, Лаговъ закричалъ громкимъ призывнымъ голосомъ...

Черезъ минуту уже поднялась суматоха... Изъ сараевъ, амбаровъ повыскакали заспанные гусары, ротмистръ выбѣжалъ на ходу застегивая снаряженіе, а на парадномъ крыльцѣ у широко раскрытыхъ дверей вахмистръ уже держалъ за воротникъ «хозяйку», которую весь переполохъ засталъ внезапно, не одѣтой и разгримированной... Очки ея были сняты и глядѣли молодые, острые и жестокіе глаза.

Утромъ эскадронъ уже построился къ выступленію, когда мимо четыре гусара съ вахмистромъ во главѣ провели по направленію къ деревнѣ пойманныхъ ночью шпіоновъ. Послѣдней прошла красавица Рузя, но корнетъ Лаговъ даже не взглянулъ на нее.

ПОДЪ ЛИЧИНОЙ.

I.

Вѣроятно, здѣсь, на этихъ пологихъ, поросшихъ жидкой высохшей травой склонахъ предстояло долго простоять и принять открытый бой...

Объ этомъ можно было судить по тому, что, послѣ долгихъ обсужденій и давъ людямъ отдохнуть нѣсколько часовъ, рѣшено было приступить къ возведенію укрѣпленій и рытью окоповъ.

На разсвѣтѣ, когда было еще сѣро и почти совсѣмъ темно въ открытомъ полѣ, подернутомъ бѣлымъ тонкимъ кружевомъ холоднаго инея, людей подняли на работу...

Земля была твердая, промерзшая, и первые удары кирки, направленные еще не согрѣвшимися и одеревенѣлыми отъ холода руками, прозвучали гулко въ свѣжемъ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ...

И поле, словно пересѣченное поперекъ живой полосой людей, взмахивающихъ кирками и лопатами, вдругъ ожило и наполнилось самыми разнообразными и неожиданными звуками. Послѣ первыхъ пяти-шести ударовъ руки согрѣлись, кровь заходила быстрѣе, люди проснулись совершенно и работа закипѣла дружно и весело. Скоро обозначилась длинная черная линія будущихъ окоповъ, — это темнѣла обнаженная черная земля, а пожелтѣвшій, стоптанный, вырѣзанный дернъ сваливали впереди, и изъ него выросталъ высокій и широкій брустверъ...

Окопы тянулись по прямой линіи, къ полудню они уже достигли глубины человѣческаго роста, а когда людямъ дали обѣдъ и всѣ кинулись къ подъѣхавшимъ полковымъ кухнямъ, былъ уже начатъ второй, болѣе глубокій уступъ... На два часа безконечная, глубокая черная канава опустѣла... Тутъ и тамъ валялись или были воткнуты въ землю небольшія походныя лопаты съ желтыми деревянными ручками и кирки, кое-гдѣ разставлены были манерки, наполненныя водой, — очевидно, работающимъ было жарко, несмотря на иней и на холодное весеннее утро.

Шагахъ въ ста позади начатыхъ работъ расположились на обѣдъ...

Съ обѣдомъ покончили быстро, покончивъ,

кое-какъ вымыли котелки,—воды было мало, да и ходить за ней было далеко,—облизали деревянныя ложки и, спрятавъ ихъ за голенище, солдаты разлеглись на землѣ тутъ же, большей частью, лицомъ вверхъ, къ небу, и лежали такъ, не то собираясь заснуть, не то просто для пищеваренія, до самаго того момента, когда раздавался призывъ къ работѣ, и, взявшись снова за лопаты и кирки, начинали дружно и со свѣжими силами долбить промерзшую, разсыпающуюся комками землю.

И такъ до самыхъ сумерекъ!.. Когда же посинѣло небо, стало еще холоднѣе и изъ низины поползъ бѣлый, густой, липкій и тяжелый туманъ, версты на двѣ впередъ выслали посты, на версту расположилось сторожевое охраненіе, а всѣ остальные, кому въ эту ночь суждено было спать спокойно, собрались около едва мерцающихъ костровъ, за жестяными чайниками.

И лица людей, озаренныя дрожащимъ пугливымъ пламенемъ мерцающихъ въ темнотѣ костровъ, не носили слѣдовъ ни усталости, ни волненія, — ихъ трудовой день былъ оконченъ, а что сулилъ слѣдующій разсвѣтъ, объ этомъ никто не думалъ; объ этомъ вѣдалъ только Тотъ, съ именемъ Котораго въ сердцахъ шли они на свое великое и правое дѣло.

II.

Въ полверстѣ позади и нѣсколько вправо чернѣли развалины когда-то большого и густо населеннаго села... Теперь, послѣ нашествія нѣмцевъ, послѣ того, какъ они поставили въ десяти верстахъ отсюда свои губительныя мортиры и начали забрасывать всѣ окрестности тяжеловѣсными чемоданами, отъ села остались только обгорѣлыя, одиноко торчащія трубы и груды черныхъ угольевъ.

Изголодавшіеся, оборванные и разоренные «паны» побродили, побродили вокругъ развалинъ своихъ жилищъ, отпустили по адресу пруссаковъ нѣсколько искреннихъ проклятій и пошли отъ своего пепелища куда глаза глядятъ, полагаясь на Божью волю и на Его милосердіе...

Вечеромъ у солдатскихъ костровъ появились новыя лица... Это были голодные и озябшіе «паны», пришедшіе къ «россійскому войску» за кускомъ хлѣба и глоткомъ горячаго чая...

Они приближались къ биваку, какъ тѣни, осторожно скользя въ ночной темнотѣ, боязливо вглядываясь въ лица солдатъ и заговаривая робкими, просящими голосами... Ихъ принимали, какъ своихъ... Чуткая душа

русскаго крестьянина понимала всю безысходную тоску, ужасъ и отчаяніе этихъ людей, внезапно оставшихся безъ крова, безъ хлѣба, разоренными и обездоленными...

— Садись, панъ, чего тамъ!.. Казенныхъ щей не жалко... Похлебай малость...—говорили солдаты, и паны, большею частью уже старики, робко подсаживались къ котлу, брали предложенныя имъ деревянныя ложки и, обжигая губы, съ поспѣшностью голодныхъ людей, начинали хлебать дымящіяся густыя солдатскія щи...

— Чай проголодался... А?..—спрашивалъ кто-нибудь съ усмѣшкой, а большинство изъ солдатъ ждали, пока насытится новый пришелецъ и самъ начнетъ разсказывать о своихъ печаляхъ, о своихъ, внезапно свалившихся на голову, горестяхъ.

И говорили они, съ трудомъ понимая языки одинъ другого, но разгадывая какимъ-то внутреннимъ чутьемъ смыслъ непонятныхъ словъ, говорили объ урожаяхъ, о падежѣ скота, о цѣнахъ на пшеницу, обо всемъ томъ, что такъ близко и такъ интересно русскому крестьянину...

Подойдя къ костру я замѣтилъ около него, среди группы солдатъ, полулежащихъ и сидящихъ въ самыхъ живописныхъ позахъ за кружками чаю, старика съ сѣдой клочковатой бородой, въ черной потертой

фетровой шляпѣ и старомъ сильно поношенномъ, мѣстами даже порванномъ, пиджакѣ... Шея его была обернута краснымъ платкомъ, видимо, старикъ озябъ, такъ какъ губы его дрожали и рука съ трудомъ доносила до рта ложку со щами... Онъ говорилъ, прерываясь, не глядя на своихъ собесѣдниковъ, на плохомъ русскомъ языкѣ, наполовину перемѣшанномъ съ польскимъ...

— Что и говорить, такое несчастье... Не дай Боже такого несчастья!.. Это, какъ услышали мы первые выстрѣлы, какъ начали пруссаки проклятые чемоданами бросаться... такъ и побѣгли,—кто куда могъ, тотъ туда и побѣгъ... позабирать съ собой ничего не могли... такъ все и побросали, скотина разбѣжалась... а чемоданы-то, гдѣ ни упадутъ, сейчасъ пожаръ поджигаютъ... спалили все, все спалили, проклятые... и что мы теперь дѣлать будемъ—одинъ Богъ вѣдаетъ... какъ есть всѣ по міру пойдемъ...— старикъ грустно вздохнулъ и низко опустилъ голову.

Солдаты сочувственно переглядывались.

— Не печалься, старина... чего тамъ!.. обожди, теперича нѣмца—угонимъ вовсе, а опосля, какъ придемъ къ нему въ Берлинъ значитъ,—и на твою долю денегъ съ него захватимъ... чтобъ значитъ за расходы, да за огорченія расплатился...

Солдаты кругомъ засмѣялись...

— «Прогонимъ»... — повторилъ грустно старикъ,—прогнать-то, конечно, хорошо, а только паны навѣрно знаютъ, что прогонятъ?..

— А то какъ же не прогнать его, собачьяго сына... — отвѣтилъ кто-то изъ солдатъ. — Не то что прогонимъ, а еще и къ отвѣту его, безбожника, притянемъ.

Старикъ покачалъ головой...

— Чтобы прогнать, много войска надо, паны, ой много.

— А у насъ то чтожъ, мало что-ли?.. тутъ тебѣ и пѣхота, и кавалерія, и артиллерія, однихъ казаковъ, братъ ты мой, какъ напустимъ...

Вокругъ засмѣялись.

— А развѣ такъ много россійскаго войска въ этихъ мѣстахъ?—недовѣрчиво и немного удивленно, съ любопытствомъ переспросилъ старикъ...

— Да, для нѣмцевъ хватитъ...—спокойно отвѣтилъ здоровенный бородатый унтеръ-офицеръ...

— Еще бы не хватило... — поддержалъ кто-то, но старикъ по-прежнему смотрѣлъ съ недовѣрчивымъ любопытствомъ:

— Гдѣ же войско, паны?... я здѣсь много не вижу... такъ себѣ, немножко пѣхоты, да немножко казаковъ... можетъ, тамъ...—ста-

рикъ махнулъ рукой вправо,—можетъ, тамъ войско все, или гдѣ?..

— А тебѣ и знать не зачѣмъ...—сухо и подозрительно обрѣзалъ его унтеръ-офицеръ.—Ты пришелъ щи хлебать, ну и хлебай, а смотрѣть тебѣ тутъ нечего, а то смотри, какъ бы по шапкѣ не получить...

Старикъ замолчалъ и покорно принялся за щи, но въ глазахъ его я замѣтилъ мгновенно какъ бы блеснувшій злобный огонекъ... Солдаты не могли этого видѣть, но старикъ сидѣлъ напротивъ меня и лицо его, освѣщенное пламенемъ костра, выдѣлилось рельефно изъ окружающей темноты...

Эти добродушные и довѣрчивые люди черезъ минуту забыли нетактичность своего случайнаго гостя, они уже снова похлопывали его по плечу, подливали ему въ жестяную кружку чаю, а старикъ больше и не дѣлалъ попытки возвратиться къ прежнему разговору и сохранилъ полное безразличное спокойствіе...

Но искра ненависти, блеснувшая всего на одно мгновеніе въ его глазахъ, глубоко врѣзалась мнѣ въ память, я стоялъ около костра и осматривалъ флегматично прихлебывающаго чай старика, стараясь замѣтить въ его наружности или поведеніи что-нибудь такое, что могло бы подтвердить мои подозрѣнія...

Но полякъ былъ безупреченъ, онъ съ аппетитомъ пилъ горячій чай, ѣлъ предложенный ему жесткій черный хлѣбъ и уже почти не разговаривалъ, онъ только иногда отрывался и поднималъ голову, чтобы отвѣтить односложно на чей-нибудъ вопросъ или погладить громаднаго рыжаго пса со зло оскаленной мордой, пришедшаго вмѣстѣ съ нимъ...

Песъ уже обглодалъ всѣ брошенныя ему солдатами кости, вылизалъ съ земли пролитыя щи и теперь лежалъ около своего хозяина, положивъ голову на переднія лапы и только иногда шевеля длинными, лохматыми, болтающимися ушами...

— Какъ же у тебя песъ-то уцѣлѣлъ дѣдушка? — спросилъ молодой солдатикъ, подходя къ костру...

Старикъ встрепенулся...

— Песъ-то? охъ, умный онъ у меня песъ, паны, такой умный, что и разсказать трудно... убѣгъ онъ со мной, вмѣстѣ со мною, когда нѣмцы палить зачали... а хорошій песъ, жалко, если бы пропалъ...

Солдаты постепенно расходились, одни прилегали тутъ же у костра, грѣясь теплотой догоравшихъ головешекъ, другіе отошли въ сторону въ густую темноту ночи и, кряхтя и ворча, забирались подъ низкія колышащіяся полотнища палатокъ.

Я отошелъ отъ ихъ группы, когда старикъ уже покончилъ съ чаемъ, низко поклонился солдатамъ и началъ устраиваться на ночь со своимъ псомъ въ небольшомъ углубленіи, кутаясь въ свой ветхій и прорванный пиджакъ...

Я прошелъ къ батальонному командиру...

Офицеры ютились въ глубокой нишѣ, уже вырытой въ одномъ изъ траверзовъ новаго окопа; здѣсь лежали прямо на натасканной солдатами соломѣ... Посрединѣ стоялъ большой эмалированный чайникъ и жестяная коробка съ печеньемъ. Чай уже допили...

Батальонный командиръ,—сѣдоватый подполковникъ съ круглымъ краснымъ и обвѣтреннымъ лицомъ,—закурилъ короткую трубочку, а оба ротные командира, лежавшіе около него, бесѣдовали о чемъ-то негромко, словно боясь нарушить тишину холодной ночи...

Я присѣлъ къ нему какъ можно ближе и, стараясь говорить такъ тихо, чтобы насъ не слышалъ никто, разсказалъ ему о сценкѣ у костра съ польскимъ старикомъ, о его вопросахъ и о показавшемся мнѣ злобномъ блескѣ его глазъ...

Батальонный командиръ нахмурился... онъ засосалъ быстрѣе свою трубочку, изъ которой повалили цѣлые клубы дыма...

— Такъ-съ... — протянулъ подполков-

никъ,—надо будетъ посмотрѣть...—и потомъ, вдругъ сдѣлавшись очень серьезнымъ, онъ добавилъ мнѣ совсѣмъ тихо на ухо...

— Надо быть очень осторожными... вы знаете, какіе у нѣмцевъ шпіоны, а?.. я очень боюсь подобныхъ гостей... какъ вы думаете?

Онъ посмотрѣлъ на меня вопросительно.

— Во всякомъ случаѣ, — отвѣтилъ я, — если это и шпіонъ, то чрезвычайно искусный и ловкій.

III.

По темному уже безмолвному и уснувшему полю мы пробирались къ бивaку...

Изъ мрака едва выступали темные силуэты палатокъ и приходилось ступать очень осторожно, чтобы не натолкнуться на когонибудь изъ лежащихъ на землѣ солдатъ... Слышался мощный храпъ, свистъ и тихое сонное бормотаніе.

Передъ нами выросла темная фигура часового... Баталіонный командиръ подошелъ къ нему, наклонился къ самому уху и шепнулъ нѣсколько словъ, послѣ которыхъ солдатъ повернулся и быстро исчезъ въ темнотѣ.

— Онъ сейчасъ позоветъ Трофимова,— сказалъ мнѣ батальонный командиръ.

Трофимовъ былъ тотъ самый бородатый

унтеръ-офицеръ, который такъ подозрительно и сухо обрѣзалъ у костра старика съ собакой.

Онъ появился сейчасъ же, на ходу подтягивая поясной ремень шинели и оправляя воротникъ.

Батальонный командиръ взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону, мы всѣ трое сошлись тѣсно-тѣсно въ ночной темнотѣ, и подполковникъ заговорилъ шопотомъ:

— Что, Трофимовъ, старикъ, который пришелъ сегодня изъ деревни, не ушелъ еще?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

Батальонный помолчалъ минуту...

— Ну, такъ вотъ, я и хотѣлъ тебѣ сказать... конечно, можетъ быть, я и ошибаюсь, но все же за старичкомъ этимъ надо послѣдить... кто его знаетъ, а осторожность никогда не вредитъ...

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, такъ, что я и самъ думалъ... ужъ больно онъ любопытствуетъ что-то... — отвѣтилъ Трофимовъ.

— Ступай, устройся около него, чуть что, сейчасъ же вызови меня, — приказалъ батальонный командиръ.

И, отпустивъ Трофимова, мы медленно направились обратно къ невидимой чертѣ окоповъ.

По дорогѣ батальонный молчалъ, мы спу-

стились снова въ нишу и прилегли на солому, встревоженные и ожидающіе.

Между тѣмъ, Трофимовъ, когда наши фигуры скрылись въ темнотѣ, вернулся къ себѣ, одѣлъ амуницію, взялъ винтовку и началъ безшумно пробираться къ ложбинкѣ, въ которой, свернувшись клубочкомъ, рядомъ со своей собакой съ вечера устроился незнакомый старикъ...

Онъ подошелъ уже совсѣмъ близко, нѣсколько разъ нагибался, стараясь разсмотрѣть что-нибудь въ темнотѣ, и былъ пораженъ, не найдя на своемъ мѣстѣ ни старика, ни его собаки...

«Убегъ никакъ»,—подумалъ Трофимовъ,—и долго ползалъ по землѣ, чиркая спички, стараясь разсмотрѣть на влажной почвѣ слѣды человѣческихъ ногъ... Онъ скоро нашелъ ихъ: они вели на западъ, къ линіи нашихъ окоповъ, минуя бивакъ и дѣлая большой кругъ. Трофимовъ обрадовался имъ, даже чуть не вскрикнулъ отъ удовольствія и, быстро закинувъ винтовку «на ремень», бросился слѣдомъ за ушедшими.

Раньше, чѣмъ увидѣть силуэтъ старика, унтеръ-офицеръ услышалъ его шаги и громкое дыханіе собаки. Онъ остановился, прилегъ къ землѣ и слушалъ, слушалъ, весь уйдя въ слухъ, сжимая въ рукахъ заряженную винтовку, готовый броситься впередъ.

Старикъ сидѣлъ на землѣ... верхній край возвышенности, по которой проходили наши окопы, словно упирался въ сѣрый, мутный, начинавшій свѣтлѣть небосводъ, а потому силуэтъ незнакомца обрисовывался четко и рельефно...

Старикъ сидѣлъ, онъ пригнулъ голову къ колѣнямъ и, казалось, что-то дѣлалъ очень важное, онъ былъ весь погруженъ въ свое занятіе и не замѣчалъ подползавшаго сзади солдата, между тѣмъ, послѣдній уже ясно могъ различить даже бѣлѣвшее бородатое лицо старика и его собаку, лежавшую рядомъ, прижавшись къ его ногамъ...

«Чего онъ тамъ копошится», — думалъ Трофимовъ, подбираясь все ближе и ближе, и вдругъ ясно различилъ мелькнувшій въ рукахъ старика бѣлѣвшій листокъ бумаги...

«Никакъ бумажка. Ахъ, Ты, Господи!...»

Унтеръ-офицеръ поползъ снова.

Теперь онъ уже ясно видѣлъ, что старикъ свертывалъ какую-то бумажку, засовывая ее за ошейникъ рыжаго пса; но въ ту минуту, когда Трофимовъ уяснилъ себѣ занятіе въ которое былъ такъ погруженъ незнакомецъ, собака, вѣроятно, почуяла его приближеніе, и вдругъ вскочила съ громкимъ, злобнымъ лаемъ...

Мгновенно Трофимовъ понялъ, что теперь уже нечего скрываться, онъ вскочилъ во

весь ростъ, схватился за винтовку, приложился и выстрѣлилъ въ пса, но промахнулся; тотъ только шарахнулся въ сторону отъ выстрѣла и бросился злобно на солдата, встрѣтившаго его штыкомъ...

— Ахъ, ты, проклятая, — закричалъ солдатъ, готовясь нанести ударъ.

Но въ эту минуту старикъ крикнулъ нѣсколько словъ на непонятномъ Трофимову языкѣ, и песъ, безпрекословно покоряясь приказанію своего хозяина, тотчасъ же оставилъ солдата и кинулся во весь духъ удирать черезъ поле на западъ...

Трофимовъ успѣлъ еще выстрѣлить два раза ему вслѣдъ и бросился на старика, который старался вытащить что-то застрявшее въ карманѣ... но не успѣлъ. Оставивъ винтовку, здоровенный Трофимовъ охватилъ его желѣзными руками, свалилъ на землю, и оба они покатились, не разрывая объятій, подъ откосъ къ нашему проснувшемуся бuваку... Со всѣхъ сторонъ уже бѣжали люди... Чей-то мѣткій выстрѣлъ уложилъ рыжаго пса и теперь его принесли въ окопъ и разбирали найденную въ особомъ кармашкѣ его ошейника записку: это былъ точный чертежъ нашихъ новыхъ окоповъ и донесеніе германскому главному штабу... Батальонный прочелъ его, покачалъ головой, спряталъ въ бумажникъ, и мы всѣ направились къ

пойманному старику, котораго держали наши солдаты, скрутивъ ему ремнемъ руки.

Онъ уже не былъ похожъ на того жалкаго бездомника, котораго я видѣлъ вчера у костра: у него были, правда, связаны руки, сильно порванъ его и безъ того ветхій пиджакъ, но глаза его теперь горѣли молодымъ злобнымъ огнемъ, мгновенный отблескъ котораго я замѣтилъ еще вчера...

Съ одного бока его сѣдая клочковатая борода отстала и подъ ней виднѣлас гладко выбритая щека...

Батальонный приблизился.

— Кто вы? Какъ ваше имя? — спросилъ онъ по-нѣмецки. Но шпіонъ, глядя ему прямо въ глаза сверкающимъ, полнымъ ненависти взглядомъ, промолчалъ.

— Вы не хотите отвѣчать?—переспросилъ батальонный.

Нѣмецъ покачалъ головой.

— Ваша собака убита и донесеніе у меня въ карманѣ...

Тогда прорвалась плотина ненависти этого человѣка, рѣшившагося на такой опасный шагъ; онъ обрушился на насъ съ цѣлымъ потокомъ брани на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; но мы его уже не слушали: черезъ полчаса пойманнаго шпіона отправили въ штабъ дивизіи, а вечеромъ, когда мы засѣли во вновь выры-

тые окопы, ожидая близкаго и насѣдающаго противника, тѣло прусскаго маіора, пойманнаго въ русскомъ бивакѣ подъ личиной разореннаго его же соотечественниками польскаго крестьянина, болталось на толстомъ суку старой шумящей ели, въ петлѣ, наскоро связанной изъ оборванной телеграфной проволоки...

НА СТРАЖѢ ТАЙНЫ.

Дождавшись, когда сумерки совсѣмъ сгустятся, а далекій лѣсъ сольется въ одну черную, зубчатую стѣну, мы вышли вшестеромъ, ступая неслышно по высохшей и затоптанной травѣ, и безъ дороги направились прямо черезъ поле, по указанному намъ батальоннымъ командиромъ направленію.

Сказавъ пропускъ и миновавъ одинокую фигуру человѣка съ ружьемъ, оставшуюся въ оврагѣ у дороги, мы двинулись опять по опушкѣ, пробираясь межъ, рѣдкихъ здѣсь, деревьевъ, листву которыхъ лунный свѣтъ превратилъ въ черное, раскинутое, словно пологомъ, надъ нашими головами, кружево. Это было какое-то заколдованное царство черныхъ качающихся тѣней и свѣтлыхъ серебряныхъ бликовъ, ползавшихъ по землѣ и заставлявшихъ, въ скудной, умирающей

и затоптанной травѣ, загораться крупные и искрящіеся брилліанты.

Насъ отдѣлялъ отъ поля лишь одинъ рядъ деревьевъ и мы могли видѣть его на большое пространство: оно было пустынно, безмолвно, вблизи лѣса не было видно никакихъ признаковъ непріятеля, никакихъ слѣдовъ его развѣдчиковъ или сторожевыхъ охраненій.

Солдатъ 3-го взвода Карасюкъ двигался первымъ, медленно и осторожно, вытянувъ впередъ шею и согнувшись; лѣсъ уже скоро долженъ быть кончиться, какъ вдругъ луна зашла за плотную, черную тучу. И въ одно мгновеніе смѣшались и исчезли черныя тѣни, лунные блики, погасли въ травѣ яркіе алмазы, какъ будто мы и весь лѣсъ погрузились въ таинственную пучину ледяного, безпросвѣтно чернаго океана.

Казалось, будто кто-то черной краской мгновенно залилъ всѣ серебристые просвѣты въ кружевномъ куполѣ темной листвы. Мы вдругъ перестали видѣть другъ друга и остановились... Пошли на ощупь.

Впереди опять тотъ же Карасюкъ, но уже теперь ползкомъ, передвигаясь осторожно на четверенькахъ, ощупывая передъ собой землю руками, а за нимъ всѣ мы, остальные, натыкаясь другъ на друга, поминутно останавливаясь и чувствуя въ близкомъ со-

сѣдствѣ около своего лица мокрый отъ сырости, пахнущій дегтемъ и болотомъ сапогъ впереди ползущаго.

— Сейчасъ лѣсу конецъ будетъ, — прошепталъ Карасюкъ. И точно—черезъ минуту стало свѣтлѣе и повѣялъ вѣтерокъ: изъ-подъ чернаго кружева холодной и влажной ночной листвы мы выползли на опушку, въ открытое поле, безконечно широкое и сливавшееся съ чернымъ беззвѣзднымъ небомъ, какъ въ ясный день голубое море сливается съ солнечной лазурью.

Мы вышли на шоссе, безмолвное, пустынное, протянувшееся сѣрой лентою поперекъ поля.

Ни справа, ни слѣва не было видно никого, мы оглянулись назадъ: тамъ шумѣлъ черной стѣной только что оставленный нами лѣсъ. По этому шоссе, съ котораго отъ каждаго нашего шага поднималось облако холодной, ѣдкой, сѣрой пыли, мы прошли не болѣе пятидесяти шаговъ, какъ вдругъ я ясно увидѣлъ впереди насъ, на краю дороги, черный силуэтъ, похожій очертаніями на сидящую фигуру согнувшагося, погруженнаго въ глубокую задумчивость человѣка.

Въ ту же минуту Карасюкъ остановился и прошепталъ.

— Никакъ нѣмецъ, ваше благородіе?

Сидѣвшій на шоссе человѣкъ не шевелился, словно занятый своими мыслями. Мы быстрыми шагами направились къ нему.

— Я, ваше благородіе, хвачу его заразъ, можетъ, онъ задремалъ,—предложилъ Карасюкъ.

Я не успѣлъ еще отвѣтить ему, какъ онъ уже, передавъ винтовку товарищу, кинулся впередъ и, налетѣвъ на австрійца, схватилъ его за плечи и началъ валить на дорогу.

Мы бросились къ нему на помощь, но тотчасъ же убѣдились, что она излишня: австріецъ не сопротивлялся, онъ покорно опрокинулся на землю, а когда я подбѣжалъ ближе и могъ заглянуть ему въ лицо, я увидѣлъ, что онъ... смѣялся!

Онъ смѣялся беззвучнымъ, захлебывающимся хохотомъ безумца, смѣялся, полузакрывъ глаза, растянувъ какъ-то нелѣпо губы, уголки которыхъ судорожно подергивались.

Мнѣ было ясно, что передо мной безумецъ, одинокій, заблудившійся ночью въ полѣ, осколокъ разбитой и отступающей австрійской арміи.

Послѣ нѣскольких попытокъ заставить его говорить, я потерялъ надежду добиться отъ него чего-нибудь и приказалъ солдатамъ поднять его и отправиться съ нимъ въ обратный путь, предполагая вдвоемъ съ фельдфебелемъ продолжать развѣдку.

Но тутъ оказалось, что офицеръ ни за что не хотѣлъ покидать своего мѣста, онъ вцѣпился руками въ землю, отбивался ногами съ отчаяніемъ сумасшедшаго, которому безуміе придало двойныя силы.

— Ишь, дюжій чортъ!..—кряхтѣлъ Карасюкъ, стараясь поймать барахтающагося австрійца рукой подъ мышку,—держи его, Митяй, чтобы не усклизнулъ, я ужо ухвачусь.

Но сколько ни ухватывались оба солдата, сколько ни помогалъ имъ фельдфебель, австріецъ не желалъ встать на ноги, отбивался отчаянно, какъ будто уводя его отсюда, изъ этой придорожной канавы, мы заставляли его совершить какой-то чрезвычайно тягостный для него поступокъ, какъ будто ему самой судьбой приказано было остаться и сидѣть, Богъ знаетъ, какъ долго, здѣсь, на откосѣ, склонивъ на грудь голову и охвативъ ее ладонями.

И вдругъ молча, словно не замѣчая насъ и даже не поднимая головы, онъ началъ осторожно, тихонько сгребать съ шоссе горстями бѣлый, мелкій какъ пыль, песокъ и сбрасывать его на дно канавы.

Мы стояли въ сторонѣ, стараясь понять суть страннаго занятія нашего безумнаго плѣнника, а онъ какъ будто совсѣмъ забылъ о нашемъ присутствіи. Онъ только

лукаво чуть слышно посмѣивался, когда шелестѣлъ по засохшимъ листьямъ кустарника сбрасываемый имъ мелкій песокъ.

Въ мозгу блеснула яркая и неожиданная мысль.

— А ну-ка, Карасюкъ, спустись подъ откосъ, посмотри-ка, нѣтъ ли тамъ чего?— приказалъ я.

Карасюкъ послушно поднялся.

Но едва только сдѣлалъ шагъ внизъ, спускаясь осторожно по краю, какъ вдругъ съ австрійцемъ произошла неожиданная и рѣзкая перемѣна.

Онъ вскочилъ на ноги, кинулся къ Карасюку съ такой быстротой, что мы не успѣли ему помѣшать, и, поваливъ послѣдняго на землю, вдругъ завылъ жалобно и злобно, по звѣриному, держа солдата за плечи и глядя на насъ, теперь уже прямо въ упоръ, страшнымъ, угрожающимъ взглядомъ.

Мы опомнились тотчасъ же, освободили Карасюка и послѣ короткой борьбы связали нашего плѣнника.

— А ну-ка, ребята, полѣзай всѣ живо въ канаву,—командовалъ между тѣмъ фельдфебель, догадавшійся о моихъ подозрѣніяхъ,—ну-ка, живо... авось въ грязи не утонемъ...

Черныя тѣни солдатъ, сложившихъ на краю дороги винтовки, быстро спускались

въ оврагъ и наверху остался только связанный плѣнникъ подъ охраной Карасюка.

Въ глубокомъ оврагѣ пахло сыростью, тиной и какими-то травами, засохшими и полуистлѣвшими. Было совсѣмъ темно, ноги вязли въ жидкой грязи, которая здѣсь не просыхала, такъ какъ лучи солнца не проникали сквозь густой придорожный кустарникъ.

Колючіе, покрытые желтѣющей листвой кусты были густы и мы съ трудомъ пробрались сквозь нихъ, царапая себѣ лицо и руки, и достигли дна оврага, который, дѣйствительно, былъ покрытъ водой, застоявшейся и подернутой грязной пленкой.

Видѣть нельзя было ничего, здѣсь слишкомъ было темно, чтобы различать отдѣльные предметы, мы съ трудомъ находили другъ друга и оріентировались на ощупь.

Я наклонился и рукой почувствовалъ у самыхъ своихъ ногъ воду. Понялъ, что мы достигли дна.

Въ эту же минуту спускавшійся рядомъ со мной фельдфебель окликнулъ:

— Ваше благородіе, тутъ я на что-то наступилъ, только не понять, что?..

Я сдѣлалъ шагъ къ нему, нашелъ его рукой и, наклонившись, началъ также шарить въ грязи, пока наши пальцы не встрѣтились на какомъ-то гладкомъ предметѣ, скры-

томъ подъ водой. Достаточно было одного прикосновенія, чтобы убѣдиться, что предметъ этотъ былъ сдѣланъ изъ металла и гладко отшлифованъ. Проведя рукой вдоль его и нащупавъ на одномъ изъ его концовъ нѣчто вродѣ металлической пробки, я мгновенно понялъ, что это былъ пулеметный кожухъ, быть можетъ, цѣлый пулеметъ, сброшенный въ канаву.

Какъ слѣпцы, мы вмѣстѣ съ фельдфебелемъ, не видя ничего, только наощупь, копошились въ грязи, стараясь не потерять нащупаннаго кожуха, при которомъ оказались и стволъ и замокъ вполнѣ исправнаго пулемета.

Всего пулеметовъ было найдено три. Всѣ они были сброшены, повидимому, во время поспѣшнаго отступленія австрійцевъ,—похожаго на бѣгство,—съ дороги прямо въ оврагъ и ихъ затянула жидкая трясина.

И этотъ безумецъ, потерявшій разсудокъ во время отступленія, видя разгромъ своей арміи, этотъ безумецъ, вѣроятно, зналъ о скрытыхъ отъ русскихъ пулеметахъ... Его больной мозгъ, не выдержавшій пережитыхъ ужасовъ, вѣроятно, подсказалъ ему его послѣдній долгъ: онъ отсталъ, остался одинъ позади ушедшихъ впередъ товарищей, одинъ, безоружный, ночью, въ открытомъ полѣ, остался на стражѣ скрытыхъ

въ трясинѣ пулеметовъ, на стражѣ тайны, которая теперь стянула къ себѣ всѣ его спутавшіяся, безпорядочныя, искаженныя и уродливыя мысли.

Когда мы его вели обратно, онъ не сопротивлялся; понялъ ли онъ, что все открыто, или просто сломила его душу и тѣло желѣзная усталость—не знаю, только онъ шелъ покорно и на лицѣ его блуждала безсмысленная, усталая улыбка сумасшедшаго.

ДЕНЩИКЪ СОРОКОУМЕНКО.

(Памяти моего денщика).

I.

Когда я присоединился къ эшелону и занялъ, отведенное мнѣ адъютантомъ, мѣсто въ одинокомъ, затерявшемся среди безконечнаго множества теплушекъ, вагонѣ II-го класса, кто-то изъ офицеровъ напомнилъ мнѣ о необходимости выбрать себѣ денщика.

Собственно говоря, теперь, во время путешествія, безконечнаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ поперекъ всей Россіи, движенія, прерываемаго лишь короткими остановками на полустанкахъ или получасовыми обѣдами и ужинами на большихъ станціяхъ, не было вовсе необходимости въ услугахъ денщика, однако, подчиняясь заведенному обычаю, я обратился съ этой просьбой къ ротному командиру, и въ тотъ же вечеръ,

когда поѣздъ стоялъ у низкаго каменнаго вокзала, въ залѣ котораго, душной и накуренной, толпились еще офицеры, не окончившіе свой ужинъ, ко мнѣ явился мой вновь назначенный денщикъ.

Вагонъ нашъ не освѣщался электричествомъ, и мерцающая за стеклами фонаря свѣча заставляла колыхаться и ползать по стѣнамъ длинныя черныя тѣни неопредѣленныхъ очертаній.

Свѣту она почти не давала, и только иногда, вздрагивая отъ порывовъ вѣтра, красно-желтый огонекъ озарялъ на минуту глубину нашего купе, загроможденнаго походными кроватями-чемоданами, мелкимъ багажомъ и разбросанной на скамейкахъ одеждой.

Въ двери просунулась сперва только солдатская голова, затѣмъ, послѣ минутнаго колебанія, потоптавшись на мѣстѣ, вошелъ, осторожно ступая на носкахъ, невысокій коренастый человѣкъ, лица котораго я не видѣлъ, такъ какъ онъ стоялъ спиной къ нашему жалкому фонарю.

Солдатъ помолчалъ минуту, вѣроятно, надѣясь, что съ нимъ заговорятъ, но затѣмъ, увидя, что никто не замѣтилъ его прихода, произнесъ чуть слышно, низкимъ, придушеннымъ голосомъ, поминутно срывающимся, — такимъ голосомъ, какимъ говорятъ

очень волнующіеся люди, маленькіе люди, случайно попавшіе въ большія и роскошныя хоромы:

— Честь имѣю явиться, ваше благородіе!..

Неизвѣстно, къ кому обращался солдатъ, такъ какъ глаза его бѣгали отъ одного офицера къ другому, а потому командиръ шестой роты, взобравшійся уже на верхнюю полку, не глядя, откликнулся:

— Ладно, ступай явись фельдфебелю!..

Но солдатъ не уходилъ, продолжая переминаться съ ноги на ногу.

— Чего ты стоишь?.. Я тебѣ сказалъ, ступай!—крикнулъ съ верхней полки капитанъ.

— Такъ что я къ ихъ благородію...—возразилъ опять солдатъ тѣмъ же страннымъ голосомъ...

— Да къ какому благородію?—разсердился капитанъ.— Тутъ ихъ цѣлыхъ четыре — выбирай любого!..

Солдатъ окончательно ошалѣлъ и теперь уже стоялъ безмолвный, опустивъ глаза и перебирая пальцами край защитной гимнастерки.

Это, вѣроятно, длилось бы довольно долго, если бы не пришелъ на помощь мой ротный командиръ, крикнувшій изъ сосѣдняго купе:

— Да вѣдь это же вашъ денщикъ!.. Чего жъ ты молчишь-то, Ерема?..

Услышавъ голосъ командира роты, котораго всѣ солдаты искренно любили и который сумѣлъ заставить ихъ чувствовать себя какими-то близкими и неотдѣленными отъ него непреодолимой стѣной разницы въ положеніяхъ, мой новый денщикъ тотчасъ же встрепенулся, поднялъ голову и откликнулся, не глядя на насъ, туда, черезъ перегородку, очевидно, отвѣчая любимому ротному командиру:

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

На этотъ разъ голосъ его уже не срывался, и онъ не былъ похожъ на маленькаго робкаго человѣка, одинокаго въ громадной богатой залѣ.

Пока что мой денщикъ не былъ мнѣ вовсе нуженъ; я отдалъ ему нѣсколько краткихъ распоряженій, которыя онъ выслушалъ молчаливо и сосредоточенно, стараясь вставить въ каждую мою паузу неизмѣнное:

— Слушаю, ваше благородіе!..

Когда я кончилъ и онъ собирался уходить, я задалъ ему послѣдній вопросъ:

— А какъ твоя фамилія?

— Рядовой Сорокоуменко, ваше благородіе,—отвѣтилъ онъ, не мѣняя позы и офиціальной интонаціи.

— А ты какой губерніи? — спросилъ я снова.

Солдатъ вдругъ вскинулъ на меня глаза, улыбнулся, и съ лица его соскользнула маска офиціальности. Онъ осклабился, почему-то отставилъ немного ногу и, пошевеливъ согнутой не по уставу колѣнкой, отвѣтилъ:

— Тверскіе мы-то, ваше благородіе... Тверского и уѣзда...

Тонъ, которымъ произнесъ Сорокоуменко эти слова, былъ совсѣмъ непохожій на тотъ, которымъ онъ говорилъ раньше, и можно было подумать, что въ сообщеніи этомъ скрывалось для меня что-то очень пріятное, и что этого вопроса моего солдатъ ждалъ, какъ перваго шага къ сближенію и будущимъ дружескимъ отношеніямъ.

Когда вслѣдъ затѣмъ я отдалъ ему приказаніе идти, онъ тотчасъ же опять приставилъ отставленную ногу, выпучилъ глаза и офиціально спросилъ:

— Не прикажете ли кипяточку, ваше благородіе?

Получивъ отказъ, Сорокоуменко повернулся, безшумно приставилъ ногу и вышелъ, такъ же осторожно ступая носками своихъ громадныхъ тяжелыхъ сапогъ.

II.

Эти дни тянулись безконечно долго и скучно, и мы были искренно обрадованы, когда наконецъ какъ-то ночью поѣздъ нашъ остановился у платформы, залитой бѣлыми лучами электрическихъ фонарей, и объявлено было, что дальше мы не поѣдемъ, что сейчасъ приступлено будетъ къ выгрузкѣ эшелона.

Эта ночь осталась теперь далеко позади, послѣ нея прошло уже много мѣсяцевъ, но каждое событіе, имѣвшее мѣсто въ этотъ промежутокъ времени, врѣзалось въ мою память неизгладимымъ слѣдомъ, каждый часъ превратился въ событіе, каждое событіе въ эпоху.

Съ тѣхъ поръ мы успѣли пройти не мало верстъ по безконечнымъ незнакомымъ дорогамъ, гладкимъ шоссейнымъ, благоустроеннымъ, украшеннымъ верстовыми столбами и ограниченнымъ геометрически правильными канавками, по узкимъ проселочнымъ, изрѣзаннымъ глубокими колеями, выдолбленными безчисленными обозами и артиллерійскими батареями, прошедшими раньше насъ, по вьющимся горнымъ тропинкамъ, стиснутымъ стѣнами густого шумящаго лѣса,— тропинкамъ, на которыхъ съ трудомъ рас-

ходятся два человѣка, по которымъ немыслимо провести артиллерію, и шагаютъ только вмѣстѣ съ людьми умные сильные мулы, навьюченные разобранными пулеметами, высѣкая искры звонкими подковами.

Съ тѣхъ поръ насъ палило лѣтнее солнце, мочили осенніе дожди, съ тѣхъ поръ мы не разъ побывали подъ огнемъ, видѣли не разъ непріятеля и пережили за эти нѣсколько мѣсяцевъ такъ много, такъ безконечно много, что разсказать всего не хватитъ словъ, а если начать записывать, то всего и не припомнишь.

Была уже поздняя осень, трава посохла, пожелтѣла, почернѣла и затопталась тысячами ногъ.

Съ бивуака снимались рано утромъ въ седьмомъ часу, когда солнце еще не взошло и только небо стало блѣднымъ и сѣрымъ.

Въ полумракѣ на открытомъ полѣ копошились тысячи людей, сворачивая шинели, разбирая палатки, пристраивая свой несложный багажъ, звенѣли чайники и металлическія кружки, и голоса звучали въ осенней холодной предразсвѣтной мглѣ, сливаясь въ неясный гулъ.

Было странно видѣть, какъ быстро исчезъ съ поверхности поля громадный городъ сѣрыхъ палатокъ, какъ безформенная, кишащая и гудящая масса людей вдругъ, какъ

по мановенію жезла, собралась въ правильные черные прямоугольники, замерла неподвижная и безмолвная, а затѣмъ, дружно блеснувъ тусклой сталью тысячъ взброшенныхъ на плечи штыковъ, поползла, выливаясь длинной черной змѣей, на, затянувшуюся тотчасъ же холодной ѣдкой пылью, дорогу.

А позади осталось такое же безмолвное широкое поле, и о томъ, что здѣсь провели ночь тысячи людей, можно было судить только по разбросаннымъ повсюду клочкамъ бумаги да тусклымъ, багровымъ пятнамъ догоравшихъ костровъ.

Когда взошло солнце, мы были уже далеко отъ своего ночного бивуака и сдѣлали небольшой привалъ, сойдя въ лѣвую сторону съ дороги и расположившись прямо на землѣ, не снимая амуниціи и даже не составляя винтовокъ.

Съ денщикомъ моимъ Сорокоуменко мы давно уже успѣли сдружиться за эти мѣсяцы похода. Онъ слѣдовалъ за полкомъ въ обозѣ перваго разряда, возсѣдая на офицерской двуколкѣ девятой роты, когда дорога была гладкая и хорошая, и шагая рядомъ съ лошадью, подпирая плечомъ оглоблю и покрикивая на запыхавшагося, выбивавшагося изъ силъ коня, когда дорога была тяжелая, или шла въ гору.

Я забылъ сказать, что мой денщикъ Сорокоуменко, несмотря на свою невзрачность и небольшой ростъ, обладалъ громадной физической силой, стяжавшей ему извѣстность если не въ полку, то во всякомъ случаѣ въ нестроевой ротѣ.

Я часто видѣлъ, какъ Сорокоуменко, впрягаясь, вмѣстѣ съ лошадью, въ двуколку и втащивъ ее на затруднявшій движеніе пригорокъ, бѣжалъ назадъ и помогалъ своимъ товарищамъ, подталкивая повозки сзади, или же просто впрягаясь вмѣстѣ съ лошадью.

Надъ нимъ подшучивали добродушно, и офицеры удивлялись, что такой молодецъ и силачъ зачисленъ въ нестроевую роту, но я вскорѣ узналъ, что, несмотря на всю свою сообразительность въ вопросахъ, касавшихся запряжки лошадей, добыванія фуража, укладки офицерскихъ вещей на повозки и прочаго, Сорокоуменко совершенно не могъ постичь трудностей «военнаго ученія», за что и былъ отчисленъ отъ роты, какъ неспособный.

Оставаясь въ обозѣ, Сорокоуменко живо интересовался всѣмъ, что творилось на позиціяхъ, и старался пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы навѣстить меня подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Во время переходовъ, на большихъ при-

валахъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ денщиковъ, приводившихъ свою двуколку на бивуакъ, онъ всегда опережалъ другихъ у походной кухни, гдѣ кашеваръ разливалъ большой ложкой щи въ подставляемые солдатами котелки.

Первымъ разгорался костеръ Сорокоуменки, который, придя на бивуакъ, прежде всего забирался въ лѣсъ или въ кусты, и слышно было только, какъ возился тамъ, словно медвѣдь, этотъ бородатый силачъ, наламывая сучья и сдирая съ деревьевъ кору для растопокъ.

Сорокоуменкѣ мнѣ не приходилось никогда ничего напоминать или приказывать, онъ заботился обо всемъ, успѣвалъ сдѣлать все, могъ достать все, что бы ему ни приказали, и въ этомъ отношеніи былъ незамѣнимымъ денщикомъ, удивляя всѣхъ своей подвижностью и ловкостью, несоотвѣтствующими его неуклюжей фигурѣ, медвѣжьей поступи и бородатому лицу.

Странно было только то, что Сорокоуменко, уже давно убѣдившійся въ моемъ доброжелательномъ, даже дружескомъ къ нему отношеніи, избѣгалъ разговора о себѣ самомъ, о своей родинѣ и семьѣ; быть можетъ, въ этихъ воспоминаніяхъ была какая-нибудь тяжелая тайна, и я не настаивалъ, щадя самолюбіе своего денщика, ко-

торый часто заставлялъ меня даже конфузиться безконечными разнообразными проявленіями своей симпатіи и заботливости о моей особѣ.

II.

Мы ушли далеко впередъ, почти не дѣлая большихъ приваловъ, часто даже двигаясь ночью вслѣдъ за отступающимъ врагомъ, оставили далеко позади свой обозъ, завязнувшій на раскисшихъ дорогахъ, а на третій день этого усиленнаго марша нашъ батальонъ отдѣлили и послали въ видѣ самостоятельнаго отряда для охраны полусожженной деревни, расположенной верстахъ въ десяти къ югу. Непріятель уже побывалъ здѣсь, пересѣкъ эти поля, прошелъ сквозь эти лѣса и рощи, и каждое строеніе окрестныхъ деревень, каждое дерево носили слѣды его нашествія.

На опушкахъ лѣса мы видѣли расщепленные стволы старыхъ деревьевъ, разбитыхъ снарядами, видѣли глубокія ямы, вырытыя «чемоданами», на пути намъ попадались одинокія халупы, иногда обгорѣвшія, превращенныя въ черныя развалины, иногда уцѣлѣвшія, съ выбитыми только окнами и дверями.

Деревня, которую намъ предстояло занять, была давно покинута жителями, и одна ея сторона сгорѣла до тла—уцѣлѣли только сложенныя изъ кирпича печи да дымовыя трубы, торчавшія теперь одиноко и уныло надъ полемъ. Вѣроятно, зажегъ ее австрійскій снарядъ, залетѣвшій сюда изъза сѣрыхъ холмовъ, куда отступилъ непріятель подъ давленіемъ нашихъ; огонь, быть можетъ, уничтожилъ бы всю деревню, да, вѣроятно, проливной осенній дождь не далъ ему распространиться, и уцѣлѣла черная масса скрученныхъ кривобокихъ домиковъ, подходившая вплотную къ опушкѣ лѣса.

Кромѣ какихъ-то забытыхъ собакъ не было въ деревнѣ никого, и нашъ маленькій отрядъ, свободно и безпрепятственно занявъ ее, выставилъ сторожевое охраненіе на западной ея околицѣ.

Въ этотъ же вечеръ мнѣ пришлось оказаться въ сторожевомъ охраненіи и провести ночь въ наскоро вырытыхъ окопахъ, верстахъ въ двухъ впереди деревни.

Смеркалось быстро, была уже глубокая осень, и люди, поднявъ воротники и засунувъ руки поглубже въ рукава шинелей, казались въ сумеркахъ какими-то странными ночными птицами, усѣвшимися въ рядъ на землѣ. Разговоровъ почти не было слышно, лишь издали изъ деревни доносился лай

собакъ и иногда гулъ голосовъ устраивавшихся бивуакомъ солдатъ.

Лѣсъ быстро почернѣлъ, потерялъ очертанія и слился въ одну черную, неподвижную, высокую стѣну.

Становилось все холоднѣе, и многіе поверхъ шинелей кутались въ раскатанныя полотнища палатокъ, такъ какъ огней разводить было нельзя, а горячей пищи не получали за отсутствіемъ кухонь.

Мы сидѣли вдвоемъ съ ротнымъ командиромъ и тоже грустили объ отсутствіи нашей двуколки съ полевымъ багажомъ, стараясь скоротать время разговорами и посылая нѣсколько разъ человѣка въ деревню узнать, не подошелъ ли обозъ.

— Это собственно говоря мы только съ вами для очистки совѣсти безпокоимся,— говорилъ ротный командиръ:—теперь этотъ обозъ нашъ гдѣ-нибудь верстахъ въ пятнадцати позади главныхъ силъ въ грязи плещется. Въ лучшемъ случаѣ, къ разсвѣту онъ догонитъ ихъ, а ужъ когда до насъ доберется—это одному Богу извѣстно, вѣрнѣе, что, когда насъ назадъ вызовутъ, тогда мы и пообѣдаемъ, а до тѣхъ поръ придется намъ съ вами на подножномъ корму пребывать.

Это была печальная истина, но здравый смыслъ заставлялъ съ ней согласиться.

Мы просидѣли всю ночь съ ротнымъ командиромъ, тщетно ожидая получить радостное извѣстіе о приближающихся къ деревнѣ двуколкахъ, просидѣли до разсвѣта, не смыкая глазъ, лѣниво перебрасываясь словами и уничтожая шоколадъ, который капитанъ неизмѣнно носилъ при себѣ.

А когда начало разсвѣтать и сѣрое небо вдругъ зарозовѣло, озаренное румяными лучами еще невидимаго солнца, когда лѣсъ проснулся отъ своей неподвижности и зашумѣлъ опять, какъ вчера, когда люди перестали казаться ночными птицами,—прискакалъ казакъ, длинный, чубастый, бородатый мужикъ на низкорослой вспотѣвшей лошадкѣ, и доложилъ—увы!—не о приближеніи обоза, а объ австрійцахъ, появившихся внезапно въ верстѣ отъ насъ.

— Вотъ вамъ и обѣдъ!..—засмѣялся капитанъ, поднимаясь и разминая ноги.—Теперь еще до обѣда съ австрійцами погрѣться придется.

Мы обошли окопы, провѣрили людей, уже встрепенувшихся, осматривавшихъ внимательнымъ взглядомъ винтовки и доставашихъ изъ патронташей патроны.

Изъ деревни тянулись подкрѣпленія, и позади насъ, налѣво, проскакали пулеметы, сопровождаемые едва поспѣвавшей за ними прислугой.

IV.

Послѣ трехчасовой перестрѣлки, почти безрезультатной, вдругъ гдѣ-то далеко прозвучали подъ рядъ шесть глухихъ ударовъ, и съ нарастающимъ шумомъ понеслись къ намъ, гудя и звеня, какъ туго натянутыя струны, австрійскіе снаряды.

— Ого, да они и артиллерію подвезли!— покачалъ головой капитанъ, когда одинъ за другимъ развернулись въ воздухѣ позади насъ бѣлые дымки разорвавшихся шрапнелей.

Гдѣ-то налѣво, быстро и отчетливо, то длинными дробными раскатами, то короткими злобными выкриками, трещали наши пулеметы, отражая попытки атаки австрійскихъ гусаръ, по всей линіи дребезжала частая и неровная ружейная стрѣльба, а оттуда, изъ утренняго тумана, неслась австрійская шрапнель, разрываясь надъ нами и шелестя по землѣ и по листьямъ деревьевъ сотнями вѣеромъ разсыпавшихся пуль.

И вдругъ, совершенно неожиданно для насъ, откуда-то сзади, совсѣмъ близко, въ отвѣтъ на отдаленные глухіе удары австрійскихъ пушекъ, прозвучало шесть короткихъ металлическихъ выкриковъ, и мы услышали

быстрое, удаляющееся завыванiе промчавшихся надъ нашими головами снарядовъ.

— Вотъ и «наша» подъѣхала!..—прокричалъ капитанъ, и всѣ мы, слышавшiе только-что прозвучавшiе выстрѣлы, поняли, о комъ говоритъ капитанъ: «наша»—это, конечно, наша артиллерiя, подоспѣвшая во̀время и расположившаяся гдѣ-то за деревней.

Но не успѣлъ я еще услышать звука далекихъ разрывовъ нашей шрапнели первой очереди, какъ чей-то голосъ, неожиданный, но хорошо знакомый, окликнулъ меня.

Это былъ Сорокоуменко, и, оглянувшись, я съ изумленiемъ безмолвно нѣсколько секундъ глядѣлъ на него, Богъ вѣсть откуда взявшагося.

Онъ стоялъ тутъ же въ окопѣ, присѣвъ на корточки и пригнувъ голову, держа въ рукахъ обыкновенный солдатскiй котелокъ, изъ котораго валилъ паръ, а лицо его, широкоскулое и бородатое, выражало обычное добродушiе и спокойствiе.

Онъ не сказалъ ни слова, но я тотчасъ понялъ, что мой денщикъ принесъ для меня въ котелкѣ горячiя солдатскiя щи изъ походной кухни, что онъ пробѣжалъ съ ними двѣ версты, боясь расплескать драгоцѣнную ношу и рискуя ежеминутно быть убитымъ

рвавшейся надъ полемъ австрійской шрапнелью.

— Зачѣмъ ты пришелъ?.. Ты съ ума сошелъ!.. Убирайся обратно!..—крикнулъ я, но голосъ мой не прозвучалъ строго, я почувствовалъ это самъ, а Сорокоуменко, не мѣняя позы и выраженія лица, заговорилъ, ставя на землю котелокъ со щами:

— Такъ что я назадъ уйду сейчасъ, ваше благородіе... Я только насчетъ штецъ... Какъ же можно... сколько денъ безъ пищи... мы вотъ съ кашеваромъ вслѣдъ за антиреліей и подъѣхали... Кушайте, ваше благородіе, а за котелкомъ я опосля зайду...

Я не успѣлъ сказать больше ни слова Сорокоуменкѣ, такъ какъ онъ, оставивъ на землѣ котелокъ, направился уже вдоль окопа обратно, бросивъ мнѣ короткое:

— Счастливо оставаться!

Мнѣ не было времени даже притронуться къ его щамъ, такъ какъ перестрѣлка все разгоралась, но почему-то казался мнѣ этотъ осенній день особенно яркимъ и радостнымъ, не хотѣлось думать и не думалось о витавшей вокругъ смертельной опасности.

Быть-можетъ, счастливымъ талисманомъ былъ именно этотъ котелокъ съ остывшими щами, любовно принесенный мнѣ вѣрнымъ денщикомъ.

V.

Уже давно спустились сумерки, умолкла стрѣльба, и прошли впередъ наши, назначенныя для преслѣдованія непріятеля, части, когда я съ ротой отошелъ назадъ въ деревню на отдыхъ.

Теперь улицы были полны какими-то повозками, двуколками и походными кухнями; очевидно, подошелъ обозъ, откуда-то появились крестьянскія телѣги, запряженныя длиннохвостыми и длинношерстными тощими лошаденками, и пришлось съ трудомъ пробиваться сквозь эту массу экипажей, запрудившихъ всю дорогу.

Мы расположились въ двухъ большихъ дворахъ, и, пока капитанъ бесѣдовалъ съ фельдфебелемъ, отдавая соотвѣтствующія приказанія, я пошелъ разыскивать нашу двуколку и моего вѣрнаго Сорокоуменку.

Двуколку я нашелъ безъ труда, что̀ же касается денщика, то никто его не видѣлъ, и, быть-можетъ, мнѣ пришлось бы проблуждать еще очень долго, если бы случайно не зашелъ я въ большую просторную избу, гдѣ располагался перевязочный пунктъ, и откуда теперь уже выносили раненыхъ.

Въ большой комнатѣ, скудно освѣщенной фонаремъ, ползали по стѣнамъ неясныя чер-

ныя тѣни. Было тепло и душно, пахло іодоформомъ, пòтомъ и людьми.

Здѣсь раненыхъ уже всѣхъ вынесли, и на полу лежали опустѣвшіе сѣнники. У стѣны въ одномъ изъ угловъ, свернувшись клубочкомъ, какъ будто спалъ кто-то, уткнувшійся носомъ въ землю.

Я подошелъ къ этому странному человѣку, быть-можетъ, забытому раненому, а быть-можетъ, какому-нибудь усталому санитару, свалившемуся отъ утомленія.

Я коснулся его плеча, но онъ не отвѣтилъ ничего, не повернулъ головы и даже не вздохнулъ, я коснулся его руки—она была холодна, и когда, встревоженный, я заглянулъ ему въ лицо, я увидѣлъ спокойную добродушную улыбку Сорокоуменки, его широкую густую бороду, только глаза были закрыты, какъ будто онъ спалъ.

Теперь я понялъ, почему этотъ человѣкъ остался здѣсь одинъ послѣ того, какъ вынесли всѣхъ раненыхъ: ему не нужны были теперь ни перевязки, ни лѣкарства, ни уходъ врачей, его мертвое лицо улыбалось новой невѣдомой намъ жизнью, которую онъ уже началъ, въ которую онъ уже вступилъ...

Подошедшая сестра объяснила мнѣ, что подобрали его смертельно раненымъ на полѣ, и что умеръ онъ тихо, словно заснулъ, чтобы больше никогда не проснуться.

Какая-то сила согнула меня и поставила на колѣни передъ трупомъ моего вѣрнаго денщика. И въ одно мгновеніе я вспомнилъ принесенный имъ подъ огнемъ котелокъ со щами, обѣщаніе вернуться за пустой посудиной и его послѣднее короткое «Счастливо оставаться».

— Вы знали его?—спросила сестра.

— Онъ былъ моимъ денщикомъ.

Пока сестра милосердія записывала мои показанія, я просматривалъ найденную при немъ тоненькую клеенчатую книжку; на первой страницѣ было написано неровными крупными каракулями:

Рубахъ шесть.

Исподнихъ четыре.

Платковъ восемь.

Чулокъ шесть.

Это былъ счетъ моего бѣлья, которое онъ отдавалъ въ стирку мѣсяца полтора тому назадъ, когда мы стояли на отдыхѣ въ городѣ.

Теперь онъ лежалъ передо мной такой же улыбающійся, спокойный, но неподвижный, и словно послѣ смерти этой нелѣпой записью напоминалъ мнѣ о своихъ вѣчныхъ заботахъ, своей вѣчной грубой, мужицкой, но прекрасной нѣжности ко мнѣ.

Чѣмъ я могу отплатить тебѣ, Сорокоуменко? Написать твоей женѣ о твоей геройской ги-

бели, переслать ей твои ситцевыя рубахи и тотъ, помнишь, синій, съ бѣлыми горошками, платокъ, который ты просилъ меня купить тебѣ въ городѣ. Для кого?—я не знаю, ты мнѣ не сказалъ, точно такъ же, какъ никогда не говорилъ о своей семьѣ и о томъ, гдѣ она находится.

Что я могу сдѣлать теперь для тебя? Ничего! Мой долгъ неоплатенъ. Прими же мою послѣднюю ласку и мой послѣдній поцѣлуй!..

Когда я вышелъ на улицу, было темно и отъѣзжала послѣдняя подвода, наполненная ранеными.

Остался въ темной, большой и пустой избѣ одинъ только мертвый Сорокоуменко, лежавшій, словно заснувъ, на сѣнникѣ въ углу.

ЖЕЛѢЗНЫЯ СЕРДЦА.

I.

Утомленные боемъ, кипѣвшимъ съ ранняго утра и до синихъ сумерекъ, уже спустившихся на поля, противники расходились и только изрѣдка перекликались одиночными выстрѣлами артиллерійской батареи.

Двѣ мощныя тысячеголовыя волны людей, столкнувшіяся тамъ, за лѣскомъ, сегодня утромъ, теперь отхлынули назадъ, оставивъ посрединѣ четыре исполинскіе факела — четыре пылающія деревни.

Мы не замѣтили, какъ наступилъ вечеръ, какъ посинѣло небо, воздухъ сталъ холоднѣе, лѣсъ какъ будто потемнѣлъ, широкія поля, изрѣзанныя линіями окоповъ и усѣянныя черными точками человѣческихъ труповъ, постепенно слились въ одну темную, ровную и неподвижную поверхность, какъ гладь задремавшаго океана.

Не стало видно ни окоповъ ни сѣрыхъ труповъ убитыхъ, все смѣшалось, потонуло въ ночномъ мракѣ, и только иногда вздрагивающее багровое зарево далекихъ пожаровъ выхватывало изъ темноты кусочекъ поля съ разбитымъ зряднымъ ящикомъ на немъ, опушку побитаго снарядами лѣса или черную колышущуюся, ощетиненную массу пѣхоты, катившейся широкой рѣкой по пыльному шоссе. Тогда кровавые отблески играли на остріяхъ штыковъ, лица людей казались мѣдно-красными и значительными, а глаза свѣтились словно фосфорическимъ блескомъ.

Миновавъ опушку, разлились по цѣлой сѣти узкихъ проселочныхъ дорогъ и поползли черными змѣями батальоны пѣхоты. Артиллерія еще долго бросала въ темноту сумерекъ свои вспыхивающіе пламенемъ снаряды, но потомъ тоже умолкла и потянулась вслѣдъ за пѣхотой.

На смѣну сражавшимся пришли новые, а истомленные полки и батареи отходили на вторую линію для краткаго отдыха.

Ночь наступала быстро, и мы не замѣтили, какъ стало совсѣмъ темно и трудно было различать даже лица своихъ сосѣдей. По узкой дорогѣ посрединѣ въ два ряда двигались повозки и артиллерія, по бокамъ шла пѣхота, прикрытія, санитары несли ра-

неныхъ. Миновали какія-то деревни, какія-то лѣса, поворачивали влѣво и вправо и наконецъ остановились около большого темнаго села, едва выдѣляющагося изъ мрака двумя-тремя тусклыми огнями еще не покинутыхъ избъ.

Рота остановилась около околицы съ краю дороги. Въ ожиданіи приказанія капитанъ велѣлъ составить ружья, и мы вошли въ одну изъ избъ, освѣщенныхъ изнутри.

Въ большой просторной комнатѣ съ низкимъ темнымъ потолкомъ въ лѣвомъ углу высилась громадная бѣлая печь, въ правомъ ютилось цѣлое семейство владѣльца хаты, а посрединѣ, у окна, стоялъ столъ, за которымъ расположились четыре офицера, артиллеристы сосѣдней съ нами батареи.

На столѣ уже кипѣлъ убогій самоваръ, разложена была незатѣйливая закуска, и офицеры, видимо уставшіе и изголодавшіеся за день, всецѣло были заняты истребленіемъ припасовъ, которые удалось добыть ночью въ почти покинутомъ жителями селѣ.

— А, капитанъ! Честь и мѣсто! — встрѣтилъ насъ рыжебородый подполковникъ, очищая крутое яйцо. — А здорово мы васъ сегодня поддержали: рота капитана Шаханова совсѣмъ въ сторону ушла... Вамъ бы безъ насъ капутъ...

— Ну ужъ и капутъ,—добродушно отмахнулся капитанъ, кладя на подоконникъ фуражку.

— А то какъ-же? — вступились артиллерійскіе прапорщики.—Шаханова нѣтъ, Ерофѣевъ тоже со своими влѣво отъ лѣса ушелъ, ну, васъ бы австрійцы тутъ и прижали.

Разгорѣлся обычный споръ, темой котораго былъ сегодняшній бой, только-что окончившійся, но еще всѣхъ волновавшій и занимавшій всѣ умы.

Спорщики одновременно успѣвали пить чай изъ жестяныхъ и эмалированныхъ кружекъ и уничтожать все, что было предложено судьбой имъ на ужинъ.

Споръ былъ прерванъ появленіемъ солдата, который принесъ капитану записку отъ командира полка съ приказаніемъ немедленно выдвинуть роту въ сторожевое охраненіе на двѣ версты къ западу отъ села.

— Вотъ вамъ и отдыхъ, вотъ вамъ и мягкія постели! развелъ руками капитанъ, и, распростившись съ гостепріимными артиллеристами, мы вышли опять на широкую грязную улицу наполненнаго войсками села.

Солдаты нашей роты отдыхали; они расположились прямо на землѣ около составленныхъ винтовокъ; едва замѣтно вспыхи-

вали огоньки цыгарокъ, но, вѣроятно, нѣкоторые успѣли задремать; доносился ихъ свистъ и сонное похрапываніе.

По командѣ капитана рота собралась быстро, примолкли разговоры, побросали папиросы и, вытянувшись длинной колонной по два человѣка, вышли изъ села въ поле.

Здѣсь было еще темнѣе, еще холоднѣе, еще непріютнѣе.

Мы шли съ ротнымъ командиромъ впереди, шагая по чему-то мягкому, и не разобрать было, притоптанная ли это и поломанная высокая трава, или же жидкая грязь, а можетъ-быть, просто болото. Мы молчали долго, пока не померкли позади насъ послѣдніе огоньки села, и только тогда капитанъ, не убавляя шага, негромко, какъ бы бесѣдуя самъ съ собою, произнесъ:

— А все-таки какъ хорошо они дрались сегодня... какъ хорошо!

Онъ задумчиво покачалъ головой.

— Вы обратили вниманіе,—внезапно оживился ротный командиръ, обращаясь ко мнѣ:—вы видѣли, какъ въ окопѣ приколотъ былъ австрійскій лейтенантъ? Вы видѣли, какой это ударъ—штыкъ прошелъ насквозь, сломался у шейки и пригвоздилъ, какъ гвоздемъ, австрійца къ стѣнкѣ; а вы знаете, кто его такъ раздѣлалъ? Бибилашвили! Тотъ самый слабосильный и ни къ чему не год-

ный молодой армяшка, котораго вы еще распекали на ученьи передъ отъѣздомъ на войну! Вотъ вамъ и Бибилашвили; откуда у него только храбрость взялась, откуда онъ силы набрался? Подите, поймите-ка!

И я вспомнилъ дѣйствительно Бибилашвили, маленькаго черненькаго солдатика, съ которымъ бились мы всѣ, и старикъ фельдфебель давно махнулъ рукой, удивляясь, какъ это такого тщедушнаго и несообразительнаго взяли въ солдаты.

— А что, капитанъ, живъ онъ, Бибилашвили? — невольно вырвался у меня вопросъ.

— А то какъ же! Представьте, живъ и почти не раненъ, если не считать рикошета въ колѣно; идетъ на своемъ мѣстѣ въ четвертомъ взводѣ.

Мы пересѣкали темное поле и остановились около бѣлѣвшей въ ночной темнотѣ дороги, протянувшейся вдоль глубокой складки мѣстности.

Сторожевое охраненіе должно было расположиться именно здѣсь.

Главная застава спустилась въ глубину естественной траншеи, выставивъ часовыхъ на брустверъ, а изъ боковыхъ заставъ лѣвая ушла на окраину лѣса, а правая къ самому болоту, откуда были едва замѣтны вдали темныя пятна неизвѣстныхъ строеній.

Мы разстались съ капитаномъ на днѣ оврага. Онъ остался при главной заставѣ, а мнѣ со взводомъ пришлось идти вправо, въ боковой дозоръ, расположившійся около трясины.

Мы двигались молча одинъ за другимъ по узкой тропинкѣ, вившейся по полю; позади насъ постепенно умолкли голоса оставленныхъ товарищей и потонули въ темнотѣ ночи вспышки ихъ папиросъ.

Мы были одни, совсѣмъ одни, въ безбрежномъ океанѣ незнакомыхъ ночныхъ полей; мы двигались медленно и осторожно впередъ, готовые каждую минуту замѣтить въ полѣ черный силуэтъ непріятельскаго солдата или услышать голоса нѣмецкаго дозора.

Проводникомъ служилъ намъ молодой солдатикъ изъ нашего взвода, здѣшній уроженецъ, а потому болѣе насъ знакомый съ мѣстностями, черезъ которыя намъ приходилось двигаться. Впрочемъ, проводникъ нашъ хотя и пошелъ храбро впереди, но, видимо, тоже не былъ твердо убѣжденъ въ правильности взятаго направленія: онъ поминутно останавливался, нагибался, шарилъ руками по землѣ, отыскивая тропинку, потомъ глядѣлъ на небо и, пробормотавъ что-то себѣ подъ носъ, продолжалъ путь во главѣ покорно слѣдовавшаго за нимъ взвода.

Фельдфебель Матвѣенко шелъ съ нами самымъ послѣднимъ и, кажется, меньше всѣхъ довѣрялъ нашему проводнику; по крайней мѣрѣ каждый разъ, какъ тотъ въ нерѣшимости останавливался, Матвѣенко съ самаго хвоста взвода спѣшилъ къ его головѣ, подбѣгалъ къ солдатику и, наклонясь къ нему, на ухо, чтобы не нарушать устава, шепталъ какъ можно тише:

— Собачій сынъ, понимаешь!.. собачій сынъ!.. Чего берешься? Самъ не знаешь, а тоже—берешься... ежевая твоя голова... Сидѣлъ бы лучше въ обозныхъ, что ли... У-у!.. «песій котъ»!..

«Песій котъ» — это было любимое ругательство Матвѣенки; оно не заключало въ себѣ ничего обиднаго, такъ какъ было лишено всякаго смысла, и однажды ротный командиръ спросилъ Матвѣенку, какъ онъ самъ понимаетъ произносимыя имъ слова.

— Чего же понимать, ваше высокоблагородіе! — сконфузился фельдфебель, переминаясь съ ноги на ногу.—Кто жъ его знаетъ!.. Мало ли что народъ выдумаетъ, не я вѣдь придумалъ.

Хотя фельдфебель и оправдывался, но вся рота и всѣ офицеры остались глубоко убѣжденными, что «песьяго кота» выдумалъ Матвѣенко. На него не обижались.

Наконецъ нашъ проводникъ остановился

окончательно, уже больше не шарилъ по землѣ и не глядѣлъ на небо, а безъ всякаго колебанія отрапортовалъ:

— Такъ что тутъ оно, ваше благородіе, болото и зачинается; дальше идти никакъ невозможно, потому тропочка эта скрозь болото не проходитъ, надобно окольнымъ путемъ идти.

— А это тамъ что чернѣетъ? — указывая на далекія строенія, спросилъ Матвѣенко.

— Это, господинъ фельдфебель, сельцо было... Звать его какъ—не упомню!

Матвѣенко хмыкнулъ носомъ, недовольно пожалъ плечами и не удержался, чтобы не пробормотать:

— «Не упомню»! Ничего ты не упомнишь, песій котъ!

Заставу расположили здѣсь же, около тропинки, въ глубокой ямѣ, вырытой, вѣроятно нѣмецкимъ «чемоданомъ»; разставили посты; солдаты присѣли съ винтовками, высунувъ головы на поверхность поля, а мы съ Матвѣенкой расположились въ самой глубинѣ ямы, собираясь поочередно, если не вздремнуть, то по крайней мѣрѣ отдохнуть, вытянувъ утомленныя ноющія ноги.

Я съ грустью и завистью вспомнилъ о счастливыхъ артиллерійскихъ прапорщикахъ, оставленныхъ нами въ деревушкѣ, въ теплой избѣ за убогимъ самоваромъ; съ

досадой подумалъ, что вотъ уже второй разъ за эту недѣлю наша рота попадаетъ прямо послѣ боя въ сторожевое охраненіе. Быть можетъ, я нашелъ бы еще много причинъ огорчаться и портить настроеніе, если бы изъ темноты не вынырнула внезапно фигура солдата, принесшаго съ главной заставы отъ ротнаго командира мнѣ записку:

«Отправьтесь сами немедленно осмотрѣть деревню, что на западѣ. Возьмите человѣкъ пять. При остальныхъ останется Матвѣенко. Сообщите, нѣтъ ли тамъ нашихъ раненыхъ или нѣмцевъ».

Это неожиданное новое порученіе меня искренно обрадовало: все-таки, разъ суждено было не спать эту ночь, интереснѣе провести ее не неподвижно прикованнымъ къ темной, холодной и сырой ямѣ. Подобныя экспедиціи всегда сулятъ новыя впечатлѣнія и подчасъ далеко не ординарныя.

Я отобралъ пять человѣкъ и, наказавъ фельдфебелю остаться при остальныхъ, двинулся со своимъ незначительнымъ отрядомъ прямо, безъ дороги, черезъ черное рыхлое поле къ темнѣвшимъ очертаніямъ полуразрушенной деревушки.

II.

Этотъ часъ показался намъ невѣроятно долгимъ, такъ какъ путь былъ очень тяжелъ.

Пришлось идти черезъ поле прямо безъ дороги во мракѣ, частью по размякшей отъ дождей землѣ, частью по болоту, едва вытаскивая отяжелѣвшія, обутыя въ высокіе сапоги, ноги и чувствуя, какъ съ каждымъ шагомъ вода ледяными струйками пробивается въ обувь, хлюпаетъ и булькаетъ. Приходилось слѣдить внимательно, чтобы не потерять другъ друга, такъ какъ ночь еще стала темнѣе, и небо затянулось тучами. Я видѣлъ впереди себя поминутно исчезавшій силуэтъ Евсюкова, здоровеннаго дѣтины, правофланговаго нашей роты. Онъ шелъ медленно, какъ медвѣдь, переваливаясь съ ноги на ногу и держа винтовку не на плечо, а какъ-то далеко въ сторонѣ отъ тѣла за самую середину ложа; вслѣдъ за мной шли еще четыре человѣка, и я слышалъ только, какъ хлюпала вода подъ ихъ ногами, и какъ иногда кто-нибудь изъ нихъ, споткнувшись или поскользнувшись, бросалъ вполголоса короткое крѣпкое словцо.

И наконецъ мы достигли небольшого ската на которомъ раскинулась безмолвная и темная деревня.

Здѣсь мы собрались всѣ въ кучку, отдохнули нѣсколько минутъ, попрыгали на мѣстѣ стряхивая съ ногъ липкую грязь, и тронулись къ ближайшему темному двору, ворота котораго были широко раскрыты, и лѣвая половинка, болтаясь на одной петлѣ, раскачиваемая вѣтромъ, скрипѣла и выла жалобнымъ собачьимъ голосомъ.

Двоихъ я послалъ прямо по улицѣ по правой сторонѣ, а самъ съ остальными пошелъ по лѣвой. Дворы были пусты, амбары сараи и конюшни раскрыты настежь, все носило слѣды поспѣшнаго бѣгства жителей, старавшихся унести все, что было возможно.

Евсюковъ по скрипучимъ ступенямъ поднялся на крыльцо и отворилъ дверь. Комната была пуста. Блѣдно-сѣрымъ пятномъ выступало изъ мрака окно, но оно не давало достаточно свѣта, чтобы разобрать окружающіе предметы.

— Ваше благородіе, посвѣтите-ка фонарикомъ... Може, кто и найдется здѣсь,— окликнулъ меня Евсюковъ.

Я поднялся на крыльцо, вошелъ въ тихую темную комнату и зажегъ карманный электрическій фонарь. Бѣлый лучъ сверкнулъ какъ молнія, прорѣзалъ темноту и уперся въ полъ... И вдругъ я ясно увидѣлъ въ молочно-серебряной бѣлизнѣ его два

страшные мертвые глаза, уставившіеся на свѣтъ немигающимъ взглядомъ. Я моментально потушилъ свѣтъ.

Это было такъ ужасно, что сначала я былъ увѣренъ, что галлюцинирую. Но стоявшій рядомъ Евсюковъ въ эту минуту прошепталъ:

— О, Господи, никакъ здѣсь есть кто-то!

— Ты видѣлъ, Евсюковъ? — спросилъ я вздрагивающимъ голосомъ.

— Запалите огонекъ-то, ваше благородіе,—вмѣсто отвѣта сказалъ солдатъ.

Я снова зажегъ лампочку, и на этотъ разъ опять ея бѣлый лучъ встрѣтилъ мертвые глаза и мертвое блѣдное лицо съ открытымъ ртомъ.

— Полякъ убитый, ваше благородіе,—объяснилъ Евсюковъ и наклонился къ покойнику.—Да тутъ еще одинъ,—услышалъ я его голосъ.

Бѣлый лучъ скользнулъ по полю, по чернымъ лужамъ крови, и озарилъ еще два трупа — женщины и старика, припавшихъ лицами къ землѣ. Они оба уже были мертвыми. Евсюковъ снялъ шапку, перекрестился и тихо произнесъ:

— Этимъ теперача все одно не поможешь!

Мы уже хотѣли выйти изъ избы, и я въ послѣдній разъ обвелъ бѣлымъ лучомъ стѣны комнаты. Уже около самой двери мое

вниманіе привлекли стѣнные часы, продолжавшіе махать своимъ маятникомъ и равномѣрно отбивать: тикъ-такъ, тикъ-такъ...

Люди умерли, но время не остановилось; часы шли, равнодушно и неторопливо помахивая своимъ маятникомъ.

И вслѣдъ за Евсюковымъ я поспѣшно вышелъ изъ избы, оставивъ въ комнатѣ замученныхъ нѣмцами людей и тикающіе безразличные часы.

Улица была пустынна и темна. Иногда мы спотыкались, попадая ногами въ ямы, вырытыя гранатами, осторожно обходили трупы лошадей со вспухшими, словно надутыми, животами и заходили поочередно во всѣ дворы.

И всюду мы встрѣчали то же опустошеніе, то же разрушеніе, тѣхъ же убитыхъ въ своихъ домахъ, у своихъ очаговъ, жителей. Впрочемъ, на небольшой площади противъ бывшаго постоялаго двора намъ пришлось увидѣть нѣсколько иную картину: длинное, сажени въ три, коромысло колодца теперь было остановлено и повернуто параллельно землѣ, а вдоль него гирляндой висѣли и раскачивались отъ вѣтра черныя человѣческія фигуры съ какъ-то странно оттянувшимися внизъ плечами и болтающимися руками.

Здѣсь, очевидно, нѣмцы чинили свой судъ надъ деревенскими жителями. Противъ по-

стоялаго двора мы видѣли столъ, около котораго валялось нѣсколько опрокинутыхъ скамеекъ, земля была засыпана гильзами разстрѣлянныхъ патроновъ, и, когда мы подошли ближе къ этой страшной колышущейся гирляндѣ повѣшенныхъ, мы увидѣли, что съ ногъ нѣкоторыхъ изъ нихъ черными каплями стекала кровь, собираясь внизу небольшими лужицами.

Очевидно, ихъ повѣсили, а потомъ еще разстрѣливали.

Мы простояли нѣсколько минутъ передъ страшнымъ колодцемъ, и—удивительно!—даже солдаты, уже привыкшіе въ бояхъ къ виду крови и къ смерти, теперь были глубоко потрясены и взволнованы этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ. Мы пошли дальше только тогда, когда прибѣжалъ одинъ изъ нашихъ солдатъ, отправленныхъ впередъ, съ сообщеніемъ, что они нашли двухъ раненыхъ.

У стѣны большого сарая, въ которомъ прежде, вѣроятно, помѣщались какія-нибудь повозки или экипажи, стоялъ большой ларь съ пробитой въ крышкѣ дырой. Около ларя я увидѣлъ трехъ нашихъ солдатъ, склонившихся надъ двумя распростертыми на землѣ человѣческими фигурами.

Это были казаки.

Одинъ былъ уже мертвъ, а на тѣлѣ другого наши солдаты, моментально его раз-

дѣвшіе и спѣшившіе перевязать при помощи своихъ индивидуальныхъ пакетовъ, нашли болѣе тридцати колотыхъ, правда, неглубокихъ, штыковыхъ ранъ.

Первый казакъ былъ мертвъ, его не застали уже въ живыхъ мои спутники, но второй, которому штыки нѣмцевъ не причинили, къ счастью, смертельныхъ ранъ, ослабъ только отъ потери крови и, послѣ того какъ я далъ ему глотнуть изъ походной фляжки вина, вскорѣ пришелъ въ себя и даже могъ разсказать подробности своего плѣненія.

Оба они, онъ и его товарищъ Закурнаевъ, тотъ, что лежитъ теперь рядомъ, весь исколотый насквозь нѣмецкими штыками, случайно заѣхали въ эту деревню и были схвачены многочисленными нѣмцами. Правда, Закурнаеву и его товарищу удалось разбить не меньше дюжины нѣмецкихъ головъ, но все же нѣмцы одолѣли численностью, казаки были сброшены съ коней, связаны и заперты въ этомъ сараѣ. Взаперти держали ихъ недолго; черезъ часъ или, можетъ-быть, полтора двери отворились, и казаковъ ударами прикладовъ выгнали на дворъ. Вокругъ нихъ столпились прусскіе пѣхотинцы, солдаты и офицеры, кричали что-то, били ихъ по лицу, плевали на нихъ, пока наконецъ одинъ изъ вышедшихъ изъ тер-

пѣнія казаковъ не закатилъ ближайшему нѣмцу такую затрещину, что тотъ даже свалился съ ногъ.

Тогда «побѣдители», продолжая ругаться, отошли нѣсколько въ сторону и начали совѣщаться о чемъ-то,—вѣроятно вырабатывая способъ казни плѣнниковъ.

— Ну, теперь шабашъ, Закурнаевъ,—сказалъ товарищу казакъ:—вырѣжутъ изъ нашей шкуры лампасы, а жилы въ нагайки пойдутъ.

Закурнаевъ покрутилъ головой.

— Помирать, такъ помирать, чего тамъ! Все одно... лучше, чѣмъ такъ... ишь, оплевали всего...

Но казнь была уже выдумана. Ужасные люди съ желѣзными сердцами торжествовали, изобрѣтя совершенно новый способъ истязанія казаковъ, которыхъ они такъ ненавидѣли и такъ боялись: они бросили двухъ беззащитныхъ непріятелей въ этотъ ларь, одного на другого, заперли крышку, пробили въ ней дыру, и каждый изъ доблестныхъ солдатъ германской арміи, находившихся здѣсь, долженъ былъ ткнуть штыкомъ въ эту дыру «до отказа». И они всѣ съ хохотомъ и радостными возгласами принимали участіе въ этой казни; они подходили къ ларю, ударяли штыкомъ, погружая его до шейки, и еще прислушивались,

какъ пронзенный лезвіями Закурнаевъ шевелился и конвульсивно вздрагивалъ въ своемъ дощатомъ застѣнкѣ.

Ихъ было больше тридцати, и больше тридцати штыковъ, проткнувъ насквозь Закурнаева, впивались концами въ тѣло его товарища.

Наконецъ оба казака примолкли: одинъ умеръ, а другой потерялъ сознаніе.

Тогда нѣмцы оставили ихъ и пошли прочь.

Если бы казакъ разсказалъ мнѣ эту исторію до того, какъ я обошелъ половину деревни и видѣлъ изуродованные трупы крестьянъ, старухъ съ головами, раздробленными прусскими прикладами, колодезное коромысло, превращенное въ колоссальную висѣлицу,—я бы ему не повѣрилъ; я бы подумалъ, что его воспаленный мозгъ, потрясенный ужасами ожиданія казни, ужасами неизвѣстности, породилъ эту чудовищную, нечеловѣческую фантазію казни; я бы ему сказалъ, что вѣдь нужно быть хищникомъ, звѣремъ, надо имѣть желѣзное сердце, чтобы выдумать и привести въ исполненіе такое истязаніе.

Но я видѣлъ воочію, и я повѣрилъ ему, ни одной минуты не сомнѣваясь.

Мы уже шли назадъ, неся на рукахъ израненнаго казака, когда взошла луна. Она прорвала тучи, выглянула краемъ своего

блѣднаго, прозрачнаго лика, и серебряные лучи ея озарили черныя, уснувшія строенія деревни. —

Когда мы проходили мимо висѣлицы, при лунномъ свѣтѣ она показалась еще ужаснѣе, еще значительнѣе раскачивались и размахивали руками повѣшенные, и рельефнѣе выступали на пескѣ черныя лужицы стекавшей съ нихъ крови.

И мы всѣ, стараясь не глядѣть въ ту сторону, почти бѣгомъ вышли изъ деревни.

Послѣ, возвратясь къ заставѣ, въ глубокую яму, вырытую нѣмецкимъ «чемоданомъ», одну минуту я подумалъ, что всѣ эти ужасы были кошмаромъ безсонной ночи, что въ дѣйствительности ничего этого нѣтъ и не можетъ быть, но здѣсь же, на днѣ ямы, лежалъ подобранный нами казакъ; онъ былъ живымъ свидѣтелемъ, вопіющимъ обличителемъ людей съ желѣзными сердцами.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛУКОМОРЬЕ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

Сборникъ «Лукоморье». Ц. 2 р.
Сергѣй Городецкій—«Четырнадцатый годъ». Ц. 1 р. Обл. Е. Нарбут
М. Кузьминъ—Военные разсказы. Ц. 1 р. 50 к. Обл. С. Судейкин
Борисъ Лазаревскій—Новыя дѣвушки. Разсказъ. Обложка Д. Митрхин
Борисъ Лазаревскій—Во время войны. Ц. 1 р. 50 к. Обл. Д. Митрохин
В. Опочининъ—Грезы и жизнь. Стихи. Ц. 1 р. 50 к. Обл. Е. Нарбута.
Георгій Ивановъ—Памятникъ славы. Стихи. Ц. 1 р. Обл. Е. Нарбут
Михаилъ Долиновъ—Радуга. Стихи. Ц. 1 р. Обл. И. Мозалевскаг
М. Влагинъ—Разсказы. Ц. 1 р. 25 к. Обложка Е. Нарбут.
Юрій Слезкинъ—Святая радость. Т. III. Ц. 1 р. 75 к. Обл. О. Шарлеман
Юрій Слезкинъ—Среди березъ. Т. II.
А. Ремизовъ—Укрѣпа. Обложка Е. Нарбута. Ц. 1 р. 50 к.
А. Рославлевъ—Черезъ цвѣтныя стекла. Обложка Д. Митрохин Цѣна 1 р. 50 к.
Юр. Юркунъ—Разсказы. Обложка А. Божерякова. Ц. 1 р. 50 коп.
Н. Кисилевъ—Скрещенные мечи. Обл. И. Мозалевскаго. Ц. 1 р. 25
А. Липецкій—Воля къ жизни. Обложка И. Мозалевскаго. Ц. 1 р. 50
В. Бѣловъ—Разумѣйте языцы. Обложка И. Мозалевскаго. Ц. 1 р. 50
В. Козловъ—Подъ грозою. Ц. 1 р. 50 к. Обложка Д. Митрохина.
Бор. Садовскій—Полдень. Стихи.
Б. Верхоустинскій—Утренняя звѣзда. Ц. 1 р. 50 к. Обл. Д. Митрохин

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Сборникъ Лукоморье (второй).

Ѳ. Сологубъ—Родина. Стихи. Обложка Е. Нарбута.
Ѳ. Сологубъ—Барышня Лиза. Обложка и иллюстраціи С. Судейкин
Юрій Слезкинъ. Т. Т. I, IV, V, VI. Обложка О. Шарлемань.
С. Ауслендеръ—Разсказы. Сердце воина. Ц. 1 р. 25 к. Облож Д. Митрохина.
А. Рославлевъ—Кольцо. Стихи. Обложк Д. Митрохина.
Д. Цензоръ—Обиженная любовь.
Яковъ Годинъ—Праздникъ.
А. Ремизовъ—Чаемый Царьградъ. Обложка Н. Гончаровой.
В. Муйжель—Приключенія двухъ юныхъ добровольцевъ на войн
